

Анатолий Буравин
ВИВЕКАНАНДА

Київ
Друкарський двір
Олена Федорова
2025

Анатолий Буравин

ВИВЕКАНАНДА

Израиль
2025

АНАТОЛИЙ БУРАВИН

ВИВЕКАНАНДА

Проза

Дизайн и верстка *Юлии Дозорец*

Издатель *Виталий Кабаков*

ISBN 978-965-7848-80-7

*Мне больше некуда деться. Мне больше, Господи,
некуда деться. Господи, я сам себя не спас.*

*Слепо доверяя учению преданий, поклонившись
вехам пройденного, а также великой Иллюзии
сотворенного, должно затем возгласить:
Господи, ты среди нас!*

Глава 1

Не главами сотворена история. Не создана она глазами, ушами, носом, языком, руками. За историей слышите вы пение птиц. Где эти птицы?

Род повергнутых в смертельный круговорот рождений замыкается. На ваших основах рождается тот, которого еще не было. Его истинная история будет рассказана вам в нескольких неправдивых пересказах, в пустых обещаниях и радостных песнях. И, оказалось, что был он уже на земле, и имя ему разрушение.

Но не главами должна сотворяться эта история. Эта история — и пыль, и быль одновременно. Сухостью во рту подтверждаются мои слова, сотворенное снова нисходит на первый план, разрушение придает форму.

В глазах наших тупик и прекрасное начало. Нет ничего героического в нас, потому что все заканчивается. Герой — тот, кто заканчивает все, и начинает все сызнова.

Каждое слово здесь — как всегда ложь. Правда спрятана. Кем? Вами. Глаза ваши обезумели, руки иссохли от голода воспаляющего, но приятного духу, уши не слышат радости и грусти тоже не слышат, язык нем и не двигается, ноздри не касаются ветра, ум ваш есть, и я, разрушитель, ем его. Прочитающим это дарован трехдневный покой.

Глава 2

Имя мое Вивекананда. Нет в моих глазах правды, руки мои истошны, глас мой бессилен.

Я сижу на открытом просторном холме. Полузажженные глаза усматривают даль, беспокойное получеловеческое сердце жаждет очищающего рассвета, не могу словить себя, ведь нет во мне меня. Лучистое солнце приходит, освещая собой окружность холма, я не могу избавиться от себя, которого во мне нет.

Воздух утренний входит и выходит из тела. Знаю закон, но не следую ему. Ранимый до бесчувствия, снова ты, Вивекананда, сотворишь из себя жертву.

Дети кричат. Я резко наклоняюсь, смотрю вниз. Мой милый мальчик, моя милая девочка, почему вы бежите ко мне? Твои растрепанные сухие волосы и белое лицо, твои русые косы и ярые холодные глаза. Что случилось? Это случилось. Нет времени, Вивекананда, сейчас умять себя, нет никого вокруг, кто бы мог быть вместо тебя. И нет места чужому презрению, пусть оно и не чужое, а твое, нет времени откладывать в порожнее, пусть нет истины и силы внутри, — надо вставать. Милые мои, что случилось? Что такое? — кричишь ты с холма в сторону бегущих к тебе детей; солнечные лучи подхватывают твой человеческий голос, твои стеклянные глаза, холодный утренний ветер пронизывает Вивекананду, проникая в просторное черное одеяние. Нет никого, Вивекананда, кроме тебя! Нет никого и ничего, кроме Бога! — исправляешь ты, и сонмы душ держат твою душу.

— Учитель! Учитель, он пришел!

Глава 3

История Вивекананды правдива. Глаза Вивекананды устремлены вперед, одеяние скачет по ветру, Вивекананда на правильном пути.

Дети отстают, перебивая маленькими ногами, Вивекананда думает только о себе как о человеке. Закон нависает над ним, но Вивекананда слеп и глух как зеркальное отражение солнца. Иллюзия ощутима как воздух, суть Вивекананды готова низвергнуться, сознательно связать себя наказанием, чтобы принимать наказание вечно. Пусть сгорит душа моя, пусть не будет меня, пусть я, Вивекананда, свяжу себя по рукам и ногам, пусть не будет места мне даже в нижних мирах. Судьба Вивекананду сжимает в кулак и заставляет бежать не оглядываясь.

Учитель! Учитель! Как стыдно слышать это обращение к себе. Как недостойно жить этим миром, как глаза твои, Вивекананда, поверхностны, как руки твои бесчувственны, как не приносишь ты пользы, как не исходит из тебя любви. Солнце бушует, бог ветра беснуется, ты не приносишь настоящих жертв, все твои жертвы совершались с желанием воздаяния. Ты демон, Вивекананда, ты жалкий немощный человек, которому никогда не стать риши. Солнце благосклонно к тебе, но ты не отвечаешь ему взаимностью. Разве не был открыт тебе закон? Разве не знаешь ты, Вивекананда, как, воспитывая в себе благое, ты распространяешь благое в других? Разве не понял ты, как накапливать в себе силу? Ты, Вивекананда, смертен, и после смерти ты встретишься со всем благом и злом, что сделано тобой; бесчувственный Вивекананда, что от-

крывается твоим слепым глазам, кроме отсутствия? Зачем тебе становиться риши, если ты сам не можешь быть им?

Но что сейчас происходит? Куда я бегу? Могу ли я, жалкий, отвергнуться от судьбы, свернуть в другую сторону, забыться, стереть с лица свои глаза, опуститься на дно, сгореть, исжиться? Не могу! Я не могу! Я бегу вперед, я, Вивекананда, бегу вперед, потому что вперед бежит моя судьба. Это кто-то бежит, а я, Вивекананда, внутри беспокоен и бесчувственен; моя суть позволяет телу бежать, не оглядываясь на детей, моя сумбурная рваная суть позволяет миру разрушаться. Но если это и есть твой путь, Вивекананда? Этот мир, как ты знаешь, разрушается и создается вечно, и нет этому предела.

Этому предел есть и я этому предел. Слепой Вивекананда бежит вперед против солнечных лучей, и тень его будет впитана терпеливой землей. Мир будет разрушен, мир будет сотворен снова, я жду тебя, Вивекананда, о, змея среди людей, о, бык среди смертных, беги сюда, мой милый Вивекананда, у тебя времени вечность.

Вивекананда краем уха слышал прерывистое дыхание детей, и вдруг суть остановила его, страх оставил его. Вивекананда вдохновенно остановился, вдохнул, и обернулся к детям. Через минуту запыхавшиеся мальчик и девочка были рядом.

— Учитель!.. Учитель!..

— Не будем спешить, дети. Не будем бояться. Идемте, примем судьбу с чистой совестью перед грехами.

Длинные тени детей и Вивекананды протянулись вдоль желтого сияющего поля. Вивекананда улыбался и шел в центре, держа за руки хрупкого мальчика с ледяными глазами и девочку с ярким огнем внутри. Прочитающим это да будет сияние на смерть.

Глава 4

Внутри глаз Вивекананда видит, что никто не умрет. Дети трепетно держат его за руки, мягкая поступь, солнце обнимает. Путь такой далекий, иногда хочется рыдать от безумного отчаяния, совсем не понимаешь, что ты здесь делаешь.

Мальчик часто поглядывает на Вивекананду, девочка покусывает губы, черное одеяние Вивекананды словно спохватывается за ним. Но внутри глаз есть суть, видя которую, понимаешь, что никто не умрет. Это не вера. Это уже не вера. Это дарованное знание.

Что значит быть риши? Ухватить рукой внутреннее, что находится внутри сущего, и что сделать? Быть риши — это дарить откровения? Зачем тебе это, Вивекананда? Таким образом ты хочешь, ничтожный, быть выше всех. Ты не можешь быть риши, потому что ты не есть он.

Быть риши — это значит быть сущим. Быть милосердным, добрым, храбрым. Отдавать все другим и ничего не брать себе. Укротить свои чувства, быть наяву, видеть прошедшее как еще не наступившее. И это, милый Вивекананда, только начало пути.

— Учитель...

— Да

— Зачем он пришел?

Мальчик крепче сжал руку Вивекананды.

— Он всегда приходит, — Вивекананда ответил мальчику слабым пожатием.

— Почему мы не можем просто уйти? — спросила девочка.

— Некуда от него уйти, — Вивекананда почти растворился. — Ничего, милые, Господь с нами.

— Но мы умрем? — холодный голос мальчика вернул Вивекананде чувства.

Вивекананда решил оставить этот вопрос без ответа. Не потому, что нечего было сказать — ответить можно на любой вопрос — Вивекананда не ответил, потому что на ответ нужно было найти силу, и мгновение спустя, после безответной паузы, Вивекананда не нашел в себе сил, точнее сила не нашла Вивекананду.

Школа за следующим холмом, за поворотом. Я не хочу знать, я не хочу хотеть, я хочу закрыть глаза, и чтобы все были чисты, и чтобы все были теми, кто они есть. Внутри глаз я вижу совершенное, мысли и чувства мешают моему пути, за поворотом старое здание школы, в котором Вивекананда нашел свое прибежище, слова должны раствориться, глаза должны раствориться, ничего не должно никому, и уж точно тебе, Вивекананда. Прими храбрость свою выйти отсюда последним. Мои грехи должны сгореть, — думал Вивекананда. — Дай сил, чтобы они сгорели, Господи.

Солнце обнимало холм. За поворотом показалось здание школы. Вивекананду вела судьба. Вивекананда наблюдал.

Глава 5

Кто такой Вивекананда? Лишь имя блещет в вас, и душа его с вами рядом. Какими молитвами он выпросил свою судьбу, какие знания приобрел, чтобы оказаться здесь, рядом с нами?

Многие скажут, что Вивекананда не заслуживает сотворенного для него, что солнце подарило Вивекананде дар, который он упускает, что глас его бессилен по причине его бессильности. Все правда. Но есть что-то в сути Вивекананды, в его пропащих глазах, в его обтекающем теле, в его нетвердых руках, что заставляет других на секунду вспорхнуть, проникнуться наружным светом, остекляющим внутреннюю боль и узоры будущей жизни. Именно эта суть виделась некоторым, именно это заставило, спохватило некоторые семьи отдать детей на обучение Вивекананде.

— Только воля сделает тебя сущим, — говорили Вивекананде мудрые. — Ты должен оставить эту жизнь, умереть для нее навсегда. Ты должен обуздать себя.

Вивекананда склонял голову и молчал. Он все это знал, но воля срывалась как исступленная пройденность, и Вивекананда часто даже не жалел себя, а неумело исступленно был.

— Чтобы Боги раскрыли себя сквозь тебя, не нужно скрываться в себе, Вивекананда, — наставляли старцы. — Ты бежишь собственной судьбы, и это страшный грех, Вивекананда, очень страшный и неумный грех.

Вивекананда жадно думал, что судьба не покинет его. Вивекананда грешил, чтобы испытать наказание. Чтобы

ощутить его, принять грех на себя, стать виновным во всем, бояться гнева Божия. Чтобы силы появились на покаяние. Вивекананда жил и светом и тьмой.

Тьма — Вивекананда это видел — была неглубока. Свет был глубоким. Но между светом и тьмой Вивекананда пытался найти себя. Хотя верил только во свет.

Чтобы тебе далась сила для изменения, подготовил ли ты сосуд? Ты нечист, Вивекананда, свет в тебе сливается с тьмой — ты серый, Вивекананда. Говорят, что там, где преобладает серость, всегда побеждает черное. Вивекананда дышал.

Вивекананда, ты действительно хочешь покаяния? Я хочу его всем сердцем, Господи, да не оставит меня свет, чтобы сразиться с тьмой.

Какой судьбы ты просишь, Вивекананда? Я прошу твоей справедливости. Возьми меня с моим светом и моей тьмой, не оставь меня.

Грех побеждается молитвой. Ты перестал молиться, Вивекананда. Как найти в себе силы для молитвы? Только в молитве ты найдешь силы для нее.

Глава 6

Из живота идет мир. Небо красное как исцеляющий страх, который не может быть исцеляющим. Молитвы Господни собираются воедино, чтобы объявить Вивекананде о величественном небе, которое собирается его поглотить.

Нет лишнего шага, Вивекананда, иди ко мне, Вивекананда, бери с собой всех своих замызганных детей, я буду их есть.

Вивекананда смотрел глазами, слушал ушами, вкушал языком, обонял носом, трогал руками, был умом.

Твои глаза иллюзорны, твои речи бездарны, твоя ухмылка смертна.

Вивекананда собирал в себе силы, которых у него не было. У тебя нет никаких прав, Вивекананда, моими руками будешь задушен, иди ко мне, Вивекананда, вместе со своими детьми, я буду их есть.

Твой голос бездарен, я иду к тебе, чтобы простить тебя. Господь с нами. Господь с нами. И Господь с тобой.

Глава 7

Шаг Вивекананды был крепок. Солнце угораздило его проснуться, солнце и заберет его с собой. Дети проникались холодом и уверенностью, которая была похожа на мираж. Вивекананда не знал своего сердца, но внутри был на своем месте.

Ноги ступили на щебенку. Школа высилась, трехэтажное здание заливалось утренним светом и тишиной. Деревья шумели вокруг.

— Где он, дети?

— Во внутреннем дворе, Учитель.

Вивекананда отпустил руки детей, стер щебенкой с глаз утренний рассвет и поднялся на крыльцо. Лучи сразили наповал, черное одеяние глухо скользнуло по бетонным ступеням. Птиц не было слышно, только ветер шумел в листве.

Где ты был, милый мой Вивекананда, где ты был и почему тебя снова сейчас здесь нет? Прочитающим это дарована пустота.

Вивекананда вошел в проем. Никто из оставшихся, как ему казалось, в него не верит. Это потому, что ты сам в себя не веришь, Вивекананда! Глаза обняли чистый внутренний двор школы. Под высоким деревом, вгрызающимся корнями в землю и камни, сидел образ несуществующего обличия, всматривающий в глазах Вивекананды свои собственные глаза. Вивекананда пересек двор, усыпанный солнечными лучами и тенями, приблизился и опустил свое тело напротив. Вдохнуть было нечего, только вкус разрушения заполнял все вокруг.

Глава 8

Облака бежали небом. Здание школы сжалось. Сердечный стук ничего не значил. Спину жгли ангельские крылья, которые не могли родиться без силы. Говорят, что в этот день облака бежали небом, а животные прятались по норам.

Из твоих уст мне приятно слышать эти слова, Вивекананда. Твой милый прообраз тоже мил моему сердцу. Воздух спрятался, Вивекананда смотрел перед собой и ничего не угрожало ему, только приближающийся дождь срывал по утрам охапки чужих снов. В суставах Вивекананды пробудилось милосердие, сострадание. Да будет благословлен для Вивекананды этот день. Прочитающим это да будет даровано.

Вивекананда ослеп, и глаза, черные, без соучастия, смотрели сквозь тело Вивекананды, которое было почти слепо. Вокруг Вивекананды рождался огонь, и пламя его леденит ваши потухшие поступи.

Уступы здания школы были совершенны, ветер чувствовал себя в проемах и по углам просторно и на своем месте. Вивекананда ослепил себя, чтобы не видеть горячего тела Вишвамитры, находящегося напротив. Вивекананде было трудно подумать его имя, блестящий свет мог опрокинуть.

Вишвамитра не мог успокоенно смотреть на Вивекананду. Хотя избавлен он был от чувств, но жалость к Вивекананде перекрывала, наполняла особой человечностью, такой легкой простотой, чистым сухим воздухом, отравляющим тело вовек. Глаза Вишвамитры были ясные и прозрачно-го-

лубые, волосы мягко уложены, телесны, звезды могли прятаться в этих волосах, но не было там звезд — иссиня-черные волосы, мягкая бархатная борода, чуть влажные усы, и лицо, почти светлое, лишь складки красивых морщин по углам и на лбу. Вивекананда сидел на месте и представлял, что из низа живота его течет сладость.

— Ты будешь со мной говорить? — темный Вишвамित्रа вращал глазами, зубы его сверкали. — Ты будешь со мной говорить.

Вивекананда сидел, поджав под себя ноги, и слепящей сквозной болью он чувствовал боль Вишвамитры.

Сидит Вивекананда просторный и скованный своими грехами. Мир окружил его, хотя мир не хочет ему ничего плохого. Совсем не больно смотреть в глаза Вишвамитры, но только зачем смотреть в его глаза, зачем погружаться в его пустой взгляд? Я, Вивекананда, готов выйти отсюда последним. Хватит ли у тебя на это сил, Вивекананда? Я готов выйти отсюда последним бессильным.

Вишвамित्रа хохотал. До скрежета ада хохотал, до леденящих страданий, которые переживает каждое мгновение. Утро опускалось на их тела, в руках Вивекананды не было ничего, солнце создавалось из стали, грех был обманом, не нужно грешить, чтобы познать грех. Вивекананда был в тисках Вишвамитры, утро рыхло пряталось за спинами, начало пути было таким простым и таким сложным. Мир был таким простым и таким сложным. Вивекананда обращался к солнцу за помощью.

А что ты хочешь, чтобы Солнце тебе ответило? Вот ты все просишь и просишь, иногда дашь немного, а потом снова просишь и ешь, просишь и ешь. Никакого в тебе вместилища, Вивекананда, для моих лучей, пусть погибает этот мир, что мне до него, если ему нет до меня дела.

Нет, не верю я тебе, истощный, Солнце любит ни за что, Солнце светит всем, даруя свет и небу и земле, воде даруя свет, и лицам, и телам, животным и растениям, обиды в Солнце нет, не верю я в обиду, так пусть обида и во мне устанет быть, вовек скати меня во грязью пылью, и Солнца свет, и луч твой, Солнце, пусть мне, Вивекананде, светит, как и всем.

Вишвамित्रа холодно смотрел. О, где твои глаза, Вишвамित्रа? Смотри в мои глаза, я вижу твою разруху, я боюсь смотреть тебе в глаза, потому что боюсь страданий и смерти, но я не боюсь смотреть тебе в глаза, потому что Господь не боится смотреть в твои глаза. Воздухом наполнено все вокруг, спину Вивекананде режут прорывающиеся крылья, о, я не человек! Опять ты за свою гордость, опять ты за себя, Вивекананда, снова ты мало чего хочешь, снова ты там, где тебя не должно быть.

Утро. А что мы можем сказать про это утро? Где был рассвет? Каким образом ты, Вивекананда, собираешься мне противостоять? Такое слово смешное — противостояние. Ну стою я напротив тебя, ну вижу твоими глазами, но это ты, Вишвамित्रа, смотришь в боль, заставляя нас потакать тебе.

Молитвами едиными мы свершены. Глупость Вивекананды напоказ, улыбки хватает Вивекананда и улыбается улыбкой предков. Я поклоняюсь Иллюзии сотворенного, я, Вивекананда, пытаюсь найти в себе прощение, я двигаюсь, я дышу, я вижу, дай мне сил, Господи, выйти отсюда последним, даже если последним выйду не я.

Каждый грех соткан мной, Вивекананда, а, значит, и тобой соткан в той же мере. Видишь это утро? В нем почти нет тебя. Господь со мной, будь со мной, Господи, будь со мной, Господи, сожги меня в лучах этого рассвета, мое

тело и души, которые я съел, со мной, мы пришли к тебе, ты никуда не уходил. Дарована мне, Вивекананде, жизнь. Дарованы мне глаза, и истина мне не важна, истина — это человек, а утро здесь рассеет Вишвамित्रу, и голова вместо неба смотрит в меня, а я смотрю в нее. И небо вижу! Я вижу голубое небо с ватными, мягкими облаками. Куда это ты смотришь? Ты что, Вивекананда, сошел с ума?

— Я знаю, Вишвамित्रа, что ты говоришь моими губами, потому что ты есть во мне. Я вижу тебя, мы видим тебя, и ты хочешь есть. Я знаю это, Вишвамित्रа. Но видишь ли ты рядом с нами Его? Ты же видишь его? Ты знаешь, что он тебя не оставит. Он никогда никого не оставит. Это утро он дарит нам, посмотри на это утро, только в Его силах изжечь нас, только Он может это сделать. Молись, Вишвамित्रа, и он нас простит.

Углубляющим это дарован покой.

Глава 9

Был ли на самом деле Вивекананда? Видели ли его глаза Вишвамитру или слепой взор мешал всматриваться? Срываем все условности — Вивекананда и есть Вишвамитра, потому что они съели друг друга. Слепой вымученный Вивекананда ел Вишвамитру, Вишвамитра, будучи людоедом, ел Вивекананду, но тела их были рядом. Впрочем долой и эти условности — они ели не только души друга друга, они ели и тела друг друга, они ели друг друга, как каждый ел себя.

Дети сидели на крыльце школы и створили из камешков дома для насекомых. Время близилось к полудню. Был и ветер, и воздух, и небо было, и солнце, но дети ничего не замечали. Они были всем этим, и Вивекананда появился в проеме, горящие человеческие глаза сжигали, лицо блестело от пота, жизнь за спиной хватала за гриву и крылья, Вивекананда хватал ртом воздух, облака всплывали в зрачки. Вивекананду заметили. Почти не удивились — ну сколько раз такое бывало, что человек обращался к ним взором. Дети смотрели на своего учителя и ждали его реакции.

“Моя родная школа”, — подумал Вивекананда. — “Протяни руку и разрушится здание, упокой себя между кирпичиками, и здание будет жить тобой до упокоенных веков”. Воздух тяжело заходил в грудь Вивекананды, руки его блуждали, губы шептали невнятное, солнце дарило Вивекананде лучистую помощь.

Дети смотрели на своего учителя, разбредаясь глазами по его лицу. Ум Вивекананды был напоказ, его обида тя-

желела, холод утренний уходил в ноги. Сознательно или нет, неважно, Вивекананда смотрел на детей и загубленная усталость сквозила в его глазах. Но опыт препятствий подсказывал правильное и единственное возможное.

— Дети, возвращаемся к занятиям.

Глава 10

За окном день. Там, внутри дня, совершается что-то волшебное. В этом волшебстве нет ничего хорошего, но также в нем нет ничего плохого. От отсутствия возникает привкус металла во рту. Невыразимость плохого и хорошего, а точнее возникающее отсутствие плохого и хорошего, позволяет избавиться от страха перед наступающим днем. Тело начинает изыматься, слова теряют смысл, погружающие в себя вещи вдруг перестают быть глубокими, ты перестаешь в них тонуть. Эффект присутствия оказывается сплошным развертыванием изнанки, которая на секунду кажется настоящим, самым реальным днем. Секунда прозаически уходит, и изнанка уже не кажется реальностью. Сопоставление разных точек зрения выжигает в Вивекананде опорную дугу, совершающую повторный круг за повторным. Души открываются сдвигами, в ладонях возникает приятная тяжесть силы.

Мы можем сказать, что Вивекананда сейчас сидит за столом. Это верно. Но верно и то, что Вивекананда находится также в неприсутствии, и, между секундами смертного сидения, Вивекананда прикасается к совершенно отсутствующему эфиру, которым дышат существа, чувствующие привкус металла, стали. За окном точно день. Вивекананда знает, как сделать этот мир лучше, просторнее, живее. День только начинается, и ты, Вивекананда, присутствуешь в своем наблюдении за ним.

Дети в присутствии. Классная комната просторная, в большие широкие окна волнами падает солнечный свет. Деревянные парты лакированы, глаза Вивекананды на-

правлены на книжные шкафы в углу. Дети внимательно смотрят на Вивекананду. О чем сегодня расскажет Учитель?

Солнце не подсказывает ни слова. Небо за окном снова обращает на себя внимание. Молчание Вивекананды — это совершенно обычное дело. Дети воспринимают молчание как очередной урок пустоты, урок отсутствия и невозможности смысла. Дети сидят прямо, чуть поодаль друг от друга, за разными партами. Вивекананда не может избавиться от собственности и поэтому молчит. Любая глупая мысль, рождающаяся у него в мозгу, насмехается над ним, Вивекананда продолжает упорно смотреть на книжные шкафы и пытается внутренне умереть. Зачем эти дети здесь? Чему я могу их научить? Зачем их привели? Простые скучные мысли создают бесконечный узор.

— Дети, выйдем во двор.

Глава 11

Иллюзия силы Вивекананды, как и любая сила, находится между крайностями несовершенств. Наступает темная ночь, окутывающая растение, предвзяая его к смерти, но за ночью наступает яркий рассвет, вдыхающий в растение жизнь. Растет растение, растет и Вивекананда.

Дети смотрят на Вивекананду и пытаются вызвать в нем настоящее, и это у них получается. Двор школы освещен дневными лучами, на бетонных балках мерно отдыхают тени, ветер напоминает о себе, и это есть жизнь. За облаками иллюзорно этот день стихает, в нем есть огрубелая законченность, стихийность, стихами увековеченная, и это есть смерть. Дисциплине Вивекананда учился, и дети были отданы ему, чтобы учиться дисциплине вместе с ним. Вивекананда смотрел на небо и думал о том, что невозможно научиться дисциплине у недисциплинированного. Обман, проникающий в глаза, по каплям обезумивающий взгляд, всегда по сути обманчив, хотя греет душу твою иллюзорную. Вивекананда вспомнил старцев, которые наставляли его — они были такие жалкие, такие немощные, что в голову сразу приходила верная мысль о несокрушимом подавлении и хитрости, которую проявляли старцы, когда ты, по-настоящему немощный Вивекананда, глядел на них.

Злиться ведь так легко, осуждать ведь так легко, но как тяжело вдохнуть ветер на полную грудь и лечь на грунт. Каждое движение старца преподает тебе, Вивекананда, небывалый урок. И только твоя молитвенная воля способна научить тебя беззаботному танцу на потоках ветра.

Поэтому Вивекананда перестает наблюдать за днем и, поправив черное одеяние, садится на деревянную плоскость пола, дети садятся рядом с ним.

— Солнце, дети, может нас не радовать, но, слава Господу, солнцу нет до нас никакого дела.

И это все, Вивекананда, что ты можешь сказать? В гортани твоей может и есть что-то, но сейчас я, милый, буду говорить тобой.

Ясные глаза Вивекананды смотрели на солнце, в глазах Вивекананды зажигались ясность и непонимание. Слава Господу, мне не нужно ничего понимать. Слава Господу, что все в твоих руках! Солнце уберет нас, и нас не от чего уберегать. Мир всем.

Дети восхищенно смотрели на учителя Вивекананду, его короткие пальцы рук покоились на складках одеяния, солнце укрывало его голову, свет освещал ему дорогу.

Мы в надежных руках. Руки твои держат нас, твой взгляд поддерживает нас, наши тела, пусть и нет наших тел, подвержены только тебе. Ты снисходишь, касаясь нас своей радостью, своим светом, своими бережными руками. Нет ничего и никого, кроме тебя. В пыли сидящий на деревянной плоскости пола, я наблюдаю за собственным наблюдением, солнце может бережно касаться, может ознаменовать укравшего дождь, может убаюкать запыхавшихся детей. Мои руки истощны, глас мой бессилен, но только тебе благодарность за выпавшую судьбу, созданную мной. Каждое движение души продиктовано благим роком, моя воля и мое прощение — выйти отсюда последним.

Старцы, коверкая душу Вивекананды глазами, мягко говорили, что честь последнего заслужить невозможно. Мое прощение последнему, закончи свои страдания, я,

жалкий, обернутый в тело Вивекананды, прошу тебя отпустить себя, иди с Богом, оставь мне долю, которая является твоей по праву. Пришло твое время, истинный, пришло твое тело к действию, выходи, потому что готов это принять, не зная в целости, что принимаю.

Черные очи сквозят сквозь меня, и нет у меня, Вивекананды, права быть на твоём месте. И я умру в ту же секунду, как сойдешь ты со своего места, потому что страх съест меня, завладеет мной, и родится страх снова, и это осветит твой приход. Я есть разрушение, и я говорю твоими губами, Вивекананда, и твоим отяжелевшим скрюченным телом обманываю последнего.

Вивекананда открывает глаза. День совершается, непоколебимость последнего теплым грузом ложится на грудь, нечего и некого замещать, так как мы и есть ты. Господи, ты среди нас. Дети стеклянно были рядом, ветреные лучи проворно вдыхали по сторонам, солнце уповало, Вивекананда молился.

Основа волшебства, говорили старцы Вивекананде, находится в тебе, ты это знаешь, во вне волшебства нет. Но

если ты хочешь волшебства, никакого, сынок, волшебства, не будет. Тебе пора забыть себя, Вивекананда, и видишь, эти слова вызывают в тебе улыбку, разве это не признак того, что это есть истинный путь? Самый что ни на есть истинный. Самый что ни на есть правдивый. Не будь суеверным, Вивекананда, ни единое не может словить тебя, даже если ты уже словлен.

С кем Вивекананда разговаривает? С лучами теплого любимого солнца разговаривает Вивекананда, чувствуя себя пропадающим, движущимся.

Спасибо тебе. Спасибо тебе. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо.

Видишь, тебя не замыкает. Отпускай ток, не держи его, он всецело бесполезен без движения. Ох, Вивекананда, милый, я так рад твоим произвольным улыбкам. Я так рад твоему суеверному разрушению. Я так рад быть в твоём теле, и быть твоими глазами, я так рад снова и снова повторять одно и то же, и видеть, как сникает твоя улыбка, и сразу возникает обратно.

Иногда, Вивекананда, мне кажется, что в тебе больше поэзии, чем всего остального. А потом ты снова вспомнишь о том, что ты вор, предатель, прелюбодей, лжец, да кто ты только не есть, Вивекананда, твой глаз слеп, твой глас бессилен, и так сладко видеть твою страдальческую улыбку, основанную на поникшем лице.

Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. Спасибо. В моей крови море чужой крови, но что способна показать иллюзия, кроме того, что может показать все? Ох, Вивекананда, твоими стопами уже ходили, ведь ты не умеешь ходить своими стопами. Ну и пусть, что не умею, я каждый день выписываю себе индульгенцию, мне нужно вернуться

Глава 13

Влача свое существование в радужных отражениях, исторгая из груди ненасытную радость и стонущую боль, был рожден Вивекананда матерью и отцом. Вислый мальчик, усматривающий вокруг себя глазами, не был готов к тому, что он есть то, что он есть, и в то же время, никогда он не был готов к этому более, чем теперь.

В основу воспитания молодого Вивекананды были положены стыд, печаль, немного забытого, а иногда пресноватого, одиночества, сырая сумятица и обманчивая самоотверженность, которая с течением времени кусочками кожи и души этот обман сбрасывала, чтобы раскрыть себя полноправно и безответно. Под кожей Вивекананда явственно чувствовал солнце, родные лучи, оставленное братьями тепло, и сырость, с каждым прожитым днем, пропадала, как ускользали из глаз Вивекананды люди и события.

Вивекананда всегда знал, кто он. Но часто, чаще всего в компаниях тягучих и давящих, он сознательно забывал об этом, хромал, прятал глубокое солнце в себе, чтобы выждало солнце и уснуло. Кто-то может рассудить, что Вивекананде не под силу, как не под силу никому, спрятать в себе солнце, потому что такое явление, такая сила, как солнце, решает в себе — показываться ему или нет. Пусть будет как угодно — можно хоть с этой стороны смотреть, хоть с другой, — рассуждения на эту тему ни к чему здравому не приведут. Руки Вивекананды были ветвями, за обликом явности Вивекананда был солнцем, в каждом, в абсолютно любом проявлении Вивекананда ощущал проявленность, нить совершенного несуществования.

Испытывая себя из проявленности путем движущегося огня в воде, примеряя души в своем теле, и, таким образом, поднимая их из сна, Вивекананда рос, находился, умалишал и возвращал ум обратно. Уродился таким или стал таким — это снова разговор о солнце, которое либо было в нем, либо было им.

Плавный медленный огонь — горят свечи. Любая мысль о порабощении была неприятна Вивекананде, но не настолько неприятна, чтобы бояться ее. Можно долго рассуждать о том, почему Вишвамित्रа привлек Вивекананду, и почему солнечные лучи так жаждут встретиться с лунными, но какое это, по сути, имеет значение, если замкнутость порождения явственности стоит перед нашими глазами. Если горит огонь свечей, что подскажут тебе свечи, кроме неописуемости. Вивекананде было даровано солнце, Вишвамित्रе была дарована луна. Молитвами и жертвами даровано, молитвами и жертвами. Прочитающим это да будет дарован сон. Слава Богу, Господу видней.

Нельзя Вивекананду рассматривать с разных сторон. Нельзя отдельно говорить про его детство, про вылепленное отрочество, о юности его нельзя говорить. Совершенно не в том дело, что мало виден в эти периоды Вивекананда, дело в том, что не было у Вивекананды ни детства, ни отрочества, ни юности. Внимательными глазами, ощущая хрупкое шевеление между лопатками, видел и слышал Вивекананда, находится здесь и сейчас, как и ранее находится. Небо показательно выжигает Вивекананду, лепя из него свое подобие. Хрупкое шевеление между лопатками только подтверждает для Вивекананды его судьбу.

В сосредоточении рук Вивекананды вы сворачиваетесь наизнанку, вас может немного тошнить, небо рождает для

вас Вивекананду, обливаясь слезами и радостной иллюзией происходящего с вами. Вы отводите глаза от Вивекананды и нет никаких сомнений, хотя, когда ваши глаза уже не усматривают его, вы и есть сомнение.

Тупость и глуповатая напыщенность Вивекананды видна вам. Вы слышите его несоставные слова, ваши тела теряют облик, и как сладостно в этот момент упиться Вишвамитрой, его законченной лунной формой, его будущей смертью. Косые лунные лучи скользят по вашему телу, ночь проникает глубже, и смотрите вы на свое собственное волшебное отражение. Вот в глазах ваших мама, вот рот ваш от папы, вот движения мышц лица от брата или сестры, вот таз ваш от сумбурных истоков. Вы заволакиваетесь еще глубже, и Вишвамित्रа стяжает на себя конец уходящего, проникновенную ночь, соскальзывающую в лавину приходящего утра. Между Вишвамитрой и Вивеканандой была вам дарована жизнь, за которой стоит смерть. Это совершенное величие, совершенное единение — казавшееся вам поначалу громоздким и неудобоваримым — плещет вашу голову, не ваш ум, и делает из вас не то, что вы есть. Это капля иллюзии, размывающая вашу пустоту, и, слава Господу, Господь есть.

Глава 14

А что хотеть от Вивекананды, если жабо облекает шею его, если изысканность манер все прощает ему, если дождь отрезвляет его иногда сумбурный пронизывающий взгляд? Вивекананда сидит то ли на земле, то ли на деревянных досках, и сердце свое Вивекананда снова отвратил от детей. Еще буквально секунду назад он перенимал холодные ярые глаза мальчика, еще мгновение назад он внимал раскрытым глазам девочки, как вот уже он замкнулся в себе, и солнце, согревая здание школы своими лишаящими лучами, перетекало наружу, нарушая в состоянии пыли град звезд.

Дыхание Вивекананды восстановилось, но силы покинули его. Человеческая оболочка вобрала наружность, и последние силы отдавал Вивекананда уходящему солнцу. Тени крыли, скатывались с крыши, падали цельными кусками, сверкая нежно и утомляя взгляд глядящих окон.

Отсутствие наступательных шагов ничуть не пугало Вивекананду. Отсутствие приходящих образов тоже его не пугало, отсутствие звуков и осязаемых предметов удивляло его, возможно, где-то обескураживало, но ничуть не пугало. Не было ничего постоянного в Вивекананде, только сам Вивекананда был постоянным. Закрыв глаза, Вивекананда снова думал о дисциплине, но солнце казалось таким далеким, таким умственно-прозаичным, ровным, совершенным в своей умиротворенности, и безличие солнце так привлекло Вивекананду, что ничего не происходило.

Лучики пронизывали, я пронизывалось, лучики забирали Вивекананду, по лучикам уходил Вивекананда,

стирая себя. Ничего не помнить, ничего не знать, быть питанием для опадающего солнца, рассыпаться, любить, преклоняться, сжечь себя изнутри природой. Крупицами Вивекананда был, прошлым был, будущим являлся, в настоящий момент лучики рассыпали Вивекананду, а дети смотрели на Вивекананду, и в глазах скачут лучики, и день завершается, и тепло разносится, и в руках Вивекананды были лучистые потоки солнца, и все происходило внезапно, как вроде сейчас происходит это, за вашей спиной, и руками, ладонями мягкими ловите лучики солнца. Прочитающим это да будет дарован взгляд мимо вещей, живых, созвездий, мимо иллюзии и жизни, мимо смерти и мимо себя.

Глава 15

Чудо. На горизонте виден глазами Вивекананды избыточный силуэт. Вязкое сбитое тело, неотъемлемое от души, длинные худые руки, уемная походка, ловля лучей солнца своим, только что созданным, состоянием. С холма, в сторону школы, спускался покинувший свое имя. Внутри у Вивекананды похолодело, мерзлость проникла в пальцы ног, дети поспешно встали и скрылись в здании. Покинувший имя свое будущим шагом спускался с холма к Вивекананде. Страх обнял Вивекананду, глаза старика внимательно и насмешливо впивались в лицо Вивекананды. Глубоко посаженное солнце стихло, спрятав лучи под землю.

Вот кто я такой, Вивекананда, совершающий призыв, носящий в себе лучи солнца. Есть во мне солнце, есть! Стекая телом, выжигая внутри освещенное, смотрел Вивекананда на спускающегося к нему. Имя твое забыто, глас твой истошный, руки твои бессильны. Глаза мои едят твои глаза, уходи.

И Вивекананда снова был таким, каким есть. Смотрел Вивекананда на себя, и пропадал Вивекананда, и смотрели на Вивекананду, и тихо сидел он, скрестив на коленях руки. И было снаружи светло, и внутри было светло. И вызов внутренний давил в себе Вивекананда, и горящее солнце внутри билось как сердце. Отрицает все он, не смотрит ни на что, ничему не верит, нет этого всего, прозрачное это все, руки мои истошны, глас мой бессилён, глаза мои развернуты, солнце Вивекананды сжимается и разжимается. Собирая натужный срыв в себе, глядел Вивека-

нанда мимо себя. Не было меня, нет меня, не будет меня. Неправильно, не так. Меня не есть. Не так. Пусто. Крохотное солнце ржаво топорщится, срывая за словесной ассоциацией словесную повторяемость, я был, Вивекананда, сделан из понятий и слов, и пусть косноязычие покорит меня, пусть сбудется расслоение, пусть неверность моя, опять все не так, опять Вивекананда думает о себе, опять я, Вивекананда думаю о себе, крамольное солнце несу в груди, иногда весна, лето, а иногда осень, зима, руками касаюсь земли сходящей, сожму себя, Вивекананда, до отсутствия, но чем больше сжимаешь, сгорая от обид, тем более вжимаешься в этот мир, который видишь только что созданными глазами.

В ладонях Вивекананды нервы, в его поворотах головы косность, в лепетящих зрачках данность, в судорожных движениях страх, стыд, лицемерие. Когтистыми лапками берет тебя мир, но нет сил, права, воли у него, чтобы взять тебя, Вивекананда.

Вивекананда снова наблюдал за собой. Дыхание мерно оборачивалось в теле его, солнце внутри жгло. Отдаю сердце свое неверное Господу, заberi сердце мое неверное, а хочешь — не забирай, я твой, я, Вивекананда, твой, и руки мои — твои руки, ноги мои — твои ноги, солнце — ты, и преклоняюсь за каждое движение, каждый порыв, каждое касание. Совершенство пути наверх — есть совершенство. Несостояние совершать совершенный путь — несовершенство. Сделал бесконечность неверных шагов, забыл, усомнился, закрыл глаза, снова открыл, сдержался, не сдержался. Это несовершенство. Молчание — совершенство. Сотри меня, Вивекананду, с лица, если я не нужен. Создай меня, Вивекананду, если нужен. Хаотичность неумения быть совершенным позво-

ляет Вивекананде прощать себя, хотя Вивекананда, как думал он, не умеет прощать. Смотрю в стену, вижу небо, вижу небо, в стену смотря, слыша звуки. Вдыхай, Вивекананда, пусть ничто наблюдает за тобой. Так отвратно слышать то, что слышал уже. Прочитающим это дарована свобода от слов.

Глава 16

Вечер завершался, подходила ночь. Здание школы, постепенно теряя лучи и роняя их в окружающее, плавно погружалось во тьму. Небо почти стало красным на горизонте, но не стало, темнеющей глубиной вбирало в себя пройденный день, теряло форму, кое-где прорывалось звездами. Слегка пахло еще не пришедшим снегом. Более слышно шумел лес, дорога, ведущая к школе и от школы, приглашала успокоиться, уснуть, забыться. Земля еще была теплая, но была готова начать промерзать.

Дети уже в своих спальнях, завтра за ними должны приехать родители. Вивекананда сидел на грубых досках, его силуэт чернел, сливаясь с пространством.

Здесь всегда тихо, а сейчас особенно. Вивекананда дышал, периодически закрывая глаза. Легко было на душе, спокойно, мирно. Небо темное и чистое, повторяющее себя в вышине, невесомое, но тяжелое, если объять его все.

Не стоит мне, Вивекананде, думать о том, кем я был до сейчас. Я могу думать об этом всегда, но сейчас об этом думать не стоит. Вдыхай мирно, мирно выдыхай, будь мирен, и мир не будет в тебе, будучи тобой. Шум деревьев устилал душу Вивекананды. Завтра за детьми приедут родители. Наверное, стоит пойти спать. Мысли обманывают тебя, Вивекананда, мысль приходит, потом улетает, расслаиваясь в воздухе на десятки извилин, ничего они не приносят, и унести ничего не могут. Вконцентрировавшись в точку, Вивекананда дышал, и тусклость становилась светом. Солнце внутри спит, нужно всегда помнить о том, чем являются трудности, убираешь наружное, вну-

треннее становится наружным, и небо ложилось на Вивекананду, и тьма осветила его, и сидел Вивекананда и мерно дышал. По воле неба, иногда внутри против неба, но это ничто, только по воле неба.

Мысль обманывала его, возвращала в прошлое, соприкасалась с людьми, была людьми, возвращала обратно, сбрасывала со счетов, ухлестывалась за следующей мысль, наращивая в теле Вивекананды потоки наступательных мыслей. Глаза закрывались, душа не работала, тело старело, глаза тухли, был ничем и, слава Господу, остался ничем. Ночь стекала в тело Вивекананды, грех был так близок, что на стыд закрывались глаза. Убаюкивая себя, Вивекананда сидел на земле или на деревянных досках, ночь была рядом, гордость была смешная, бессилие было смешным, слова были смешными, дни были смешными, за действительностью была просторность, в которую почти невозможно было проникнуть. Повтор за повтором плыл мной, движение за движением сгорало в несуществующей действительности, а здание школы — хрупкое, обветренное, жажлое — стихло в стороне, и добраться до хрупкой души тоже было почти невозможно. Все эти мысли и чувства — компромиссы, каждое движение тела — замкнуто. Боялся Вивекананда себя, врал себе, и снежинкой хотел — снова хотел! — опуститься на землю.

Вивекананда поднялся, стряхнул пыль с колен, двинул глазами в сторону школы, повернул тело к зданию школы и пошел к входной двери, темнеющей в еще более темном здании, глубинной приходящей тьме Вивекананда противопоставлял свет солнца.

Встал он и к зданию школы пошел. Грузные облака придавливали, силы накапливались и истощались, Виве-

кананда касался середины тела своего, чувствуя тепло касания.

Здание школы обволокло неумным уютом, дыхание стен подсказывало выход наружу, безумные брожения подсказывали шаги подвижничества. Всмотреть и описать помещение Вивекананде было трудно, главное — донести солнце. Вивекананда спустился по лестнице вниз, в подвал, к своим книгам и перевертышам. Глаза скользнули по книжным полкам, Вивекананда включит напольную лампу и сел на пол. Существо его горело, тухло, было, разрывалось, разламывалось, уводило прочь, мысли жухлые обманывали, Вивекананда смотрел на книжные полки, не касался их руками, на верхнем этаже спали дети, в подвальное помещение не проникал свет и тьма улицы. Место Вивекананды было утверждено, Вивекананда закрыл глаза.

День стек в Вивекананду. Стекало много дней в него, и, закрывая глаза, Вивекананда ощущал под собой нерушимую невесомость, заставляющую усомниться в чем угодно, уготовившую тебе равновесие, влекомое от нерушимых звездных облаков, смешной баланс, который ты, Вивекананда, никогда не принимал в себя. Книги вокруг были родные, сжатые, застывшие в своем понимании тебя, увлекающие, бесконечные, пронзительно крикливые, и ты, Вивекананда, слава Богу, сейчас тоже пронзительно криклив. Чтобы действительно выйти последним, нельзя хотеть этого. Тебе, Вивекананда, нужно это принять. Глаза твои закрыты, мысли мельтешат, слышен голос ветра, скользящего за стенами, случайное касание тебя — это дар, подаренный тебе тобой, но только с Божьего благословения. Каждый следующий шаг делает меня мной; хотя и это не имеет значения, все это косноязычные сло-

воформы, и не следует ничего бояться, ведь все, все в этом присутствии, Вивекананда, совершается с Божьего позволения. Прочитающим это да будет дарован легкий шаг.

Такое все оно жалкое было перед глазами Вивекананды, такое все простое, неглубокое, и такое смешное по сути, до слез глупое и смешное, и лишь дыхание Вивекананды заставляло помнить о том, кем он является на самом деле, в этой несуществующей действительности и в той придуманной истой действительности, которая была изначально кажущейся. В соприкосновении планов Вивекананда ощущал такую небывалую радость, что видимый мир изживался, и вот так и подлость прощал себе Вивекананда, и предательство, и недоброту, и жадность, и скупость, и желания, желания, и вот так грех себе прощал Вивекананда, любой грех сходил на нет, и так его за это все не любили, и так не уважали, что и сил на любовь и уважение не было, и так погрязаясь в себе глупом, и за тело собственное так стыдно, но внутри так жарко, что скрываешь ото всех, и холодом касаешься, брюхом, попытками не влиться, и солнце может взять свое в тот момент, которого не то, что не ожидаешь, но даже и не предчувствуешь, и солнце твое — вот и есть твое достоинство, да что твое! — свое оно, солнышко то, а ты, Вивекананда, сиди крепко со грехами своими и ешь их.

Собственной кровью думал Вивекананда эти мысли, стараясь увернуться от них, отмахнуться от гиблости, но все принимаю я, все, Господи, есть ты, и сижу я, Вивекананда, в нижней комнате здания школы, и книги вокруг меня, и солнце — спасибо тебе, Господи, за это и за все — есть во мне. Прочитающим это да будет даровано спокойствие и милосердие ближних.

А так, если рассудить — то верно, что ты тянешь со всех нас, Вивекананда? Верно ли то, что словами своими,

милый, ты питаешь собственное безволие, собственную смертность, именно ты, Вивекананда, забираешь у слышащих жизнь? О, горе тебе, Вивекананда, опускаясь на дно, ты тянешь на дно остальных, а если бы вверх поднимался, то все бы двигались к свету. И дело ведь еще в том, что только-только начинают все вопрошать с тебя, только-только все начинают понимать, что ты вампир, Вивекананда, что ты проклят самим собой, что нет в теле силы и желания взять на себя ответственность перед жизнью, что руки твои истошны, и глас твой бессилен. Как тебе не стыдно, Вивекананда? Как тебе не совестливо, мразь ты эдакая, что мы все зависим от тебя, как ты сам зависишь от природы, от Господа? Тебе дан дар, Вивекананда, а ты его впустую растрачиваешь, все сливаешь, ничего не ценишь, никого не любишь, сидишь в своем подвале, дышишь своей школой, стесняешься своих детей, и сам себя не стоишь. Паразит ты, желчь, червь, последняя сволочь, мразь, прелюбодей, пустой человек, если и человек ты, а не смерть приходящая, несправедная, холодная и слепая, если не съел ты все сущее, если не разрушитель ты, съевший милого Вишвамитру. Ты, Вивекананда, в наших душах селишь сомнения, превращая жизнь в подобие, в мертвую оболочку, в имитацию. Проси прощения, Вивекананда, проси прощения, Вивекананда, проси прощения, но не у нас, нам ничего не нужно, проси у Бога прощения, если просит он тебя, а мы бы изжили тебя, змей, с земли, мы бы уничтожили тебя, чтобы был ты нигде. И страшно то, что сказать тебе, Вивекананда, ничего нельзя, что скользкий ты, и не придрасться к тебе, сволочь, но знаем, и ты знаешь, что знаем мы о тебе все, всем животом чувствуем тебя, паразита, проклятого, вопиющего. Изыйди от нас, Вивекананда, не будь никогда, да не будет тебя никогда.

Вивекананда открыл глаза. Темное состояние подвала мягко входило в тело Вивекананды, мысли блуждали рядом, книги вбирали в себя, как Вивекананда вбирал в себя всех. Руки его лежали на коленях, дыхание было ровным, но держал его Вивекананда в узде, совершая над собой ненужное и лишнее усилие.

Было тихо. На верхнем этаже спали дети, звук ночи касался внешних стен здания, пытаясь сжаться и войти внутрь. Возможно, был еле слышен ветер, а, возможно, Вивекананда его придумал. В солнечном сплетении жгло спрятанное солнце, Вивекананда слегка касался его пальцами. Снова закрыл глаза.

Кто и как спрятал во мне солнце? Только Богу это под силу. Только мир, обманываясь каждую секунду, может меня стеречь, сберегая солнце во мне. И в непроходящей тьме, с закрытым раненым сердцем, не вредится солнце, солнце есть расходящимся и простым, сильным и светлым, родящим и исживающим тьму.

Вивекананда снова открыл глаза. Дыхание участилось, внутренняя тревога нарастала, ладони сжгло. Ветер все никак не мог проникнуть внутрь здания, хотя Вивекананда чувствовал его, хотел быть им, совершая в своем бездействии пустую неназываемость. Ночь глубже опадала, вникала в глубинные переживания, окрашивая собой каждый предмет, каждое живое и неживое существо, каждое движение, каждый взгляд. Но солнце внутри Вивекананды было, и вас нет, если нет его, солнца.

Ветер снаружи начинал шуметь, взрываясь и стихая волнообразно, дорожная пыль улеглась, луна совершала круговорот. Вивекананда закрыл глаза, прикрыв руками солнечное сплетение.

Глава 17

Вивекананда уживался и слышал как в соседних комнатах передвигаются дети. Собирают вещи — сегодня за ними приезжают родители. Глядя в собственные глаза, Вивекананда обнимал зеркальное отражение, свыкаясь с внешностью себя самого сейчас. Ровным слоем ложилась жизнь на лицо, холодные капли, вмиг отрезвляющие, стекали приятно по шее, Вивекананда чуть смочил густые волосы и холодно улыбнулся зеркалу.

Сегодняшние дни, Вивекананда, будут отличаться от предыдущих тем, что в них мы будем учиться преломлять действительность, которая является иллюзией. Ты уже должен замечать несостыковки, должен ощущать тонкие места, ты должен видеть прорехи, сквозь которые мир и волнообразная действительность отображаются в существенном действии, на которое страшно взглянуть. И хорошо, Вивекананда, что не нужно здесь объяснять тебе на примерах, ведь ты прекрасно видишь. Советовать тебе не могу ничего, тут сориентировать сложно. Проще всего — игнорировать, сделать вид, что ничего тобой замечено не было. Таким образом, возможно, магия и становится действительностью, нет? Хотя какие глупости тобой, милый мой Вивекананда, я говорю, как все это несуразно, пафосно, смешно, и судорожно страшно.

Смотрит Вивекананда еще несколько секунд в зеркало, затем, хмыкнув, предупреждая о своем появлении, выходит из ванной комнаты. В этот же миг на крыльце слышны шаги. Взрослые приехали забрать детей. Вивекананда съел Вишвамитру, и солнце было в Вивекананде.

За какое-то время до того, как проснулись дети и тело Вивекананды, из соседней деревни прислали еду. Принесла корзину запыленная светлость, сверкая вокруг глазами и улыбаясь под нос. Свежий творог, молоко, яйца, теплый хлеб были разложены на столе, Вивекананда посмотрел на детей, которые смотрели на него, в столовой появился взгляд родителей, смотрящих едино то на детей, то на Вивекананду, запыленная светлость убегала утоптанными дорожками в сторону деревни, солнце будило небо, облака свершали такой постоянный сдвиг в якобы настоящую жизнь, плескалось в тихом пруду за опушкой, все поняли, что к еде притрагиваться не стоит, лучше уйти или дожждаться, когда Вивекананда уйдет. Вивекананда не мог смотреть на действительность.

Он доверял детям, доверял родителям, доверял каждому, кто был около, но действительность входила в тело его в районе кадыка и мягко раздвигала горло. Солнце готово светить, солнце готово родиться, но Вивекананда не готов родить солнце, хотя что я говорю — родись чрез меня всегда, и нет меня, и солнце родится рядом, когда нужно будет тебе, Господи, моя жизнь — твоя жизнь, и Вивекананда смотрел вперед, впереди было несуществующая возможность рождения, облака плыли так низко, и ты, Вивекананда, очень близко, настолько близко, что глаза твои снова упрутся в невидимую стену.

Ничего не делай. Молчание — твоя свобода. Молчание — исход рождения. Молчание — солнце.

Вивекананда продолжал сидеть ровно, дыхание сопровождало его, пусть и непродолжительное время, страх покидал Вивекананду с каждым выдохом и с каждым вдохом, Вивекананда переставал бояться событий и слов, неопределенности и бездарности, Вивекананда так тихо и с

любовью стирал себя, учился стирать себя, а руки иногда прикасались к солнечному сплетению, то нащупывая тепло солнца, то забывая о нем, касаясь уже по инерции, а солнце было, но Вивекананда больше не стремился быть им и удержать его в себе, потому что был им и удерживал его в себе, верил в это, доверял этому, был в себе, и, через призму неназываемого, сложно улавливаемого, любимого, настоящего, смотрел на мир. Принимая решение доверять этому миру, даже в иллюзорной совершенности, Вивекананда выжимал из себя концепции и слова, солнце иногда внутри сжигало, горело, не потушить, только слезами, не вытащить, только сгореть, Вивекананда находился с детьми и родителями в одной комнате, и с каждым вдохом и с каждым выходом лжи становилось меньше, хоть ее еще было настолько много, что Вивекананда не знал, где он, а где его ложь.

По комнате плыли слова, родители собирали вещи детей, мальчик смотрел в глаза Вивекананды, девочка смотрела в глаза Вивекананды, Вивекананда смотрел в ответ, и вдыхал, и выдыхал, и смотрел в ответ, и внутри солнце согревало окружающих, и чувствовали солнце родители, им было жарко и становилось жарче с каждой секундой, и, конечно, это солнце чувствовали дети, и так улыбались дети мило Вивекананде, и Вивекананда улыбался в ответ, не закливая себя на том, мило он улыбался в ответ или нет. В течение какого-то времени здание школы опустело, Вивекананда вышел во двор, ощущались пальцы рук, правильно скомканные облака обнимали все вокруг, земля отдавала теплом, неприглядной радостью, встречей, сумрачным покоем, прикосновениями. Ты с каждой секундой, Вивекананда, должен заслуживать носить это солнце в себе, если ты хочешь родить солнце — храни себя

для этого солнца, возьми на себя эту ответственность, вдыхай и выдыхай, не забывай про солнце, и носи его, имея проявление, позволь солнечным лучам быть тобой, проникнуть в ноги и руки твои, быть твоими глазами.

Вивекананда по-человечески улыбнулся, отвернул от неба взгляд, и вернулся в здание школы, прикрыв за собой деревянную дверь, и плоть свою оставляя внутри, дух свой оставляя снаружи. Вивекананда боялся прикоснуться к солнцу, не верил тому, что несет его, но был готов его принять, не до конца понимая, что уже, слава Господу, принял его.

День этот надвигался, и Вивекананда был готов принять этот день. Оставив позади здание школы, ветреную местность, ухоженный уют, пруды, Вивекананда отправляется дальше, за высокую гору, туда, где могут, по его представлениям, его не ждать. Вивекананда и сам не знает, что ждет его там, за горой. Дети сейчас оставлены, солнышко внутри греет, но спрятано, за каждым словечком недействительность, Вивекананде не нужно было ловить себя, ведь он себя словил. Прочитающим это дарован счастливый путь.

Глава 18

Крылья были у Вивекананды. Летел он морями, лесами, пустынями, полями, зимними горными хребтами. Лицо его было безучастно, почти безоблачно, чуть встревожено, волшебное. Голова его почти превратилась в птичью. Сильное тело дрожало, как дрожит земля, огни глаз горели неподобным огнем, руки тревожно окрылились, Вивекананда набирал высоту, осматривая все вокруг — синие глубокие воды, вмёрзлые камни гор, вышину уносящихся деревьев, сухость пустынь, ширость душевных полей.

Небо встречало птицу гордую, волшебную, литую. Встречало небо птицу как собственное свое, как родное, не суть любимое — а свое, свое, свое. Утверждая за собой фундамент в форме земли, небо совершало в Вивекананде правильный переворот, которого Вивекананда ждал, не стыдился, был в нем, словами кровными покрывался, собой был, ведь миром был. Судьбоносным Господом дано Вивекананде тело птичье и душа птицы, и дух Господен держит птицу в небе, свершая ею то, что отрадно. Течет небесная река, и Вивекананда, уняв свое неродное, воспарен, и солнце держит внутри себя. Солнце держит его внутри собой. Птичье тело трепыхается, боится, но воспоминания об этом пережитом полете возникают перед глазами Вивекананды, и каждое движение его птичье, каждый мимолетный взгляд, каждая промелькнувшая мысль отражаются во вне, и мелкими, совсем небольшими касаниями, отдает Вивекананда долги, долги отдаются телом его; небеса не взимают, нет, небеса дают Вивекананде возможность быть наречием, каким-то непрекращающимся, Вивекананда

смотрел вниз себя, вниз неба, вниз своего птичьего тела, и когти птичьи горели его, и глаза безвольно наливались безвольной яростью, и смотрел Вивекананда как настоящий Вивекананда, как вроде его и нет в этом мире, как видит он только зыбучую смесь из поползновений, и двигается тело его не само собой, а кровью его пишется история, которая происходит уже из раза в раз, из смерти в смерть, из повеления в повеление, обманчивой злостью горело птичье лицо Вивекананды, и злость была не птичья, а человеческая, и небеса лишь подталкивали сердце Вивекананды на путь противодействия, а Вивекананда решился принять бой неверия своим телом, своими глазами, эта птица не может нести солнце, солнце не может быть в этой птице, пусть и это солнце может быть где-угодно и с кем-угодно, горящее солнце, держась и веря в солнышко грудное, плыл Вивекананда по небу сердцем, и птичье тело было прозрачно и почти настоящее, но солнце внутри — опоясанное, ясное, живое — давило в груди Вивекананды приятно, и Господь встречал птицу в объятьях, в лучезарности, а Вивекананда лежал в глубоком лесу, и горсть его души была рядом с ним, и был Вивекананда там, где родился он. Церковь Господня была рядом с ним. Сухие ветви снежного леса обещали долголетие, нервозность спадала, глазами детскими смотрел Вивекананда вокруг, и запах птицы может и был где-то рядом, но уже почти неслышен, ушедший, Вивекананда поднялся с холодной земли. Тишина, неслышный плеск реки где-то рядом.

Полупрозрачно все, деревья есть — шумят, но тишина вокруг необитаемая, словно вымерло все, и природа вымерла, словно природа, живя — мертва.

Но выдумал все это наш милый Вивекананда, замещает все собой, внутри себя ощущает мертвым, так вот и мерт-

во все вокруг, потому что тихо. Смотрит Вивекананда на все небывалыми глазами, и тишина ему как обухом по голове, и глаза его птичьи, да уже человечесьи, смотрят волооко вокруг, да не узнают места родные свои.

Шумит лес. Увековеченные деревья шатаются со стороны в сторону, мягкая трава лучисто ежится, слепо белеет небо, горчит пением птиц, и плеск реки — рядом, совсем-совсем близенько — касается струн души своим духом. И так это тепло, так близко, так по-родному, что улыбается Вивекананда, улыбается, слушает тишину лесную.

Церковь Небесная — грудь моя. Лезут кругом козни, стенания, и, значит, именно в этом месте церкви быть. Расширит солнце грудь мою, услышат меня все черти и морские чудовища, не убоюсь их я, возведу Церковь в духе, возведу ее на перекрестке тела и души своих, солнце будет центробежным явлением, прекрасностью, воздухом свежим. И не испугается взгляд твой, и не будем мы, пришедшие сюда, ненавидеть друг друга, смеяться друг над другом, будем друг друга любить, будем танцевать и смеяться, и гордость наша пропадет, и тишина лесная отображается в глазах Вивекананды. Лежал он на теплой земле, думал и был собой. Мягкие деревья наклонялись к сердцу твоему, Вивекананда, плеск реки присущ тебе, облака сверкают, и тебе предложено здесь остаться, и что выберешь ты, горестный Вивекананда. Ведь ты опять не можешь ничего выбрать, опять на мягком перепутье тебе предложен ласковый подарок, а у тебя снова возникают сомнения, снова ты огорчен, снова ты где-то внутри жалеешь себя, говоришь, что все плохо, болезненно боишься, но ведь слезы не могут помочь, а ты хочешь услышать извинения в свой адрес, чтобы никто-никто тебя не обижал,

все-все тебя любили, хочешь ты оказаться в тишине, и в тишине лесной, Вивекананда, ты сейчас находишься.

Глубинные глаза Вивекананды открылись. Лес шумит, река рядом. Наверное, я где-то здесь родился, возник тут я. Нет мне печали, ничто мне кланяется, я кланяюсь в ответ, я касаюсь своего солнечного сплетения, накаляется солнце в теле моем, тепло мне от него, восстанет солнце над всеми нами, и гореть ему пламенем, и рождаться иллюзиям, и не бояться церквей и тьмы в кругу церкви, ведь церковь строится на пересечении, чтобы простила себя тьма и была глазами нашими.

Небо над Вивеканандой было светлое-светлое, ни одного облачка не было видно, хотелось, чтобы все обиды пропали, ветер шумел, слышался плеск родной реки.

Донести солнце на небо да пропасть, смеяться, обнять себя, целовать, да улыбнись ты, обними, скоро рассвет, тьма уходит, да не убоимся мы тьмы, ведь тьма среди нас, и тьма — это мы, а солнце любимое, солнце любимое, ослепляющее, согревающее несу в груди я, бессильный и безгласный Вивекананда, забывший как говорить, как выглядят слова, как выглядят люди. Строй, Вивекананда, спокойно, мысли Вивекананды теряются, проходят, что-то касается Вивекананды, придает ему форму, черное одеяние раскинуто по земле, шумит лес, плеск родимой реки, вдыхает Вивекананда гордость и выдыхает ничто.

Глава 19

Внутри это собралось, хранилось, и можешь выплескивать по всем сторонам света. Не от доброго поступка собралось, от доброго поступка укрепились, и видим, что бредет Вивекананда через лес, думая о том, что некому ему подсказать. Хотя что еще подсказывать тебе, несущему солнце, что еще ты хочешь внять собою, чтобы принять — мир идет тебе нараспашку, прими его, совершая движения духа в своей судьбе, настройся на принятие, и внутри тебя это будет собираться, храниться, а ты будешь выплескивать и выплескивать.

Лес принимал Вивекананду, раскрывая перед ним боль свою и радость. Вивекананда остановился. В непринятии себя его было что-то почти совершенное, Бог был внутри, в этой дыре внутри Вивекананда Бога нашел, и тепло было рядом с ним, и не суть, что внутри нужно собирать, хранить и позже выплескивать, и не стоит внимания ни одна мысль и совершенное, и никуда, оказалось, идти не нужно, и лес остановился, и Вивекананда остановился, и папа с мамой тебя обняли крепко, и никогда тебя не оставят, и ты для них самый лучший, самый любимый, и твои родители — это Господь, и закралось снова в душу Вивекананды сомнение, но концентрируясь внутри на теплом основании, что закрывает в тебе дыру и делает тебя тобой, ты знаешь, что вот она — правда, и снова улыбаешься, и солнце улыбается в тебе, и будучи последним на этом всем, вымаливая эту возможность каждый день, храни в себе солнце, Вивекананда, неси его дальше, и сердца ушедшие и непришедшие согреются, а за этим будет то,

что дано тебе, но не сейчас. Вивекананда шел через лес, готовый отказаться от смерти своей вездесущей, чтобы остаться одним единым, последним, и лица людей хотят обернуться — не все хотят, но некоторые — и горящее лучистое осветит вокруг все, и Вивекананда будет сидеть в центре, последний, и произносить гордость свою по поступкам, грехи свои по словам, дыхания своего лишаться, смыкая в себе и отпуская Господа Бога. Вивекананда вдыхал лесной запах шумной тиши, в груди тепло горело, ноги пошли дальше, глаза Вивекананды открылись.

О чем он думал в этот момент? Вивекананда старался избежать своих мыслей, стереть их, сделать так, чтобы проплыли они рядом, пусть внутри, но рядом, мимо, не привязываясь. Было за всем этим то, что никак нельзя назвать. Милосердие чье-то толкало тело Вивекананды вперед, лес был рядом с ним, не бросал его как одинокого эгоистичного ребенка, встречал лес Вивекананду и дарил ему свой тихий шелест, прозрачность чистого воздуха, ровный шаг, стойкость и сердечность. С каждым шагом Вивекананда учился, внутренне постигал, вдыхал воздух и выдыхал его. Вивекананда глядел на свои ладони, шел через лес вперед, и, сохраняясь собой, был еще другим, тем, кого сложно назвать, уворачивается, смыкается, исчезает, пропадает, стихает, накапливается. Касался Вивекананда себя, шел вперед, был внутри леса, еще нужно было идти. Прятал в себе Вивекананда солнце, но знаете это только вы. Нашел Вивекананда место, куда миру не добраться, и сейчас вы его чуть касаетесь, ведь касается себя чуть Вивекананда и прячет в себе солнце, и лес движется рядом с ним, а, значит, мимо, не в нем. Видит Вивекананда глаза, смотрящие в него, но сейчас идет Вивекананда, пряча в себе солнце, и так лес рядом плывет, не касаясь его, глаза

устремлены, ожидая ранения, Вивекананда помнит о происходившем с ним по кругу всегда и сейчас он идет, чтобы идти, и солнце внутри него как родное, как замыкающее, тепло становится, и мир без действия хочет солнце нести, но Вивекананда прячет его, чтобы сохранить. Слава тебе Господи, что учишь меня сохранить солнце.

Пусть Вивекананде и кажется иногда, что солнце — это и есть он, но все это помрачение, будучи в котором создается даже не впечатление, а глупое самоощущение себя как центра. Круговорота от тебя к Господу, от Господа снова к тебе. Вивекананда понимал, что все это измышления, рожденные его себялюбием и граничностью глаз — все не так; как видишь, все не так, как слышишь, все не так, как обоняешь, все не так, как вкушаешь, все не так, как осязаешь, все не так. Но убери свои плохие мысли, Вивекананда, от мира, ведь мира нет, хотя ты в этом еще не уверен, и где-то внутри, около солнышка, еще чуть-чуть боишься этого. Видите, как мысль порождает сама себя — начали с эго Вивекананды, продолжили иллюзорностью мира. Вернем себя к Вивекананде, идет Вивекананда, съевший Вишвамитру, через лес и солнце несет в себе.

Новая луна плыла в руки Вивекананды. Лес темнел, деревья ловили лучи луны и прятали в себя. Луна себя дарила, сравнивая себя с солнцем, прячущимся в сплетении Вивекананды, шум в ушах еще секунду назад был, а сейчас не было его. Луна терялась между деревьями, Вивекананда продолжал идти через лес, глаза его впирались в теряющееся между прозрачностью, имя его тоже терялось, знал ты все имена, но не соскальзывало имя его, было тяжеловесное, неуживчивое, чуть-чуть нужно смелости, чтобы произнести это лунное лесное имя. Васиштха высматривал Вивекананду, горел своими глазами, смотря

на него, идущего через лес, Васиштха был и есть основанием, Вивекананда съел Вишвамитру, неся в себе солнце, Вивекананда теряется между деревьями, почти сливаясь с лунными лучами, Вивекананда не чувствует Васиштху, но Васиштха уже заметил Вивекананду, основательный взгляд направлен в сторону и души и тела Вивекананды, неузнаваемо лунными взглядами провожал Васиштха Вивекананду сквозь лес, теряясь между лунными лучами и деревьями леса. Небо заволочилось звездами, солнце в груди тускло теплело, поводя плечами, Вивекананда продолжал идти через лес.

Я вижу и слышу, Васиштха, что ты смотришь на меня и слушаешь меня.

— Ты, Вивекананда, слепец. Глуп ты, но знаю я, что еще ребенок ты, Вивекананда.

Слышу я тебя, Васиштха. Иду сквозь лес и слышу тебя. И виден ты вокруг, и замыкается тобой вокруг, я, Вивекананда, иду, направь меня, Васиштха.

Васиштха осматривал Вивекананду. Горящие глаза Васиштхи несли напролом, были везде, тело Вивекананды шло через лес, руками Вивекананда раздвигал ветви лиственного леса, забыв о внутреннем солнце. Земля, казалось, колыхалась. Вивекананда шел, Васиштха его не направлял, Вивекананда просил его направить, земля колыхалась, небо двигалось, облака блестели ясным днем, хотя лунные лучи были вокруг, лиственный лес терялся вокруг, передвигая деревья местами, уморачивая Вивекананду.

Васиштха уцепился за толстую ветвь крупного дерева. Чумазое тело, удивленно дикие глаза смотрели на Вивекананду, в его лицо. Пальцами ног обхватил Васиштха ветвь, на которой, присев на корточки, уместил обезья-

нье тело свое. Улыбка пространственная не сходила с лица Васиштхи, голова то наклонялась влево, то вправо — но глаза Васиштхи не двигались, зрачки застыли, на Вивекананде остановился взгляд. От тела Васиштхи исходил терпкий запах застывшего, пальцами рук касался Васиштха ствола широкого дерева, прячась в застывшем, как зрачки его, воздухе. На лице Васиштхи темнели пятна пыли или земли, в центре головы Васиштхи сверкала звезда. Вивекананде страшно хотелось спать — в тот момент, когда он пытался смотреть в лицо Васиштхи, глаза его, смотрящие вверх, на ветвь дерева, держащие тело, тяжело уступали, грузили, выказывая жизни неверие и местами чуткое, но тихое безразличие. Солнце так мало ощущалось внутри, глаза Васиштхи все раскрывались, вглядывая Вивекананду, рот чуть приоткрылся, скалился, воздух тяжелел, мешался с сумасшествием, принимал форму, материализовался. Миг, и Васиштха с легкостью прожитой судьбы свешивает ноги с ветки, на которой уселся, наклонил туловище и голову вниз, к Вивекананде, да глядит испытывающе. Каждое движение, каждая мысль, каждое отсутствие мысли и всего, каждый поступок Вивекананды сейчас, перед Васиштхой, усматривающем, созерцаемом направленно, мягко выжигая. Лес замер, Вивекананда смотрел несмело на Васиштху, Васиштха испытывающе смотрел на Вивекананду.

Васиштха из тех, кто измором душу возьмет. Не даст спуску, не даст лишнего вдоха. Изнутри закоротит, смертным станешь, вокруг тошнота пустая, Васиштха смотрит, как ты барахтаешься и запоминаешь, в глаза твои неуживчивые глядит Васиштха, да пусто внутри и пусто снаружи.

Дерево в лесу мертво, Васиштха, цепляясь за ветви конечностями, изматывающе глядит, оценивающе дышит,

без оценки находится, небо проплывает рядом совсем. Вивекананда смотрит, и смотрит он не в ответ, и земля обтекает, стекает снизу прорывами, разломами, стушевывается, и находит в себе силы Вивекананда смотреть Васиштхе в ответ. Лес шумит, слышны острые птицы, коробится пространство по кусочкам, Вивекананда смотрит на Васиштху, собирается внутри прожитое, холодное, безумное. Вивекананда верует, я отдаю душу свою, забирай, Господи, душу мою, хотя тебе нечего забирать, она и так, Господи, твоя. Васиштха глядит, цепляясь за ветви мертвого дерева конечностями.

— Гори огнем, мое солнце.

Сомнениями Вивекананда был оваян. Словно терялся в еще не наступившем, словно Васиштха хотел сделать ему что-то плохое. На миг забывалось, что никто ему ничего плохого сделать не хотел, ничто не угрожало ему, ведь все вокруг было им. Такая простая, но такая важная мысль. А что тебе принесла мысль, Вивекананда?

Васиштха вертел в голове Вивекананды яростным клином, жерновами, изматывающими в кровавое месиво сущность. И зло совершается непреднамеренно — вот, что ощутил гиблый Вивекананда, остающийся без слов и без волеизъявления своего.

Васиштха наблюдал за судорогами Вивекананды, и радость его не была радостью, и унижение, ощущаемое им так, как ощущал его Вивекананда, было таким близким, родным, бесталанным.

Счел ты, Вивекананда, Васиштху, да, говорят, что солнце внутри тебя. Неужели, ты думаешь съесть и меня? Неужели, ты думаешь разрушить и меня? Неужели, ты желаешь сделать из меня небытие? Твой путь — вороной, потворствуешь ты самому себе, не являясь сам собою. Но

ведь уже я сделал что-то, ведь вижу тебя, Васиштха? Ох, столько людей видело меня, что очей не перечесть, не дожидаться шага этой прошедшей зимой, не воспеть нам истинного Бога нашего сущего, который среди нас. Неврассения Вивекананды скользила, сводила на нет былые дни, хороводила да благоволила небу.

Заходящее солнце укрощало лес, и ветер, становившийся все холоднее, мерзлыми касаниями прикоснулся к телу Вивекананды, смотрящего на тело Васиштхи. В прозрачности, солнышко мое, немного кружится голова, а так нелепо ты двигаешь головой, но мне нравится, что смотришь ты на меня прямо, в упор, сужая себя. Лес этот — твоя поодаль, Вивекананда, и холодный прозрачный воздух — твоя погибель, а солнышко твое внутри тебя — спасение твое.

Край неба, который было видно между деревьями, мягко окрасился в розовый полутон. Наверху, если чуть приподнять голову, были видны две звезды — одна звезда яркая, вторая звезда — что пониже и чуть правее — еще более яркая. Эти звезды шепчут мне невидимое, в меня проникающее, эти звезды в серо-синем небе, которое становится матово-розовым ниже, сглаживаясь к линии горизонта. Лес двигается, такой дышащий, время двигается, и у меня, Вивекананды, не забрать время!

Никто у тебя его не заберет, никто! Вглядишься в свечение этих звезд, имени которым нет. На пути — стонущий путь, на пути — основанная молитва, краешек твоих слов теряется, вкрапления этих звезд так умиротворяют, так упокоенно блаженны, как смотрю я на тебя, Вивекананда, как тело мое обременяет это дерево, как звездочки эти рядом, как из них сотворяется.

Спускался по древу Васиштха, вязко цепляясь за ветви, глядя в глаза Вивекананды неотрывно, подступая и под-

пуская его к смерти. Смыкались руки Васиштхи с ветвями, воздух был тяжел, небо касалось вершин леса, звук не пугал Вивекананду, не будоражил его, слова были внутри отдельными, а снаружи слов не было. Васиштха улыбался, стихал, спуская медленно по стволу дерева тело свое, и движения его, как видел Вивекананда отчетливо, не были подвластны Васиштхе, и это было его самадхи. Двигался Васиштха плавно, смыслено, так емко и правильно, что глазам Вивекананды было приятно. Воздухом овеяло душу Вивекананды, Вивекананда отрицал в себе имеющее вес, воздух не имел веса, Васиштха спускался к Вивекананде, глядящего на него, глядя на него.

Глава 20

Лепет твой, о Васиштха, я слышу, я вижу, я вижу и слышу тебя, о Васиштха, мои уста замерли, умерли во мне, и рот мой тяжел, и я иду, а ты, Васиштха, стой!

Огнем стекал Васиштха со ствола дерева, не отводил глаз от неуловимой сути его Вивекананда. Не мог увидеть его Вивекананда, хоть и смотрел на него, не мог услышать его, хоть и слышал его, не мог коснуться его, хоть и трогал его, не мог учуять запах его, хоть и объял его, не мог вкушать его, хоть и мог съесть его, не мог уразуметь его, хоть и думал о нем. Находился Васиштха тут, там, в стороне, в яви, в смерти, а Вивекананда, медленно превращаясь в ручей, не мог выловить ничего, погрязая в стынувшей скуке, серой мгле, солнце горело внутри тела и души Вивекананды, но уходил Васиштха от солнца, мягко лавируя, уча Вивекананду лавировать, не разрушать, молчать, мягко превращаясь в ручей, лишь в оболочке которого есть смысл быть, если воспринимать дальнейшее как явь, Васиштха стек со ствола дерева, улыбался мягко Вивекананде, ствольное тело его проникало за межу яви, мягко ветви облекали проходимое, и Вивекананда вдыхал огненный воздух, смещался в извилистость, и учил его Васиштха не держать на зло зла. И внутри хотел заплакать Вивекананда, и легко останавливал слезы, потому что уже Вивекананда не разрушал разрушение, я стекал ручьем с вязким, но быстрым течением, облака и солнце отражая в себе, и никто мне не хотел зла, и обида моя проходила, обида моя прощалась, обида моя растворялась в водной глади ручья, которым был я, Вивекананда, держащий за пазухой

камень, хотевший испытать чашу гордости, но с любовью к Вивекананде отнеслись вращения, и Васиштха смотрел на него, не всматриваясь, и ручей так вязко и быстро проникал в ущелье, и так мне хотелось улыбаться, и ничего мне не нужно, ничего! Облака вижу я, ибо я есть река, глазами научает меня милый Васиштха, которого я хотел изгрызть, но невольно учат меня, не принуждая, и так радостно мне, и тело мое покрывается синевой, и музыка льется из сердца моего, и за разрушением, за жизнью, за телом, за знанием и намерением взывает ко мне искус, лучезарно покрывая меня, и солнце мне нужно отдать, подарить, взнуздать себя, и льются так слова, держащие меня долго, и обернулся Вивекананда, и Васиштха был, и не стоит внимания мое представление о нем, луч из него в трепет моей глубины, в центр спирали Вивекананды, и робость уходит, страх уходит, человеческое уходит, и мягко колышутся тела Васиштхи и Вивекананды, обретая проходящие движения как урок, сотворяясь, и останавливает Васиштха момент, замерло все, смерть.

Вкушает пустоту медленно, бесчувственно ее касайся, видишь ее, слышишь ее, касаешься ее, обоняешь ее, осознаешь ее, отринь ее, замри, умри, Вивекананда, замри, умри, Вивекананда, и пустота пройдет, пустота — твое вязкое течение, пустота внутри заполненной капли, пустота внутри вихря, внутри звуков, внутри слов, размазанных по твоему лицу, внутри всего, что ты можешь воспринять, и когда ты проникаешь в пустоту, в смерть, на кончиках твоих пальцев, Вивекананда, что-то возникает, правда, словно ты находишься в сказке, о которой всегда мечтал, и тогда позволительно тебе вращать и вращаться, тогда пустота принимает тебя, и нет в тебе зла, потому что пустота поглощает зло, и нет в тебе добра, потому что пу-

стота поглощает добро, во вращении твоей спирали смыкается что-то, Вивекананда, а тебе то стоит лишь вдохнуть и выдохнуть, видишь?

Вивекананда немного боялся. Ничего не бойся, Вивекананда, ничего не может произойти, но так ли ты уверен в этом, Васиштха, это такие страшные мысли, болезненные, как умрут мучительно люди вокруг, и дети вокруг будут кричать, испытывая пронзительно-чистое разочарование в мире, не думай, Вивекананда, мысли конечны, и солнце, как твоя надежда, горит в тебе, но постой, что с тобой? Ты робеешь? А как ты хотел слушать? Не слушай! Не внимай! Свет этого леса колышет тебя, Вивекананда, и нет в тебе смелости умереть, еще нет в тебе смелости возлечь на огонь, воспарить с дыханием, но так ты смотришь, Вивекананда, и вижу, что опять возникают твои глаза, что снова в них ярость, кровожадная боль твоего я и твоей обиды, твоей баснословной жизни, из которой тебе сейчас нет выхода, и вот тебе ответ — в пустоте возникающее чувство осознается и ощущается чистым, всепоглощающим, единым. Пусть пустота смиряет тебя, но вот из тебя сейчас будет исходить единое и всепоглощающее — боль, старость, глупость, тоска, одиночество, как болезнь будет исходить из тебя. Но и это не имеет значения. Никакого значения, Вивекананда, просто остановись.

В глубине себя Вивекананда знал все, что говорил ему Васиштха. Небо крестило лес, луна пронзала тела живые, на кончиках ощущений Вивекананда почти тек — как река, как ручей, как облако, как изматывающая земля, — и Васиштха стекал, касаясь своими древесными руками окружающего их воздуха, каждый вдох Вивекананды был спокоен, улыбался Вивекананда, предвкушая завертывание, легко, пронзительно, бегут животные по тропам

лунного леса, остановись, прекрати эти непонятные, никому не нужные движения, Вивекананда, замри!

Лунный лес рос вне и около. Имена коверкались, ветер вкрадчиво шелестел, соскребал медленно Вивекананда душу свою, чтобы перестать быть собой, перестать быть Вивеканандой, глазами смотрящими быть всеми, и вдохнуть чистотой объемной. Внимательные глаза Васиштхи наблюдали за молодым риши, ветви его, будучи руками, мягко и плавно направлялись, убаюкивая, теплота сердца была, но так в первый миг неумоимо от этой пустоты, дух смерти, внесуществование, что хочется сразу заполнить себя мыслями, чувствами, живостью, потому так не готов быть я мертвым, потому что вот этого меня, произведенного Вивекананды, не будет, если буду я мертвым, но так нужно стать мертвым, и Васиштха, этот древесный полусон, обладающий поистине продолжительным взглядом, впитывающим меня, радующимся мне, древесными руками и глазами касающийся меня — ухабистого, человеческого, проникнутого даже не ледяным дыханием страха, а самой отсутствующей судорожностью, когда смотришь в глаза смерти — Васиштха пройденный, по нутру мне схожий, но вот так твое я, Вивекананда, начнет противиться, ведь тебе, как ты хочешь думать, не схожий никто, ты один такой, а это вроде так болезненно, но так легко становится, как вытаскивают из раны то, что нанесло рану, так больно, так сильно сжимаешься, но так уже умираешь, и дано тебе будет, Вивекананда, познать смерть еще при жизни, и благодари мир за это.

Вивекананда наблюдал за непрерывнодвигающимся телом Васиштхи. Зрачки древесного риши ежесекундно мигали, сливаясь с окружающим лунным светом, воздух, перемешанный с лесным ветром, врывал по лицу Васишт-

хи, улыбка Васиштхи успокаивала, а Вивекананда видел во всем обман. Его голова снова была занята собой, обратным течением было время, и панические тревожные мысли проходили мимо, тревожили, стесняли, так крутили, сжимали, но все же проходили мимо, как жизнь, и Вивекананда так учился доверять миру, доверять Васиштхе, что больно было себя сдерживать, сжимать, и основой, слава Господу, было знание — если тебе, Вивекананда, можно доверять, значит можно доверять и миру.

— Но что же тогда иллюзия, Вивекананда? — передвигал жилистыми худыми ногами Васиштха.

Вивекананда молча смотрел на Васиштху. Сумрачный лес сужался, сжимал, но воздух вокруг был легкий и прозрачный, спокойствие сейчас было внутри, глаза Васиштхи не терзали, и вопрос его не терзал. Неважно, что ты думаешь по этому или другому поводу, это неважно, это ни на что не влияет, это игра твоего ума. Это ли не радость! Это ли не свобода! И суть не в том, что ты не можешь повлиять, суть в том, что это к действительности не имеет никакого отношения. Вивекананда наблюдал за тем, как за ним наблюдает Васиштха. Горящее солнце внутри ковыряло, крутилось, незыблемо сверкало, заставляя с радостью вдыхать светом. Вивекананда молчал. Лунный луч нашел лиственную возможность проникнуть с неба на земляной холм около двухдвигающихся тел. Ручей обегал тело Васиштхи, превратившийся из Вивекананды, и мысль зла, произрастающая из иллюзии, исчезала как легкий дымок. Вивекананда улыбался, и Васиштха внимательно следил за ним, предлагая дальнейшие действия. Шум руки заполнял все вокруг, облик луны отражался в воде рожающим кусочком мира.

Все, что ты видишь, Вивекананда — иллюзия. Все, что ты слышишь, Вивекананда — иллюзия. Все, что обоняешь, Вивекананда — иллюзия. Все, чего ты касаешься, Вивекананда — иллюзия. Все, что ты вкушаешь, Вивекананда — иллюзия. Иллюзия — это не плохо, это так есть, как лунный луч, который ниспадает с неба.

Две половины вселенной смыкались, и между ними проглядывал Васиштха, созерцая Вивекананду. Глухое, скомканное тело Вивекананды принимало глупую форму, зубы его сжимались, хребет внимал прозрачной тяжести своего существования, но была подарена Вивекананде сила объять себя, мучаться, но не принимать в свою суть. С каждым движением глаз Вивекананды тело Васиштхи принимало форму излишнего, дорогой сердцу друг оставлял себя за порогом, чтобы дать тебе, Вивекананда, сделать еще несколько шагов. Но и сам Васиштха не выбирает этого, давяльные камни крутятся, совершая полный круг, солнце внутри груди Вивекананды дает силу и тепло этому просторному лунному лесу, жертва приносится не как подарок, твой дар, от которого тебе сложно отказаться, не как твое намерение, а как то последнее, что у тебя есть, чтобы ничего у тебя не было, чтобы за душой ничего у тебя не было, чтобы ничего тебя не держало, чтобы ничего не было тобой, горнила-глаза Васиштхи совершали и внимали глазам Вивекананды, обучая молодого риши искусству песнопения.

В мягком лесу проступали еще еле ощутимые и совершенно невидимые солнечные лучи. Солнце в груди Вивекананды отказывалось идти навстречу, слышен глас птиц, звук их крыльев, молчаливый шум реки. Васиштха теперь с каждым мгновением проступал все отчетливее, тело обретало видимые очертания, с плеч его спадала

лунность, теперь Васиштха мягко улыбался Вивекананде, боль сошла, дивный страх лучики сожгли, и почти несуществующими движениями Васиштха приглашал Вивекананду в свою обитель. Облака как дымок на голубом небе, листья деревьев вбирают в себя свет, мгновение теряет, мир есть.

Глава 21

Вивекананда находился в доме Васиштхи, хотя у Васиштхи не было дома. Почти полдень, густая солома укрывала пол в передней, небо горстями наваливалось со всех сторон, земля поддерживала строение, Васиштха витал в нем, приглашая Вивекананду.

Переминая себя, Васиштха окружал Вивекананду бродящим непереносимым воздухом, не моргая, полуденное солнце вникало во все, отзываясь в груди Вивекананды позывами навстречу.

Вивекананда чувствовал себя свернувшимся, как молоко, скисающим, виновным и недостойным. Было страшно неудобно перед Васиштхой за свои поступки и за то, кем он, Вивекананда, являлся. Понимал, что так, возможно, и должно быть, что это слишком человеческие, самые простые и глупые мысли, но ничего не мог с собой, казалось бы, поделать, но такой уж твой путь, Вивекананда, присаживайся, я с тобой ничего не смогу поделать, ты не сможешь никогда ничему научиться, мир, который есть Господь, сам научит тебя всему, не утруждай себя угрызениями, отвлекись на пустоту между тем, что ты видишь, слышишь, вкушаешь, обоняешь, осязаешь, думаешь.

Сидя на густой соломе в передней дома Васиштхи, которого не было, Вивекананда сидел, вдыхая и выдыхая, крест лежал на спине, я умаяло, Васиштха мягко касался его руками, мир сам проникал в меня, сгусток меня давал отпор, небо поддерживало, земля поддерживала, раскрой пустоты, Вивекананда уже знал, но иллюзия постоянно выталкивает, замыкает в груди, ничего не старайся с этим

делать, миру доверять, но это тоже где-то похоже на нащупывающее чувство, разве нет, Вивекананда, и дай миру себя проявить.

Солнышко внутри не переставало крутиться. Скрывая его кожей, жиром, мясом, костями, внимая раскроенному пространству, боясь его из-за наличия чувств, уворачиваясь и не обращая внимания на происходящее, Вивекананда углублялся, скользя по необъятным пустотам и глазам Васиштли, которые оставались для него сейчас опорой. Сдвигая и раздвигая предметы, части тела, сущность Васиштли, Вивекананда видел бездонную непроизносимую силу, которая была бессилием, наполняясь которым, Вивекананда, обретая в себе солнышко, родящее его, пряча за пазухой то, чего уже у него не было, готов был сделать навстречу смелый шаг, обретая, дыша, скрывая, пытаюсь разомкнуться, глядя, учась, в глаза Васиштли, ничего не забывая, глядя глазами всех, солнце не прекращало крутиться, Васиштва, улыбаясь, подтверждая, смотрел на Вивекананду.

Утренние зори возвестили о своем прибытии. Васиштва улыбался, искоса поглядывая на Вивекананду, умащивая его произнесенными песнопениями, солнце в груди Вивекананды с радостью отзывалось на начало, предвосхищавшее восход, дом противился мраку, который явно уходил. Любое произнесенное, знал Вивекананда, уже не является, не боялся Вивекананда назвать себя жертвой, так вот готов был он быть ею, Васиштва понимал его, видя, как мир обучает Вивекананду, как боги, обратившие взор после первого возгласа утренних зорь, внимательно и мягко усматривали свое произведение. Воздух крепнул, солнце в груди Вивекананды обращало себя изнутри наружу, Вивекананде следовало смотреть в небо. Васиштва, пере-

бирая своим ловким телом, поднялся с густой русой соломой, устилающей пол передней, и раскрыл двери и окна. Лучи, которых еще не было видно, проникали навстречу желанию их увидеть, Вивекананда держал себя изнутри, в любую секунду будучи готовым раскрыться, излучить солнце, одаривая, вернуть подаренное, Васиштха наблюдал за Вивеканандой, тоже встречая утренние зори.

Восхитите нас, отзывающихся, совершите нас, бурлящих, успокойте нас, неустомимых, проявите нас, остывших, разите нами, оставленными, светите нами, сойденными, да совершается вами свет. На благо!

Слова, произнесенные втиши Васиштхой, отзывались внутри Вивекананды невидимым светом, выталкивая его сущность в день. Васиштха мягко поводил руками, свежий, предутренний ветер, втекающий в тела, изнутри предвещал, радовал, встречал. Вивекананда наблюдал за происходящим с ним и вокруг него, научаясь вести произведение, глядя на Васиштху, объявшего мир в своих руках как, казалось бы, казалось ему. Вивекананда тоже улыбался навстречу произведенным зорям.

День наступил. Вдыхая и выдыхая существование, Вивекананда и Васиштха находились рядом. Так многому я научился сквозь этот излом, так неповторимо все это, так лучи, как родные, обнимают тебя, успокаивают, даруя пение птиц. Молодой риши, замечая, что его черное одеяние немного поменяло цвет в сторону светлого, но не слишком сильно обращая на это внимание, с непревзойденным солнцем внутри, поднялся, а за ним поднялся и Васиштха. Дневной воздух встретил их свежестью, устоявшимся утром; дом, которого не было, завершился позади тел, и рядом с сердцем каждого шевелилось нечто знакомое, но такое человеческое, чего уже нельзя было принимать в

себя. Но вдруг Вивекананда осознал, что шевелилось только у него в груди, Васиштха лишь мягко улыбался, с каждым последующим мгновением вытягивая конечности в стороны, материализуя вникающий лес, превращая конечности в ветви, проистекая ростом, от которого Вивекананде становилось спокойнее, так как несущее солнце внутри груди обрамляло все, зотягивало в круговорот, оставляя за собой полученный урок от древесного риши, влюбленного, но не отождествленного с Господом. Вдыхая и выдыхая этот дневной воздух, Вивекананда наблюдал за рождением леса, с его древесными стволами, ожидающими лучи, с проторенными дорожками между корневыми тупиками и глупыми заумностями, ведущими к чистому слову, пропетому на выдохе, но не вдохе, дарящему, за ни за что произнесенному, пропетому, несущему в себе то произрастание, что только в тебе силится, не опираясь даже на самое себя. Пролетевший ворон и тень его по каменистой земле поведали, что Вивекананда остается с Васиштхой до вечера, полный круг должен пройти, пока они расстанутся, каждый неся друг друга в сердце. Вивекананда, проистекай!

Потоком глубоко проникал, будущее волнующими волнами, хлесткими, синими, сильными, всесносящими, шумя через лес, восходящий, Васиштха с восторгом, являясь лесом, смотрел во все глаза на бушующего Вивекананду, пробивающего себе путь, являясь рекой, смывающей, доверяющей, сильной, жертвенной. Вивекананда и был потоком реки и был вместе с потоком, наполнял уютное пространство, снося весь воздух леса, сияя и наполняя воздух леса водой и силой своей, подаренной потоку, и дышать лесу было легче, и небо вражало сверху, и земля держала поток снизу, и пробитой была земля, и потоком несся

Вивекананда, и это происходило и не могло произойти. Деревья высокие находились, встречая потоки, тени впитывались потоками, которые были единым потоком, сила вдоха Вивекананды смещала наружность, уравнивала жизнь несущей воды, глубокой, которую море зывало к себе, тянуло море, сливаясь с собой, где ты, о поток, влекущий тебя ко мне, мы с тобой из одного, мы с тобой есть одно, и Васиштха смотрел во все глаза, считая и пропуская, считая и снова пропуская имена коров, влекущих в потоке, бурлящем как переизбыток, и солнце внутри Вивекананды крутилось, и все смотрело на все. Лес принимал и пропускал сквозь себя поток, смыкая позади себя деревья, смыкал их Васиштха, разворачивая величественность глубины леса впереди, размыкал ее Васиштха, — давая путь и дорогу молодому Вивекананде, держа вместе с ним вдох и выдыхая вместе с ним, встречая каждое дерево, каждый куст, каждый плод, поток проносился шумный сквозь лес, высвобожденный, к морю влекущий, океаном вызванный, Вивекананда наблюдал, держа в глубине себя солнце.

Постоянно просить прощения, испытывать раскаяние, беречь себя, слепо блуждать, быть оторванным от равноценных земли и неба, Васиштха научал Вивекананду, который сейчас, будучи сплошным потоком, рвался через лес, умиротворять, соскальзывать, признавать вину, не обманывать, не врать, это ведь я, Господи, прости меня, слова рука создает, читаешь их, будучи сплошным потоком, лес обнимает, шум потока возвращает домой.

Близится непотопляемая глубь. Выносит Вивекананду и, вслед за ним, древесного Васиштху в открытую гладь океана. Простор поражает. Ступить некуда, некуда сделать и шага. Васиштха на корабле, Вивекананда на корабле, лес не виден, тела их снова, из-за прегрешений, есть,

Васиштха смотрит на Вивекананду, или это Вивекананда уявляет, что Васиштха на него смотрит и вообще находится сейчас с ним, глубокое око отраженного солнца позволяет наблюдать, дать, быть, не бояться, осматриваться вокруг, гадая, где же то, что было нами только что. Вивекананда и Васиштха лежат на деревянных досках палубы, уже нагретых от солнца, небо пылкое принимает их на своем лоне.

Не карай нас! По слабости воли я не поток. Безумие мое завладевает мной, но не карай меня, горящее солнце внутри меня, огня мне не достать, с меня стекает жуть, раскрывает боль луч, смерть позади, а когда я ее не боялся, поток нес меня, я был потоком, Васиштха научает меня, а сам, древесный риши, хватаясь за человеческое, горит огнем пламени, это голос не наш, Вивекананда, ведь проступок — брешь.

Ветер милостивый! Приди, умоляю, спиваю тебе, глушь водная в этой глуши, голоса бездонные не наши, нашли нас, ибо сами мы пришли, как пришлые, как родные, но научен я, Вивекананда, горит во мне солнце сверкающее, горит во мне плоть, любезным будь, Ветер, сверкающим голосом петть тебе, ветер, о боли радующее, покоен веков, не насилем рожден я, обрати меня против себя, чтобы я вот осталось в потаенных глубинах, и безумие гордости не было мной. Покорен я тобой! Ветер, отдушина моя, понеси ты корабль во славу. Вивекананда лежал на досках палубы, выцветших от слепого отражающегося солнца, корабль мягко колыхался на только что появившихся волнах.

Сила преодоления — бесплотна. Сила вне жизни — бездонна. Твой корабль, Вивекананда, приведет тебя в нечто совершенно непоправимое, но мне, Васиштхе, дальше с тобой не по пути. Я хотел бы остаться с тобой, или что-

бы ты остался со мной, но мой дом, которого у меня нет, — этот лунный лес, где мне, древесному риши, дозволено быть, и быть здесь выбираю я, как ты, Вивекананда, решил добраться до края. Жизнями перемешивая свой путь, не составляй из идола кумира, совет тебе через века, отпуская себя, музыка сама тебя приведет, неси свое солнце туда, куда должен его отнести, и пусть все этому способствует, хоть и сейчас, как ты видишь, этому способствует все. Приди к краю мира во всеоблачении, и отпускаю себя с корабля, и всепокоренным ты будешь, Вивекананда, и поклонюсь я тебе. И поклонился Вивекананда Васиштхе в ответ, и веки его опустились, и шум океана внимал телам обоих. Смотрели ли боги на них, уж это одному Господу известно, но небо и океан были с ними, и страха не было, и все так правильно было, шум океана и небесная тишина.

Вечерело, и вот еще чуть-чуть и день подойдет к завершению. Холмы волн вздымались все сильнее, мощь моря, океана все более сильными толчками выбирала дальнейшую судьбу корабля, у Васиштхи оставалось еще буквально несколько минут до отплытия. Вивекананда, до этого встав, и, облокотившись об деревянный, сбитый крупными гвоздями, ящик, смотрел в сторону носа корабля, слушая мерное биение волн о корму. Солнце усыплялось, со всем благодарением Вивекананда ощущал Васиштху, и пройденной стороной касалась его судьба древнего риши. Так старательно облака вырисовывали узоры, так слаженно волны, касаясь друг друга и деревянной обшивки судна, мерно спускались и поднимались обратно — от этих звуков было хорошо на душе, спокойно, — так благородно отпускались грехи, так благородно от этом думалось, словно тебя простили, и ты, жаждущий невольно и смотрящий в глубь воды, смотрел

на Васиштху, и тому не нужно было твое солнце, и ты снова вернулся на путь, ты, Вивекананда, снова нащупал себя благодаря боли, лишениям, страданиям, греху, и последующему очищению. Так казалось и так было. Вивекананда смотрел на Васиштху.

Васиштха мягко, как лягушка, забрался на перила. Ветер вносил волосы древесного риши, под сероватой кожей мягко проступали уключины и косточки, глухой мягкий свет падал на тело Васиштхи, давая Вивекананде время, чтобы проститься. Капли волн попадали на лицо, коже было приятно, горсть воздуха держал в руке Васиштха, оборачивая голову к Вивекананде.

Глубокий вечер. Темная вода поглотила в себя свет, небо темное. Вивекананда стоял у руля, дух Васиштхи словно был еще рядом, улыбался Вивекананда, вспоминая эти странные дни, грезы, корабль высекал носом волны, то погружаясь в них, то снова выныривая, отражая в себе темноту волн и глубину неба.

Глава 22

Наступило виденье Вивекананды. Виденье, пропитанное солеными брызгами, лучами солнца, отзывающегося внутри ответно, и сильными, но такими до жути приятными порывами ветра.

Шхуна мягко врезалась носом в толщу воды, скрип мачт так приятно откликался на мысли об отважных и неповторимых временах, сладко ранящих воспоминаниях, вновь обретенной чести, чистом сердце, воспламененной любви. Вивекананда, дав волно кораблю, идущему медленно к кораблекрушению, касался руками перил и, обводя глазами горизонт, вызывался наружу. Как морская болезнь, глядящая на тебя изнутри, как давящее чувство, которое я обретаю, но хочу потерять, как настоящая тишина мира, учащая меня не бояться и доверять Богу, как морские волны, с приторным запахом сырой рыбы, невидимых звезд и моей, неповторимо завершающейся и проходящей, с ожиданием крика чаек и горящего лунного пути, моей судьбы, такой ускользающей и такой родной.

Вокруг была только вода. Вивекананда словно слился с кораблем, нависая над этим морем и поглощаясь им. Миг — и уйдет корабль ко дну, ну и пусть уйдет, если так суждено, мое доверие не безумно, мое доверие есть к тебе, Боже.

Ныряли созвездия глубоко под поверхность воды, Вивекананда двигался как и всегда, размытое путешествие овладело им, мысли кое-где путались, кое-где совсем смывались, и, не замечая всматривающих в себя силуэтов, управляющих шхуной, Вивекананда искал в ящиках, на-

крытых брезентом, воду и еду. Глупо было смотреть на себя таким, глупо было слышать свое дыхание, но и так глупо было стесняться, бояться этого, что Вивекананда, найдя большие бутли пресной воды, жадно пил, и найдя снедь, жадно ел, стесняясь и боясь этого, и не стесняясь и не боясь ничего.

В просторных движениях Вивекананды все равно сквозила бесплотность. Серые силуэты пиратской шхуны потому были видны, что он на них не смотрел. Этого и объяснить и не понять, только Вивекананда видел мелькающие силуэты лишь в тот миг, когда внимательно отводил от них взгляд. Он слышал звуки их движений, когда уводил уши и не слышал, когда уводил себя, и так ровно дышал, что являлся мертвым, потому что переставал быть живым. Эта мягкая бесплотность была вполне реальна, хотя только глядишь — и ничего нет. Чему мне здесь, Вивекананде, учиться? Куда я плыву? Пусть все происходит, я, Вивекананда, в том, что происходит, даже если не происходит ничего, как мягкая вода колышет крепкую шхуну, обливая борт, смягчаясь, и непереносимо встречая возникающее, пусть и так грубо высказанное, но ведь я, Вивекананда, только учусь. Мир проистекает.

Вивекананда, возможно, бредит — то ли болеет, то ли умер, то ли верх взял над ним бушующий, стихающий внизу, под толщею воды. Вивекананда так болезненно воспринимал, понимая, что именно восприятие вызывает эту болезненность. Так шумно двигалась вперед шхуна, что впору будет упомянуть этот непонятный мне круговорот, когда рушится все, и в забытие, когда сумрак поглощает проистекающий мир и меня, Вивекананду, когда стирается все, и становится даже не ничем, а сутью, сутрой, возгласи во мне, есть во мне солнце, есть во мне солнце, я,

Вивекананда, несу в себе солнце, и тьма у меня внутри, эта зыбучая морская болезнь, я испытываю чувственность там, где нельзя испытывать чувственность, такое ненужное напряжение, как солнце несу в себе я, Вивекананда, словно боюсь назвать свое имя. Волны за бортом укачивали, шумели, горизонт был, и он держал взгляд Вивекананды на себе, удерживал, был, соединял небо с землей. Вивекананда вспоминал, но уцепиться было не за что, только за иллюзию, а вода шумела, и толщ воды произрастала из самого дна.

Вот и здесь кроется непонятный страх, жуть, такой страх, на который боишься смотреть, в который боишься вникать. Ты ведь падаешь, падаешь, падаешь, и пропасть все никак не заканчивается, нет ориентиров, и где же верх, а где низ — непонятно, и вот здесь кроется страх, тошнота, бурление волн. Вивекананда снова выбрал иллюзию, чтобы не падать в пропасть. Солнце темнело, на воде широкими темными глубинами сильный ветер ворочал медленно волны, и пропасть сама возникает вокруг Вивекананды, и словно имя это уже ему не подходит, потому что не суть в том, что в падении нет имени, а суть в том, что принимая имя и не принимая его, ты несоизмеримо похож на скользкую рыбу, и вот это твой страх. Есть у тебя имя. Нет у тебя имени. Суть опостылая и душная втискивает тебя в себя, и тебе больно, потому что сковывает трафаретом, и так хочется дать волю — назваться именем или остаться безымянным, — но все это рассуждения, а что названо — то неправда, и Вивекананда старался не остаться в падении, не втиснуться в знакомое, не проявить волю или безволие, не остаться скользкой рыбой — а вывернуться с морем и волнами, отдавшись кораблю, року, не цenia свою жизнь, боясь пропусков, и глядя в глубокую толщ воды,

которая пробирала изнутри уже уходящей тошнотой и отблесками улыбок странников, храбрые силуэты которых Вивекананда видел вокруг.

Как этот страх проник в меня? Его ведь не было еще миг тому. Он где-то вокруг меня, и я, как избитый сейсмограф... Нет, Вивекананда, все не так. Не юли, не кичись, не чувствуй. Вот было две дороги, и по которой пошел ты? Тебе, Вивекананда, была предложена дорога битвы и дорога слез, и ты снова выбрал слезы, ты снова выбрал отчаяние. Нет, я выбрал судьбу. Нет, Вивекананда, ты выбрал желание славы, потому что на пути битвы ты без имени, ты безымянный, а на пути слез ты во славе, ибо о тебе плачут, тобой попускают, тобой смеются, ты человечен тогда, Вивекананда, и вот поэтому ты чувствуешь страх, понимаешь? Понимаю.

Вивекананда сидел на палубе корабля, внимая своим возникающим чувствам, позволяя проникать им в себя, не боясь и не стыдясь, хотя еще секунду назад боялся и стыдился своих родителей, своих братьев и сестер, смотря глубоко в вечернее морское небо, позволяя себе смотреть, и видеть себя осторонь, не принимая происходящее за чистую монету, ведь иллюзия возникает вслед иллюзии, и сам ты, Вивекананда, не рассуждай на счет того, являешься ли ты сам иллюзией или нет — значение пусть или есть или нет его, главное, что ты, Вивекананда, робкими пустыми шагами, сотворяя уже созданное, пересортировывая проходящее, копаясь снова в прежних и будущих временах, ничего не понимаешь, потому что твой рассудок — выемка, ложбина, и даже не флогер, муть беспросветного песка, без ярости, крика, слез, потуг, шхуна по волнам, делая явный крюк, курсирует прямо. Ты, Вивекананда, солнце в себе несешь, это тебе боготворит в твоих

глазах, пусть уж как будет, Вивекананда, будь в слезах, но твое право — жить и нести солнце, не теряя лучей, омываясь горным хрусталем, сворачивая и рефлексивно подергиваясь, выдвигаясь к самым простым словам, видя знаки, может быть, думая о себе, как о сумасброде, но я есть то, через что море идет сквозь себя, и это мое право и жгучая правда, и снова замыливаются у меня очи и ум выковыривает себя из меня, а я, Вивекананда, воображающий себя риши, сижу, скрестив ноги, на палубе корабля и тихонько, почти про себя, повторяю священные слова, которые сам для себя придумал, и которые показывают меня не таким, каким я могу быть, а таким, какой я есть. Мир истекает.

Но эта неистовая морская болезнь и в действительности может меня доконать. Море выкручивает меня, сносит, делает ноги ватными, немыми, бесчувственными, а солнце во мне точно горит, это правда, меня никто не обманывает, не обманулся ли я сам, я ведь так легко могу забыть про это солнце, и выжимай меня вода морская, глаза болят, мельтешат черные пятна, а шхуна плывет, и я, имеющий имя, которое так хочется забыть, я, Вивекананда, произошедший и больной, как скользкая рыба убегающий, как хилый, как корм времени, я, Вивекананда, немощь, только ведь мне просто так кажется, потому как я больной, а глаза то мои видят чайку. Чайка! Птица! Берег!

И я слышу твой крик! Кричи, чаечка, кричи, милая моя, я не боюсь умереть, я не боюсь умереть, в моем теле боль, в моей душе ропот, я иду к Богу, даже если не хочу идти, кричи, чаечка, кричи, милая, сердце ранит мое, но сама мысль о тебе вменяет мне вину, что не могу я быть, не опираясь, что слышны крики острова, крики безволия и бездолия, и красочный необитаемый остров открылся глазам

Вивекананды, и все такое большое — такие большие слова, такие большие поступки, такие громкие крики чаек, такие громкие живые силуэты, как спелые пятна, как гроздья судьбы нависли над нами, и как проникло все из меня, из змея, так вот я, Вивекананда, чувствую сейчас себя, и вода эта раскачивает меня и мир мой проистекающий, и вижу я сладостный в своем упокоении остов острова, и Вивекананда, упоенный видением, блуждал по палубе, не мог видеть течение, шквал надвигающийся, шатало его, а остров — мираж, да, остров — мираж, бредит Вивекананда, стесняясь себя и своей судьбы, но благодаря Господа за себя и свою судьбу, и шум моря за бортом все вбирал в себя, все вбирал в себя, дыханием сливаясь с Вивеканандой, готового умереть как сейчас, так и потом, пусть вчера, и слышу крик птицы, это все рассудок, а ты, Вивекананда, не бери рассудок, он проистекает как мир, и легкость этого утра, которое наступило, которое ты не заметил, которое роднит тебя с миром, с иллюзией, пусть и грубо налетают волны, и на губах ощущается придиричивый вкус соли, и душа моя, как цветок, расцветая, увядает, расцветая. Несет корабль Вивекананду, и солнце внутри горит пламенем, море бушует, но не штормит, Вивекананда сам сотворил остров, потому что больше было не вмоготу.

Мягкими нетвердыми шагами ступил Вивекананда на песчаный берег. Умыло шхуну водой, размыло ее по ветру, исчез даже последний блик о ее представлении. Вивекананда поднял глаза, замыкаясь в своем уставшем теле, и предстала его глазам неопикуемой красоты земля, вдыхающая в Вивекананду то, что он забыл, но сейчас постепенно и с радостью вспоминал.

Глава 23

Вивекананда закрыл глаза и не смотрел на этот прекрасный остров. Он видел его доброту, его белый, светящийся, мягкий свет, проникающий сквозь веки, но закрыл он глаза, чтобы не видеть. “Не страшно, если увижу”, — думал Вивекананда, — “Не страшно, если представлю, выдумаю, создам, не страшно, если всю жизнь или всю вечность проведу в этом прекрасном волшебном месте, и не страшно, если не буду смотреть”. Можно смотреть, можно не смотреть, но ушли скользящие волны моря, здесь не слышен шум волн, и я закрою свои глаза от любого соприкосновения, хоть это соприкосновение и может быть маминым или папиным соприкосновением, невидящие мои глаза не несут в себе никакой взаимосвязи, мне стыдно за уродливые, мучающиеся сами в себе связи, но получается ли, что я сам, самовольно, владея своим больным телом, я сам отказываюсь от подаренного мира, чтобы обрести болезненную явь, печаль, слезы, горечь, тоску, несуществование? Что в моих закрытых глазах? Мое нежелание видеть прекрасный мир? Моя обида, которая все никак не может уйти? Мое несогласие с проявлениями цельности, в которой есть и плохое и хорошее? Но почему же при закрытых глазах я ощущаю себя правильно? Почему я вижу, что этот самый настоящий прекрасный остров — это иллюзия, что это море, бушевавшее еще несколько мгновений назад, — это иллюзия, что каждая моя мысль — это иллюзия, что каждое мое движение — это иллюзия, что каждое проявление — это мара, что каждый вдох или выдох — это удержание, что каждый миг, который хоть на миг кажется

ся чем-то — это иллюзия, пройденное, являющееся событичностью моих несуществующих порывов, и я вижу, что нет смысла быть скользкой рыбой, ведь горящее солнце у меня внутри является единственно верным, за что я готов положить жизнь, хотя если нужно кому — подходи, бери, забирай, вот тебе мое солнышко из груди, ничего этому солнцу не будет, ведь неважно — иллюзия оно или нет. В один миг Вивекананда слышит шум свежего леса, который владеет островом, и в тот же миг не слышит ничего, ведь он закрыл глаза. Ковыряясь в себе, выковыривает срединное, и нет во мне желания разрушения, нет во мне желания создания, есть во мне предчувствие творения и его медленного умирания, и слова эти такие мне смешные, и, осмотрев эту иллюзию, Вивекананда проникает в ее суть, ища пленных. Остров принимает Вивекананду, уговоря ему простор, ширь, голый страх перед стихиями, тревогу, закручивающую, все повторяющиеся слова, пройденные, рытвины, чистое стенание звезд, замыкающих этот остров в купольную сферу — Вивекананда не смотрел, закрыл глаза, веря, держа солнце внутри, соглашаясь на выдумку, на то, что солнца там никогда не было, но веря, что оно есть, оставляя в себе эту уверенность перед прыжком в хаотичность и бесполезность, горнило, форму, проистекшее, а снаружи полое, простое, глазастое со всех сторон, цепкое, мирозданное, и, казалось бы, совершенно запутанное, но явное, несуществующее, и слова пропускающее, научающее, проникновенное, холодное, может быть местами ледяное, потому что страшное, но уже никуда не девающееся, потому что ты, Вивекананда, тут, и совершенно не важно, как ты к этому относишься, потому что тут отношения нет, ведь здесь нет ничего, что достойно успокоить твои глаза на себе, закрой, Вивекананда, гла-

за, и происходи. Зеленый остров, увлажняя окрестности своим мягким дыханием, был вокруг, проистекал вокруг, пока Вивекананда проистекал вместе с ним и внутри него.

Открывай глаза, милый. С тобой ничего не случится. Не имеет значения, открыты твои глаза или нет. Не страшишься смотреть на эти земли, не бойся самого себя, не поддавайся сумеречному безумию, которое бессильно перед тобой. О, Вивекананда, путь твой тернист, местами кажется темным, но ведь свет настолько светел, что любая тьма уйдет, сойдет вниз, но и пусть во время тьмы тебе кажется, что кроме этой тьмы ничего нет и ничего не может быть, это лишь шелест мглы. Не бойся, Вивекананда, моих сладостных речей, не бойся действий, не бойся слов, не бойся внимать мне.

Вивекананда находился здесь, в темноте себя. Имея желание избежать и света и тьмы, снова заскользить скользкой рыбой, овладело им, снова этот замкнутый круг был похож на бездушную замкнутость, уводящую по сторонам. Вивекананда открыл глаза. Деревья на высоких склонах вбирали и держали на своих листьях тепло и свет, небо, подернутое белеющей пылью, внимало в себя голубой цвет, птицы выпархивали из самых разных мест, остров дарил покой, остров был сам по себе, а Вивекананда, оставив глупые и бесполезные разговоры внутри себя, снова обретя крохотное намерение, позволяя теплу проникнуть в него, не отторгая солнечных лучей, начал подниматься по склону, принимая иллюзию такой, какая она есть.

Мгновениями Вивекананда забывал, куда и зачем он идет. Сумрачные воспоминания о детях, школе, замученных книгах поражали Вивекананду, и горящее солнце внутри тела его толчками тепла напоминало о пройденных местах, излучинах, встречах. Остров, вынырнувший

из воды, утопивший за собой шхуну, объял Вивекананду, делая его из большого маленьким, из себя кого-то другого. Шумела вода, ветер освежал лицо Вивекананды, огонь внутри горел, земля была под ногами, сотни душ поддерживали Вивекананду извне, укрепляя его судьбу, вплетая песнопения и неподвижность птичьих крыльев, скользящих над головой. На острове царила поздняя весна или почти ранняя осень, хотелось жить, не закрывая глаз, хотелось слышать, не закрывая ушей, хотелось молчать, не выговаривая слова, Вивекананда поднимался на небольшой холм у берега, оглядываясь, чуя позади море, но встречая природу этого острова со всей любовью к свету, прощению, исправлению непоправимого. И внутренний страх был, но сжался он у Вивекананды внутри, сковался сам в себе, пусть не исчез полностью, но природа начала касаться Вивекананды, давая произрасти ему, такому ранее больному, потому что только о себе все скитания, и такому сейчас маленькому, потому что так огромен произрастающий мир.

Почему я не могу себя лишиться? Помогите мне, Господи, лишиться себя, если это будет праведно, и я не заблуждаюсь. Мое тело — мир, мои мысли — тоже мир? Как пропустить эти мысли мимо себя?

Господи, научи меня! Я стою на этом пути, я выбираю его, забираю все лишнее у меня, и подари, Господи, музыку твою, в которой я могу производить Тебя! Все, что я неправильно делал и делаю до сих пор — забираю, все, что совершаю праведно — все твое, мир свершается, дай мне сил, Господи, тоже быть миром, и не быть подвластным ненужности; вдыхаю я и выдыхаю, и был покорен я твоими деяниями, и века, тысячелетия, уносящиеся назад и вперед одновременно; и вот он я, Вивекананда, певец тво-

их дел, придуманный и являющийся; если тревога во мне — готов принимать и быть этим, но покой мне нужен в той же степени, как он нужен тебе, Господи, ибо если ты считаешь, что мне, Вивекананде, следует быть беспокойным — я буду им.

Вот такими мыслями рассуждал Вивекананда, молодой риши, поднимаясь по склону холма, придерживая свое меняющее цвет одеяние за подол. Солнышко крутилось внутри его, он перегорал чувствами, а остров с каждым шагом все более обнимал.

Так я вижу то, что находится за холмом. Это происходит прямо сейчас, и мир меня учит. Каждое мгновение прямо сейчас у Вивекананды два пространства, но эта цифра два, казалось бы, такая неправильная, не сама цифра, а само упоминание какой-либо цифры, ведь все безбрежно, и этот выбор иллюзорен, и так не хочется думать, что именно сейчас, Вивекананда, два пути, а хотя что с того, что два, тебе что, Вивекананда, вот об этом хочется думать, тебе хочется думать, это то, к чему ты идешь, к чему хочется идти, и тебе, Вивекананда, не стыдно, не морозит тебя от этого страха, что с тобой, ведь остров, смотри, остров, не теряй его, милый, не теряй его, родной, производи из себя не то, что производится, когда боишься ты, а то, что мир через тебя производит. Оглянись, Вивекананда! Что видишь ты собой, что вокруг тебя, прикинься мертвым, если уж пока боишься быть им, душу свою изворотить, вдохами и выдохами остановиться, небо к тебе сейчас близко. Оглянись!

Небо. Мир. Холмистая местность. Зеленая трава. Ручей. Плеск. Птицы. Невидные животные и насекомые в траве. Вдали каменная башня, порождающая эту местность, породившая эту башню. Итак, Вивекананда, давай вернем-

ся. Тебе красиво вокруг? Очень красиво. Тебе тепло? Мне очень тепло, особенно после мокрой шхуны, и... Вивекананда, постой.

Вивекананда закрыл глаза. Остров. Небо. Земля. Как тебе? Мне очень нравится. Это молчание, Вивекананда, и есть основа волшебства. Небо. Солнце. Земля. А теперь, Вивекананда, иди ко мне, иди к башне, только передвигай телом спокойно, стремясь к смерти, пусть небо, солнце, земля и этот остров будут без тебя.

Холмы бегут друг за дружкой. Небо стекает солнечными лучами на чуть влажную траву, воздух широк, и просторно вокруг. В стороне, в нескольких метрах от ряда рослых тополей, бежит мелкой дробью свежий ручей, обтекая тоненькой струйкой гладкие камешки и опавшие листочки. Птицы выныривают из крон, совершают дугообразные падения, скользят, раскрыв крылья, по глазам воздушных потоков, подавая в природу — и будучи природой — свои волнующие птичьи голоса. Мягкая тишина. Птичьи голоса, плеск ручейка, звук иногда падающих листьев — все обрамляется небом и отвесными солнечными лучами на горизонте, выпадающем из почти невидимого белесого облачка, стесненнодвигающегося за ветром.

Деревья обнимаются с солнцем. Солнце обнимается с небом. Небо обнимается с землей. Земля обнимается с морем. Море обнимается с воздухом. Холмы бегут, прикасаясь у подножий, сливаясь на горизонте с морским небом, воздушной линией света, возникающими облаками снежного цвета, живой природой, между частями которой воспроизвелась башня из серых крупных камней. Вивекананда, учась терять себя, не видеть себя, не слышать себя, не касаться себя, не чують себя и не думать о себе, пытался воспроизвестись природой, не видеть ее окружающей, а

самому слиться с ней — так Вивекананда объяснял себе каждый шаг. Но, Вивекананда, все твои рассуждения — умственная игра, такая пыльная, такая простая, хоть и кажется сложной, но каждое твое следующее слово — неумение, испуг, привычка, глупость, себялюбие, жадность, иллюзия, незнание, попытка ума остаться в рамках себя и мира, который привычен ему, который статичен. Остановись, Вивекананда!

Вот легкий, немного холодный, будоражающий ветер колышет мягкие листочки на кустах и деревьях. Где-то в вышине трепетный перелив птичьих голосов, вот сильный наплыв ветра, несущий с собой запах моря и свободы. Так дружелюбно перешептываются между собой высокие деревья, так солнышко являет себя на листе и земле. Разветвляются кем-то проторенные дорожки, дарящие окружающему мечты, стволы колышутся, в такт отвечая ветру, а вдали, на горизонте, высится каменная башня — то ли дом родной, то ли маяк, уготованный Господом стать твоим домом. Из моих глаз струится свет солнца, из груди моей вырывается ветер, несущий мелкие, но такие огромные белые облака, еще мановение назад которые были мелкой крошкой, но сейчас набирающие силу отражать в себе крепкую землю. Облака как комья снежные, каждое само по себе, и каждый листочек сам по себе, и между травинками, умытыми солнцем сверкающим, шуршат жучки, змеятся земляные линии, как вроде ручей, снискавший славу себе поодаль, в стороне, чуть ранее был здесь, устремлялся в разные стороны, сотворяя потоки и устья, кувыряясь и оставляя за собой маленькие камешки. Этот остров — отражение минувших дней, дней незабвенных и простых, глубоких самих в себе. Это говорит лишь отражение моих глаз, но что мои глаза в сравнении

со светом, молитвенным светом, сквозящим в каждом изъ-
явлении окружающего? Нет тела моего. Нет души моей.
Но облако снежное скрывает за собой солнце, и холод-
ная тень ниспадает на землю, покрывает листву деревь-
ев, проникаясь ветром холодным, но это где я иду, а там,
в стороне, и так, вдали, солнечные поляны, и пусть тела
моего не будет, пусть души моей не будет, ибо Господь
есть все. Сонливо. Что есть этот остров, если не мое думанье о нем. Что есть мои мысли, если не думанье Господа
о самом себе. Вот мысли. Солнышко снискает благо себе,
шум моря, и колышутся деревья в такт беспричинно. Вот
не мысли. Я не создал этот остров. Да, я его придумал, но я
его не создал. Пусть не будет меня, пусть произрасту я из
острова, отражающего минувшее и будущее время. Пусть
шаг мой будет равен дыханию ветра, пусть взгляд будет
потокотом солнечных лучей, пусть примет меня этот остров,
я уже посмотрел на него, пусть руки мои — ветви, пусть
тело мое — земля, пусть чувства мои — гладь ручейка, мое
намерение — чисто, мои мысли — чисты, пусть тела моего
не будет, пусть души моей не будет, пусть будет мое тело,
пусть будет моя душа. Все движется вокруг, но это отра-
жение, я, Вивекананда, называя имя свое, прохожу холм
за холмом, и башня — то ли дом родной, то ли маяк — все
ближе. Это не мое намерение, это мое солнышко, скользя-
щее по моим ранам. Я — зверек, глядящий на проистека-
ющий мир.

Глава 24

Маяк стоит на обрыве. Высокая башня из камня, окружность башни манит несхватывать углы, которые мерещатся, которые предчувствуются, но которых нет. Кто-то живет на маяке, кто-то подает мне оттуда знаки? Какая глупость, Вивекананда, ты снова до человечности прост, ты снова пытаешься выйти в сказочность, обрести невидимое волшебство, кое ты постоянно теряешь. Остановись, Вивекананда!

Сквозь туманы и гонения я пришел. Вот мои руки! Вот мой стыд! Грязь и мрак покрывают мое тело, но за что, Господи, за что ты спасаешь меня, ведь во мне нет чести, но горит пламенем во мне солнце. И мне стыдно, что стыдно мне перед тобой, а не перед собой. Так давит меня в груди, так зачем же я желаю, зачем эти нервы есть во мне, зачем я здесь человек. Остановись, Вивекананда! Но скажу еще, хоть и каждое слово сейчас лишнее, — слава тебе, Господи, что мне стыдно перед тобой. Вивекананда, остановись!

Спасибо тебе за солнце! Ты, Вивекананда, не можешь выбрать — я внимаю тому, как коверкаются твои мысли, ты снова где-то предчувствуешь невозможность выбора. Спасибо тебе за солнце! Господи, спасибо тебе за солнце! Вивекананда, остановись! Смотри вокруг, убери свои глаза с себя.

Ступени из сплошного камня. Ведь не так легко было добраться до этого острова, Вивекананда, правда? Что же ноги твои литые, что же ступаешь ты медленно так, влитыми в ступени ногами. Ты все так и будешь рассматривать себя, разглядывать ноги свои, тело свое, душу свою?

Да что ты смотришь, нечего там смотреть, Вивекананда, двигайся вперед, наверх, пусть шею твою раздирает неокрепший стон, тяжелы шаги твои, и чтобы подняться тебе на верхнюю ступень маяка, на верхнюю площадку маяка, тебе нужно не смотреть на себя.

Шум воды завлакивал вокруг тишину. Вивекананда смотрел взглядом на ноги свои на первых каменных ступенях маяка, не мог отвести от себя глупого своего взгляда. Высохшая одежда, отдававшая кислым привкусом, солью и перегретым солнцем, была на Вивекананде, и каменная винтовая лестница уводила глаза по спирали вверх, к верхней площадке. И время текло так медленно, хотя Вивекананда знал, что это он медленный, а времени все как не было, так и нет. Не заикливайся, Вивекананда, ничего в этом нет, следуй своей судьбе и не бойся ее. Ты здесь. Прими это. Остановись, Вивекананда, а теперь поднимайся, но сперва остановись.

Сон покорял его. Сон сковывал тело мое. Сон смыкал веки мои. Мои ноги густы, мое тело томно, мой взгляд затуманен. Снова остановись, Вивекананда, ступай по ступеням наверх и не бойся безысходности. Этот маяк есть, ты его произвел, иди, Вивекананда, наверх, поднимайся, иди, остановись и иди, перестань смотреть на ноги свои! Ничего не бойся! Пусть страх ведет тебя. Шум воды мерно погружал в надежду. Вивекананда медленно, иступленно поднимался наверх по винтовой лестнице маяка.

Шаг — безбожник. Шаг — с Богом. Шаг назад. Шаг вперед. Как долго ты будешь подниматься? Как долго, милый Вивекананда, будешь себя терпеть? Уже сегодня в твоих силах подняться на несколько ступеней, но уже сегодня ты, поднимаясь, спускаешься. Твои ноги — пыль. Твое тело — туман. Неоформляешься, исходишь потом, стонешь, и

все забываешь, теряешься, боишься, каешься, стыдишься, плачешь, ничего не хочешь и хочешь все. Вдохни воздух этого острова, вдохни мерный шум воды, в этом весь ты, глупый Вивекананда. Уже нет сил останавливаться, да? Остановись, Вивекананда! Пусть страх оставит тебя! Не мельтеши словами, не зарывай себя и окружающее еще глубже, пусть раны будут твои неглубоки. Прочитающим это дарована уверенность.

Господь рядом с тобой, Вивекананда. Не отворачивайся от него. Пусть мир отворачивается от него, но ты, в мира лице, не отворачивайся от него. Господь, Вивекананда, всегда верит в тебя. Тебе дарован быстрый возврат происходящего, не лишай себя веры, Вивекананда, вот что означают эти каменные ступени. Ты посмотри наверх, ты видишь этот светлый день, видишь эти морские облака, видишь свет, проходящий сквозь тебя, да будет тебе даровано, Вивекананда, во имя смерти тех, кто погиб не своей смертью, да будет их смерть их смертью, твое прощение, милый Вивекананда, так придаст силы противостоять, не берись, прими, Вивекананда, и так поднимайся наверх, как если ты всех несешь на своей спине, как все плохое уходит с каждым шагом твоим, с каждой ступенью, пусть твоя жизнь и похожа на очередность проступка и раскаяния, но что еще ты собрался здесь делать, ты же слышишь и видишь эти слова, чего ты еще хотел, перестать смотреть в себя, перестань губить себя, в этом и есть, Вивекананда, смерть. Видишь, как просто все! Видишь, как легко все и просторно. Поднимайся!

Похоже на сон, правда? Будто лихорадка у тебя, а это просветление перед неизбежной нервозностью. Не имеет значения, что я сейчас чувствую, ни одно из моих ощущений не имеет значения. Значения для чего? Это так

ноги Вивекананды касаются ступеней каменных, так свет верхний все ближе, но твоя голова, Вивекананда, опущена. Ступени сливаются с ногами Вивекананды, который продолжает перебирать себя как мысли, который пытается остановиться, держа в себе солнце сверкающее, его телу брэнному подаренное — когда остаешься сам на сам, без лишних слов и звуков, когда понятия стихают, рот немеет, ухо гложет, язык становится бесчувственным, нос закрывается, вдохи и выходы, как и касания твои, исчезают, оставляя тебя между полярностями, изводящим стремлением напиваясь, горит солнце в тебе, Вивекананда, научая тебя быть, не являясь, умирать, не рождаясь, сводить в круг, переворачивая все изнутри в явь, — и все это, ты знаешь, смешная и позылительная попытка, полупрозрачный мираж, сонное размышление, ложь и неправда, глупость и иллюзия, отблеск мнимых движений, а вот правда, истина — солнце в тебе, Вивекананда, и поднимаешься ты по каменной винтовой лестнице маяка, касается окружающее тебя, солнце сворачивает лучи в тебе по кругу, умываем все в тишине.

Так и застыть можно. Как пустой монумент, стоящий на ступенях маяка. Моя голова повернута к стене, рукой касаюсь каменной шероховатости холодной стены. Так и застыть можно. Глупая пустая неуверенность, форма, которая граничит с холодом этих стен, так несу я солнце в себе, да не убоюсь я. Нет, не так. Господи, дай сил не убоиться тьмы, дай сил выдержать вечный холод этого вечного страха, прости меня, Господи, за проявленное малодушие, за неверие и сомнения, за поступки, недостойные всего, прости меня, Господи Боже, за руки мои, касающиеся холодных стен этого маяка, не дай застынуть мне в них, ибо в них ничего нет.

Каждый шаг давался Вивекананде в один момент все труднее и все легче. Нет момента. Его нет, его просто нет, Вивекананда, передвигай ножками своими, голову отворачивая от стены, заблудись глазами в голубом небе, ибо солнце в себе несешь, ибо ветер ему брат, ибо, пройдя сквозь радости и слезы, ты поднимаешься солнечным светом, блуждающим у тебя в груди. Ступень, и еще ступень, выдумывай свои шаги, Вивекананда, себя же ты выдумал, других же ты выдумал, но тебя, Господи, не выдумал я, и солнце греет тебя, и твоя суть донести его горячее, ты с каждым шагом думай лишь про еще один крохотный шаг, пусть произведенное тобой вершится, пусть не убоишься ты веры, Вивекананда, да не бойся ты формы пустой и холодной, ибо солнце непогасимо, и оно уже в тебе. Ты выбрал не иметь выбора, Вивекананда, и да пусть будет так, и я рад, что ты находишься здесь, я рад, что ты идешь, передвигай ногами, Вивекананда, все будет хорошо, будет тепло. А теперь стой! Замри!

Слышишь этот шум волн? Этот остров, убаюкивающий тебя голосом моим. Стой, Вивекананда, и не двигайся.

Вивекананда мерно дышал, получалось почти в такт волнам. Светлое небо словно вырезало часть одеяния Вивекананды, вытаскивая его наверх — медленно, с огромной нежностью, — чтобы солнце в себя принять. И горящее солнце внутри лучиками тянулось наверх, к смотровой площадке маяка, сливаясь с мыслями Вивекананды, научая, любя его, без определенного смысла укачивая, лишь за то, что есть он, несущий солнце. Холодная форма Вивекананды, касающаяся руками холодных стен, опадала. Вивекананда замер, почти застыл, но не застыл, а лишь замер. В ушах был неслышный шум воды, дыхание тела, и мысли глупые Вивекананда отгонял от себя, стараясь не

быть ими, чтобы они не были им. Маяк словно двигался, словно плавно качался, убаюкиваемый широтой и глубиной, Вивекананда стоял на ступенях, пытаясь не стараться, пытаясь довериться.

Стыли конечности Вивекананды, но согревал он тело свое теплом внутренним, и холод не имел силы. Вивекананда медленно, шаг за шагом, поднимался по ступеням, внимая шороху, шуму волн и преломлению солнца внутри себя. Вивекананда был, как словно слепили его из глины только что, смешали с водой и воздухом, умыли огнем, и так и чувствует тело Вивекананда. Так стесненно ощущал себя Вивекананда, но в этом теле моем солнце есть, и я, Вивекананда, несу его. Этих глаз нет. Этих ноздрей нет. Этой воды нет. Этих рук нет. Этого огня нет. Что из меня производится, если я сам произвожу себя, как настоженно и медленно я поднимаюсь по ступеням каменного маяка, явно вспоминая свои прошлые жизни, скользя мимо них, преломляя, молитву прими мою, Господи, и пусть осветишь ты путь мой среди произведенного и происходящего, ноги теряются между ступенями, ступени выталкивают наружу, наверх, и тело мое выбрасывает на смотровую площадку.

Глава 25

Руки поднимаю, глупо рассуждаю, песнь хочу петь, но ширь объемная, не вмещается в меня. Не я причина тому, что солнце во мне есть, я причина тому, что рождена боль. Все как-то сотворяется у меня на стеснении, сковывании, как зубы сводит, и так рождаются слова, которыми я, Вивекананда, говорю из горла. Я вижу себя застывшим, я несметное количество раз был застывшим, вмирал в окружающее, втискивался в предметы, природу, был тем, что вижу вокруг, и каждый раз сейчас, застывая, я оглядываюсь на несметное количество застывших за мной, и все же я как-то двигался, скребся, стеснялся, больно вдыхал, выдыхал. Замыкал себя, терял, но просыпался вновь, боялся, терпел, совершал иллюзию движения, превращал иллюзию в явь, размыкал веки. Да не мог я не открыть глаз! Я хотел умыться шумом волн, но тело мое, выбрасывающееся на смотровую площадку маяка, горит изнутри, солнцем обожженное. Каждый шаг по ступеням винтовой лестницы — уступ, боль, выносимая тягость, словно сводит, связывает и развязывает из тебя узел, так вот я, Вивекананда, на этом пути застываю, но, двигаясь, замираю, но шевелюсь, умираю, но жажду жить. Не этой ли ты смерти, Вивекананда, боишься? А вот ведь именно этой, ну, скажи, ведь именно этой. Остановись, Вивекананда! Не думай о том, что есть правильно, а что нет. Не думай о том, как тебе следует поступить. Не думай о том, где ты. Все происходит и без твоего участия, тело твое сейчас внутри маяка, ты стоишь на каменных ступенях винтовой лестницы, тебя выбрасывает наверх

на смотровую площадку. Ты проистек из мира, как и мир проистек из тебя. Иди наверх с молитвой.

Господи, прости, что ставлю себя в центре всего. Прости за мою невнимательность. Прости за неповоротливость и трусость. Спасибо за наставления, спасибо за солнце, которое доверено мне нести, прости, что обольщаюсь, считая солнце своим, забери, осколками возвращаясь к цельному, ведь я, Вивекананда, могу умереть в любой миг, да нет, не в любой, а тогда, когда тобой решено это будет, но теперь, Вивекананда, тише, смотри, ты уже наверху.

Глава 26

Так неведомо и прозрачно стоял Вивекананда на вершине маяка, и так сотворенно и сумрачно уносился в окружающее — широкую гладь бесконечной воды и спрятавшийся за спиной остров, врастающий песчаным берегом, укрывающий бухтой, небо отражающим, воздухом наполненный.

Вивекананда успокоился. Думы были ровные, время сознательно замедлилось, втиснулось в представления Вивекананды, позволяя улучшить этот неповторимый миг широты, остро ощущающийся сейчас. Блажен Вивекананда, и пусть отказывается он от чувств и стихий, но выдуманный мир за каждым прожитым сохраняет для тебя нечто ценное, яркое, наполненное.

Вивекананда поблагодарил вслух Господа, что дал сил вырваться и не застыть. Готовность умереть прямо сейчас снова блуждала у него внутри, и слева, за плечом, снова было щекотно и радостно, но в преодолении темного нашел Вивекананда свет. С каждым падением я вроде бы становлюсь сильнее. Это правда. Но и каждое следующее падение становится все болезненней, пронзительней, все сильнее вдавливают. И словно никакое падение не может закрыть твой путь к свету, словно именно оно и открывает этот путь, но Вивекананда, обдумывая это, старался погрузить очи свои в море или океан, ведь заикленность моя только рушит меня, и не дается мне проявить узор. Вне сомнений, под каждым преодолением есть свет, который, преодолевая, ты берешь в руки свои, ибо он дается тебе. И свет этот дает силы двигаться дальше, когда и сил уже,

казалось бы, не осталось, и утопает взглядом Вивекананда в толще воды, блуждая духом, сотворяясь из стихии, являя в себе дух, и солнце держа в себе.

Волны ласкали берег острова. Дыхание ощущалось за каждым полумгновением, каждым порывом ветра. Тело Вивекананды и одеяние его высохли от воды и пота, ветер наплывами мягко гладил Вивекананду, совсем не мешая взгляду. Дышалось просторно, во всю грудь.

Небо прижималось к воде краями, солнце где-то пряталось за облаками, перекаtywаясь по сторонам и прячась по временам внутри. Вивекананда касался рукой солнечного сплетения, и сухие пальцы вдруг, в несколько мгновений, наполнялись теплом, и за какими-то событиями Вивекананда видел произошедшее, и немой голос тела его, с исчезающей ложью и сильным стремлением воспеть, прорывался сквозь себя, и был подарен в этот миг Вивекананде голос светлый, произведенный, расшатывающий и пронзительный. И голос возникал из горла его, и тишь обнаружилась вокруг, и замерло все, и пел Вивекананда, производя из себя себя, забывая дробными мгновениями, принося жертву, радуясь, принося покаяние. Мысль, что снова потеряет голос Вивекананда после, споткнувшись о проступок, мерзла молниеносно, но и пусть будет, как ты, Господи, произведешь. Заберешь — забирай, подаришь — подари, но я, Вивекананда, твой и песнь моя о тебе.

Исходило лучами солнце из горла Вивекананды, и наполнялось вокруг все красотой и счастливым покоем. И улыбалось все в ответ, как Вивекананда улыбался всему, и небо оберегало его, и остров говорил спасибо, и вода, всеобъемлющая вода, понимала песнь и просила, плача, прощения. Но не было переизбытка, не сгорал Вивекананда при пении этом, не дрожали руки его, не плакал он, слег-

ка улыбался Вивекананда, вдыхая и выдыхая чарующие звуки, проникающие во все и в этот же мир порождающиеся каждым движением окружающего. Так Вивекананда научен был быть горлом, сквозь которое горит солнце. А страдания и боль научили его не сгорать.

Господи, благодарю тебя за песочное тело мое. Господи, благодарю тебя за произведенное из меня. И тело мое и песнь моя — твои. И солнце, лучик за лучиком, из горла моего. Аминь.

Глава 27

Окунуться бы в воды твои. Сжать сердце свое руками, да расширять его до размеров всего. Да река пусть умывает меня, да пусть пронзает меня река, пусть смывает меня, пусть смывает все пройденное мое, каждый шаг мой, каждый шорох души, каждый блеск пусть утонет в реке, пусть совершится произрастание небесного цветка из души моей. Пусть прорастет цветок, поглощающий, но не убивающий, пусть обнимет он каждого, расширяясь и любя, да небо будет ближе к его лепесткам.

Я не знаю, на что смотреть, ибо не нужно мне ни на что смотреть. Я не знаю, что слышать мне, або не нужно мне ничего слышать. Я не знаю, чего мне касаться, ибо не нужно мне ни к чему прикасаться. Я не знаю, что говорить, ибо не нужно говорить мне ничего. Я не знаю, чему внимать, ибо не нужно мне ничего осязать. Я не знаю, о чем мне думать, ибо не нужно мне думать ни о чем.

Это не от боли моей, это любовь моя давит изнутри на тело мое. Да куда же мне, да вот никуда тебе, Вивекананда, размыкаешься словно ты, и словно сводит тебя всего, а ты же глядишь из горла своего, да зубами срежешь, но просто держи в себе это, учись, научай пустоту быть в тебе, размыкая тебя, да небо пусть будет ложем твоим.

Да вот руки мои. Да вот сердце мое, да вот звезды в ночном небе. Измываюсь я, Вивекананда, да от трусости своей не хочу брать оружия в руки. Да расколется вселенная на две части, да протекут воды мимо меня, да будет пламя в глазах моих, да что я говорю, что из горла своего произвожу, да как не стыдно мне, глупому и жалкому и

смывающимся этим теплым ветром. Солнце горит у меня внутри, и открываю я рот, чтобы солнце вылилось через горло мое.

Я, Вивекананда, не вижу здесь зла. Господи, я не вижу здесь зла. Может я и есть зло? Так сотри меня, Господи, если я причиняю миру зло. Я могу причинять боль, страдания, но я не хочу причинять зло. А боль и страдания — это зло? За что, Вивекананда, должен драться? Я видел бездушную силу рока, которая есть сила сама в себе, и это сила стихий. Силами стихий порождаются многие, и многие возвращаются к этой силе, но я смотрю на свои руки и мне, Господи, хочется рыдать, но глаза мои высохли. Лишь в центре тебя, Господи, вижу, лишь вижу тебя я, Вивекананда, и сердце мое не обмануть лукавости. Ты вложил себя в меня, я борюсь с этой действительностью, иду к тебе, и меня все устраивает. Меня устраивает моя жизнь, меня устраивает моя смерть, меня устраивает рок, ибо это урок мой, меня устраивает небо над головой и, несущий солнце, я хочу разорваться в этом небе, даря сквозь себя лучи тебя, Господи, и я не хочу в этом мире ничего менять, лишь узлы развязать все, чтобы узор был, и мы были в нем широтой своей, разностью, единством, и глотками я пью ночной воздух на смотровой площадке маяка, глядя на черную воду, черные деревья острова, и блики луны, касаясь черного песка, сверкают в моих глазах отражениями, и шум воды тих, и не знаю я, куда идти мне, и ждет ли меня, Вивекананду, кто-то. Невыносимо быть собой, но терпимо, и каждый мой вдох следует за выдохом, и я умолкаю, касаясь солнечного сплетения, оставаясь с верой наедине.

Так вот мне уготовано. Это мое смирение перед гордостью, которую мне так сложно вытолкнуть из себя.

Возможно, это трусость и страх пред Господом — да как угодно, мое сердце будет без гордости. В моем теле невообразимый шум, но в моем теле есть солнце, но может мне суждено, уготовано здесь оказаться, может душу свою, как и тело свое, как и солнце я украл, спрятал в себе и не отдаю? Ох, как это похоже на тебя, Вивекананда, как же ты жалок, ведь солнце действительно не твое. Но ведь оно общее, я не выбирал, чтобы оно влилось в меня, да, я готовил сосуд, я жаждал, я стремился, ибо солнце рождает во мне честь, правду, любовь, сострадание, смелость, абсолютную щедрость. Господи, я ведь столько забрал у этого мира, но ничего ему не отдал. Мне было подарено солнце, а я даже рот свой не могу открыть, чтобы воздать хвалу. Забирайте это солнце, это солнце всех, я безмерно влюблен в него, и слышу я шум волн, ниспадающих из воды в меня, охлаждающих меня, стекающих по краям ожогов, но так улыбается Вивекананда, и я готов принять жертву.

Все, что я — это моя жертва. Все, что вижу я — это моя жертва. Все, что слышу, чему внимаю — это жертва моя. Эти слова мне непонятны. Как и сам я, из стихии сотворенный, оживленный, влекомый, неумеющий, с солнцем внутри, сам для себя сакральный, ушедший в сторону, забывчивый, но непонятный, ибо забываю сам себя, призрачный, но готовый принять жертву.

Я слышу шелест твоих крыльев. Шум воды умиротворял Вивекананду, колыхал его, укрепляясь маяком в земле. Пришло время двигаться дальше, ведь застыть навеки, до поры прощения, можно и здесь, на смотровой площадке. Слепок Вивекананды наблюдал за собой, но я слышал шелест теплый, звук крыльев, ведь за мной летят. Я бы хотел остаться здесь жить, и выводить песни по ветру, с каждым днем все более преображаясь, но происходившее идет

впереди меня, и в моих силах слиться с происходящим, верить ему, верить наплыву увиденного. Эта иллюзорная ностальгия — это прелесть, это моя тоска по дому, которым был когда-то этот маяк, но ведь и прелесть заключена в моих глазах, когда оборачиваясь, я снисхожденно остаюсь собой, в рамках известного, произведенного, втискивающегося в меня, опустошающего, дающего пример. Ты скучаешь за самим собой, за движением Вивекананды, за пройденными шагами, ибо, казалось бы, впереди ближе смерть, а позади смерть дальше, но что происходит в момент преобразования тебя в происходящее, Вивекананда? А слышишь ты шелест крыльев, птицы прилетели за тобой, ибо ты, Вивекананда, поднялся на смотровую площадку маяка, чтобы лишь ощутить происходящее, ты был научен отдавать солнце из горла, но еще не научен отдавать все. Родить солнце — твое происходящее. Но это, Вивекананда, не твоя цель, потому что происходящее — это ты и есть, и солнце, вне зависимости от того, что думаешь ты или что чувствуешь по этому поводу, все равно пройдет сквозь тебя, изжигая тебя, любя тебя, равняя с происходящим, и даря себя через тебя, когда тебя уже нет. Господи, спасибо тебе. Эти звезды рядом, лучи рвутся наружу, я не держу в себе солнце, я не замыкаюсь, меня сводит от безудержной радости, и кладу я, Вивекананда, руку себе на солнечное сплетение, и шелест крыльев слышен мне. Не останавливайся теперь, Вивекананда, птицы прилетели за тобой, ты будешь перенесен на другой берег. И остров, навсегда оставшийся в тебе любимой застывшестью, смотрит тебе вослед, и ты, оборачиваясь, смотришь вослед ему, скользя взглядом по каменному маяку и сумрачному силуэту себя, скучающего за тобой.

Глава 28

Вивекананда лежал, уткнувшись в теплые перья птицы. Сильные взмахи крыльев отдавались толчками, запах тоже был теплый и успокаивающий. В глазах терялся Вивекананда, огромная птица летела над водой, то лихо набирая высоту, расправляя крылья и удерживая себя, скользя на потоке, то резко спускаясь, почти касаясь лапками водной поверхности, отражаясь, словно вбирая в себя из зеркальной глади порывы к дальнейшему полету, набирая скорость плавно, усматривая там, на другом берегу, пристанище, куда ветер звал тело и душу птицы.

Вивекананда устал. Все поэтическое в нем спряталось под горло, не выдавало себя. Действительность проявлялась слишком отчетливо, что было так непривычно, но сама непривычность или неудобность была близка Вивекананде, как если все вокруг вспомнило о его угловатой душе, пытающейся зацепиться в глазах, в стынущем дыхании. Вивекананда закрывал очи и так хотел забыть, кто он. Так убрать себя из себя, или ум свой убрать, разомкнуться, быть отчетливо происходящим, как поэтическое произведение, как жертва дарованная и которую простили, и он, Вивекананда, чтобы он простил всех, и эту обиду за жизнь свою перестал держать в себе. Вивекананда поднял голову, крепко держась за перья и кожу огромной птицы, летящей над поверхностью пустынной воды. Ширь обдала тело его силой своей, берег был может быть виден, и не мог Вивекананда снова начать петь, ибо песнь сейчас покинула его. Ощущая солнечное сплетение, Вивекананда широко открывал рот, хватал воздух, пытаясь потушить болезнен-

ные проявления, но понимая, что только песней, которая родится через боль его, произведет он, и, мотая головой со стороны в сторону, Вивекананда взглядывался в дребезжащий берег, вынырывающий из-под воды на горизонте, теряющий очертания, потому что и смотреть больше было некуда, хотя смотреть можно во все — птица, вода, небо, воздух, мир. Но вера не оставляла Вивекананду, и Вивекананда был благодарен, и солнце жгло изнутри, и вода отражала их полет, и вода отражала небо, и воздух отражала она. Вивекананда глубже уткнулся в белые перья птицы, умываясь теплом, и попытался забыться, уснуть.

И уснул Вивекананда крепким спокойным сном. Устав нести тяжесть самого себя, он отдался полету небесной птицы, несущей тело его к берегу. Море глубоко уходило вниз, небо широко раскинулось во все стороны, птица парила, взмахивала сильными крыльями, и сама, опираясь собой на воздух, забывала о лежащем на ней Вивекананде, стремящимся не падать и научиться отдавать. Зоркими глазами птица следила за очертаниями берега, который медленно проявлялся на горизонте. Птица мягко повернула голову к Вивекананде и мягкими глазами взглянула на него.

— Пусть сон твой будет крепок. Пусть усталость уйдет из тела твоего. Пусть душа твоя будет чиста. Пусть за вдохом твоим будет выдох, пусть за выдохом будет вдох. Пусть прекрасным будет намерение, пусть сострадательным будет исход твой. Пусть грехи твои растают от твоих хороших поступков. Пусть источником ты будешь, а не берущим, пусть сила, честь, верность и храбрость только возрастают в тебе. Пусть лукавство не будет касаться сердца твоего. Пусть будет путь твой широк, даже если узка дорога, пусть звезды встречаются тебе, освещая направ-

ление. Это мое сострадание, Вивекананда, прими его, да пусть тепло моей души отопреет душу твою, да пусть научишься ты душой своей отогревать души, да пусть будет так звездами начертано, ибо глас наш силен, когда истин.

Убаюкивала Вивекананду птица белая, согревала пением своим, а берег все приближался, теряясь очертаниями сам в себе, и птица оберегала Вивекананду, и стихии притихли, наблюдая за этим полетом. Свернулось тело Вивекананды калачиком, млело, выдыхало и вдыхало, было благодарным, спокойным, имело сердце доверие к окружающему, к птице, морю, небу, к приближающемуся берегу. Господь милосердный, да не оставит он нас, ибо он не оставит никого. Небо колыхалось, птица белая находилась в воздухе, мы просили о спасении и сохранности.

Глава 29

Эти слова не произносятся. Меня может коверкать как змею, но нужно оставаться спокойным. Оставляя за собой крохи, чтобы шли за тобой по лабиринту, и ты, подбирая, позволяя себе внять сказанному, тоже идешь за ним, подвергая тело свое гремучему коверканью, но, а хотя, куда ты, сынок, хотел?

Мне ведомо, что солнце опускается к чреслам моим. Мне ведомо, что внутри меня есть опора. Моя опора — Господь. Я ведущий и я ведомый. Космос может затуманивать ваши глаза, но держишь центром своим, и держу себе дальше, не принимая решения. Это мой долг идет впереди меня. В моей воле идти за крохами, посланными мне, я вижу это отчетливо, вижу сложности, которые возникают, и то ли руки связаны с предыдущим и последним, ибо стоишь ты — и все стоят. Сейчас следую по этому темному коридору, приходится склонять голову, огни факелов горят по углам, я видел крохи впереди, сейчас я двигаюсь, но меня всего выворачивает, скрючивает, но внутри меня исходящее солнце, и ведом я им, во имя нас в меня это положено солнце, но нет сил ни у кого из нас над солнцем, не мы положили его в меня и в нас, мы вместе несем его цепочкой; невидимая боль в груди, в пустоте, там, где солнце находилось еще совсем недавно; птица меня несла, уносила к берегу, и видел я ее спиральный полет в небо вокруг своей оси, вертикальный взлет, оставляющий меня здесь, у подножья совершающегося долга.

У меня нет за пазухой слов. У меня не получается сыграть с собой в игру. Я продвигаюсь по арочному тоннелю

лю, и крохи оставляются мне на каждом углу. Меня заманивают сюда? Что происходит? Воздух более плотный, чем обычно, я более разрезанный, чем всегда. У меня нет за пазухой слов.

Вивекананда остановился и, глядя на крохи, рассыпанные для него на очередном углу, встал на колени.

— Господи, дай мне сил это нести.

А силы есть. Есть силы нести, и Вивекананда поднимается с колен, отряхивает свое одеяние и приступает к передвижению ног, внутрь тоннеля, опираясь глазами и душой на крохи, оставленные ему. В непомерных событиях я вижу тебя, и покой мне дарует вера в тебя. Я сделан из тебя, мои сомнения призрачны, несущественны, а вера моя истинна, никого не унижает мое солнечное сплетение, нет во мне радости уничтожать, пусть и скажет кто, что это долг мой и воля твоя. Непомерно мне быть тобой, Господи, и мне становится радостно, когда я отвержаю очи от невыносимой невозможности, так не будет со мной, и так с миром не будет, и твоя зависимость не порождает сопричастности, она порождает лишь сомнения и тугу, которая тянет изнутри сомнениями и глупостью, твоими жадными глазами, отвернувшийся, твоими движениями, изнутри раскалывающимися, я, Вивекананда, есть раб Господен, и смотреть в твои глаза, отвернувшийся, мне страшно, ибо я трус, но и ты, жаждущий, выйдешь, а я, если Господь позволит, посмотрю тебе вслед, а если не позволит, изорвусь своей гордостью, мне, Вивекананде, не подобает роптать, несу я в себе солнце, имя мое истоптанное, но что я могу, если не вижу, не слышу, не нюхаю, не говорю, не думаю?

Мне нет во мне правды, и если мир разрушается, я приму праведность, я постараюсь ее принять, я попрошу

о праведности, но не прольет моя рука крови даже твоей, отвернувшийся, да не уподоблюсь я острой боли, да не будет во мне, если на то, Господи, будет воля твоя, тьмы, чтобы тьма не исходила из тела и души моих, а если слышу я слова и звуки о тьме, да оглохнет ухо мое, да ослепнут глаза мои, если нужно смотреть на тьму, да пусть будет потеряно обоняние мое, если следует чують запах тьмы, да пусть рта не будет, если мной вкушается тьма, да пусть мысли исчезнут, если повергаю я тьму в ум. Мое, Вивекананды, солнечное сплетение — мой ориентир, есть зыбь вокруг меня, и не внимаю я зыби, ибо отворачиваю взгляд от нее. Я сделал много плохого, безмерно много плохого, и, представляя себя исковерканным, я и являюсь им, сподвигается на меня судьба, и есть во мне выбор — принять эту судьбу или нет, и я, Вивекананда, прошу тебя, Господи, дать мне судьбу, уготованную мне, и прошу отринуть тьму, ибо нет в свете тьмы, а сосредоточение и отравы в невыносимой невозможности остановятся, ибо все было лукаво и столкнулось все во имя непонятного и ненужного, не несущего опоры, ускользающего, ибо моя трусость — храбрость, и, Господи, молю тебя о храбрости моему сердцу, молю тебя, чтобы не усомнился я, и солнце во мне, излучинами пронзительное, оказалось там, где достойно ему быть, и, скользя глазами по крохам, даже принимая во внимание обманчивый путь, что низводит меня отвернувшийся в глубокое свое сердце, я тебе, Господи, покоряюсь, верю тебе, и уготованное мне — мило мне, и жертва моя, если ты, Господи, позволишь — я. Ведь небо пробивается сквозь этот намеченный тоннель, и болезненно я передвигаю ноги, но я здесь, Господи, мне по твоим стопам, ты никогда не оставляешь меня, ибо ты не оставляешь никого. Мне у тебя учиться, мне у тебя перенимать, и я, тысячи

раз отвернувшийся, обращаю свой взор к тебе, ибо лишь в твоих силах все, ибо ты есть.

Тоннель уворачивался, спускался вниз, снова поднимался вверх, Вивекананда, перенимая окружающую действительность в себя, оберегал себя, боялся оступиться, но не боялся, ибо доверял, старался доверять, верил. Спасибо, Господи, за храбрость. Спасибо, Господи, что дана возможность. Прости, Господи, спасибо, Господи.

Глава 30

Это какое нужно иметь о себе самозабвенное самомнение, что словами ты, Вивекананда, так смело разбрасываешься. Это во мне говорит сомнение. Тьма, удаляясь от меня, не является тьмой, я не боюсь тьмы, но ты, милочек, спускаешься ко мне, твои прощальные жесты такие жалкие, а мои слова такие колкие, просторные для души твоей. Да, любимый, мои поползновения так внимательны, так сладостны, что загораешься ты в сомнениях, и всего вот тебя крутит во все стороны. И сырая у тебя душонка, мягонькая, во мне ты находишь прошения и заслуженный для себя отдых. Непомерно, да, милочек, непомерно, иди в мою пасть, сырость, солнце я перекушу пополам, изрыгну с лучами, завладею собой и произрасту.

Шепот надвигался на Вивекананду со всех сторон. Но умопомрачительное сознание того, что есть внутри меня неистребимое, да хоть изойдешься, а есть во мне. И если солнце суждено мне нести сквозь это произведенное, да готов я нести его через трудность, и это готовность моя вверяемая. И это, возможно, тоже самомнение, мания, умопомешательство, но сызнова я возвращаюсь к себе, чтобы видеть путь впереди.

Вивекананда терялся во времени. Каменный тоннель то резко уходил вниз, то сворачивал в сторону, то каскад за каскадом сподвигал тело Вивекананды наверх. Птицею принесенный, отогретый, исцеленный, не отринутый, а приласканный, отозвавшийся, найденный, произведенный, обретающий честь и достоинство Вивекананда сквозь сомнения и свою мерзкую ухмылку, даруя миру

себя на заклание, неся по каменному тоннелю, внимая сомнительному шепоту, солнцу даруя себя, всем даруя себя, да чтоб себя без остатка, да не для того, чтобы получить славу, а чтобы произвести солнце из себя, потугами рычать, рваться, содрогаться, но чтобы солнце возшло, а я, Вивекананда, пусть сгорит в небытие, лишь бы боль превзошла меня. Это есть моя произвольная жертва, и я сам попросил об этом, и об этом умоляю, ибо есть во мне силы, найду силы, производя, прикрываясь телом, раскрываясь душой, отпуская, обращаясь, внимая каждому слову твоему, видя твои слова, а не эти — лживые, коверканные, делающие из меня себялюбивца. И я, Вивекананда, во тьме жгучей вижу тебя, отвернувшегося, и мне всенепременно нужно произнести тебе.

Ты лгал и лжешь до сих пор. Ты убивал и убиваешь до сих пор. Ты воровал и воруеть до сих пор. Ты не держал слово и не держишь его до сих пор. Ты предавал и предаешь. Ты все это делаешь и делал, но ты не будешь этого делать. Я пришел, неся в чреслах солнце, чтобы возвестить тебе — ты будешь прощен. Твои красные слезы немощны и ты знаешь это. Но я стучусь в тебя, ибо дана мне воля стучаться в сердце. В огниве страстей мы сгораем, наши ужимки нам видны, видна наша бесполезность и слабость, но в центре нас, в произвольности, есть нерушимое, вечное, совершенное. Твой скрежет зубов слышен, я ощущаю твою головную боль, твоё нетерпение и твою гордость. Но видишь же ты, что только боль ты принес, и твоя невозможность остановиться так терзает тебя, так искривляет тебя, и мне жаль тебя, от всего сердца жаль, ведь творил ты неведомое, сам себя презираешь ты, сам плачешь и все плачут твоими слезами, все ненавидят и ты ненавидишь, но говорю слово тебе — и ты будешь прощен, и если в

своём прощении ты сгоришь, но и сгорит вся твоя боль, сгорят все твои страдания, очищая тебя от тобой же созданной скверны, и выпустишь ты воды, держащиеся в тебе, и напьются этой воды все живые, ибо будет это вода живая, не мертвая. Ибо во смерти ты будешь прощен, ибо твоя смерть — жизнь. Но не покорится тебе все, да и ты не хочешь и не хотел его покорить, все это знают; да, многие держат на тебя обиду, но их обида — твоя обида. Ты будешь прощен и мне, Вивекананде, дано слово сказать тебе это. Ты можешь не верить, перекачываться, паразитом на всех бросаться, усеять жнива месивом, но не произрастет это, ибо это не зерно. Я слышу хрип твой, но я пришел сюда без оружия. Я не буду с тобой драться, но не потому что трушу, хотя и это тоже, а потому что дрался я уже с тобой, и не один я, и нет в битве святости, ибо нет святой битвы. И позволительно мне, Вивекананде, молодому риши, сказать тебе — убивай меня тысячи раз, миллионы раз, вечность, но приду я к тебе снова; не молить о пощаде приду, ибо не нужна мне твоя пощада, приду сказать, что прощен будешь ты, и это то, что даровано мне сказать. И не пришел я тебя убеждать. Ты все знаешь, и я все знаю, и в прошествии видно, что не узнали мы, а замутили, зарылись, собой испытали сопоставление с происходящим. И еще скажу — и даже не ты всему виной, не ты лично всему виной, поэтому встань рядом с нами, преклони голову с честью, держа свое омерзение внутри. Я несу в себе солнышко, я сам развращен, но в каждом есть, и мы — дети.

Горячий воздух обдал тело и душу Вивекананды. Бесконечные стены слушали его, рыдали вслух, стискивая от обиды себя изнутри, извиваясь.

Так вот твой взгляд проникает в мои глаза, так вот ты становишься мной, так вот за всем я вижу ухмылку твою,

так вот, измываясь, начинаю измываться и я. Да не потонет душа моя, а если надо ей потонуть, да пусть и тонет душа моя, свечением сердца да освещен будет путь мой, да и ты поднимись глазами, пусть и одно мы, да смотри смело, не трусь, во мне достанет крепости, послушай, я пришел сказать тебе несколько слов о прощении, да вытаскиваешь ты меня, наполняясь тобой, да солнце есть во мне незыблемое, и ревностно солнце, да и решать не мне, и не буду я решать, да и нечего решать, вот ты захотел решать, и что получил ты, что выросло у тебя, кроме боли и страданий, ведь посадил ты только себя да желания свои, но не потому говорю я, что твои желания не имеют смысла, а мои или другого имеют, или твои перед нашими бессмысленны, а что любые желания не имеют смысла, ибо я вижу твоими глазами, а ты видишь моими глазами, и сам ты все видишь и все ощущаешь, и даже нет неправильно в том, что производится, но услышь ты слова, которые я говорю тебе, ибо мне даровано их сказать тебе — ты будешь прощен, хочешь ты этого или нет, и я понимаю, что тебе хочется плакать, и в тот же момент ты неистов, ведь даже в этом у тебя забирается твоя свобода, которую ты себе выдумал, ведь ты не можешь повлиять на то, что тебя прощают, потому что прощают тебя без твоего согласия, ведь не нужно спрашивать согласия у того, кого прощаешь, ибо прощаешь ты. Ты можешь не принять это прощение, но это разговор не о тебе лично, а о прощении в целом.

Вивекананда поглощал взгляд смотрящего. И было это предначертано, смотрящий поражался безысходности и краями своего существа искал исхода, но его не было, и он был благодарен за это без выбора, и за отсутствие выбора тоже был благодарен, и стыдился он себя и своих поступ-

ков, и стыд был его кровью, и Вивекананда, очерченный солнцем, поглощался изнутри, и горел предатель в себе, прощаясь, и словно где-то сбоку чувствовался поток свежего воздуха, который вот-вот и ты глотнешь, ибо в сохранности ты остаешься, ибо тебя спасают. И эта обида такая глупая, но так иногда комом в горле встанет, да болезненно ощущать. Все пройдено и все забыто, и не произошло из меня ничего, кроме стыда, изворотливости, но прощают меня и как родители тебя прощают. Тебя поняли, тебя ощутили, тебя любят. Меня любят.

Вивекананда усматривал крохи себя в каменном тоннеле, опустившись на колени. Дрожь из-под земли все нарастала, пропитываясь зловонным дыханием, бедой, запахом крови и постоянного предательства, бесплодной лжи, алчности к себе самому, безутешности. Нарывами содрогалось все вокруг, уберегая тело и душу Вивекананды, не проникая в них, уберегая себя от направленности, восставало зло, чтобы устремиться к небу и воспрясть, внимая, покоряясь, стыдясь, ощущая пораженность любовью, мокрыми глазами оборачиваясь, внутри себя исторгая себя, научаясь, от воли своей тяжелея.

Тяжелея и, объемом своего сердца, вспархивая. Непомерной ношей на мне отвернувшийся, ибо у него нет сил. Все бессилие его наваливается грубой тяжестью, все его напускное безразличие, вызванное лишь жалостью к самому себе. Я слышу предтечу слез твоих, пусть в слезах, подаренных тебе, откроется ширь, да не сгорит душа твоя, а будет очищена, я, Вивекананда, готов сгореть вместо тебя. В меня камень бросьте, и убоюсь я боли, да будет страхом объят я, ведь по силам мне это, ведь этого я прошу; но все это мои слова, поступками дай проявиться, а ты все даешь, каждое мгновение, а во мне нет чистоты, чтобы внять дару

твоему. Очи мои — твои, уши мои — твои, ноздри мои — твои, губы мои — твои, руки мои — твои, ум мой — твой, сердце мое — твое, тело мое — твое, душа моя — твоя. В непомерности я изъясняюсь, в ошибках я блуждаю, лукавого я тащу, но научи быть опорой страждущему, научи утирать слезы близкому, в сердце, Господи, зароди радость по тебе. Я вот здесь и иду к тебе, за тобой идти хотим, на тебя быть похожими жаждем, жажду хотим обойти стороной, научи быть с тобой и даруй отвернувшемуся возможность, и знаем, что возможность есть всегда, пыль нашего пути с нами, трезвея и воя от ежедневных дней, мы свершаем, учимся, каждое мгновение живем, умирая, и да будет открыт путь наш. И отвернувшийся, всей тяжестью навалившийся на Вивекананду, громко дышал, робея, холодея от зарождающего тепла, стиснув зубы свои, вглядывался в Вивекананду, не желающего бороться с ним, согласным умереть, чтобы еще раз выстрадать путь к нему, ради того, чтобы возвестить о прощении, ради того, чтобы простить, и пусть частично из-за трусости, чтобы перестали измываться, чтобы я, проклятый, перестал измываться, да хотел я, от обиды своей, чтобы погрузилось во мрак, да будет воля твоя, я сам умираю и трушу, Вивекананда, ты тащишь меня наверх, пред ликом его я буду, хоть я и сам сейчас, как и всегда, пред ликом его.

Глава 31

Ветер нес Вивекананду и лукавого, и лукавость с каждым мгновением проникала в тело молодого риши. Да хоть съешь тело мое, но душа моя не твоя. Вижу я, что не можешь ты не извиваться, что уже проел себя сам, и знаю я яд твой, и я подвластен ему. Но нет тебе пути в душу мою, ведь душа моя — не твоя. Мое поражение — твоя победа, но ветер несет нас, и ты видишь, что дело сейчас не в покорении меня тобой. Да хоть съешь меня, но будет уготовано тебе прощение за порывы сердца твоего, за стыд, испытанный тобою, за слезы, пролитые по себе, хоть и плачешь ты ни о ком и ни о чем другом.

Ветер проявлял себя во всей мощи, настолько сильным был ветер, что ничего вокруг и не разглядеть. Выносит их наверх, да за мгновение, и втискивается мятущийся, телом Вивекананды обнимающийся, мается собой и даже этим крохотным мгновением, и тяжело переживает его, но терпит, ведь терпению он научен, ибо зло, им содеянное, не вверялось ему, и он, мгновение за мгновением, не мог простить себя, и терпел, нетерпением стора. Но бушующий ветер, соприкасающийся, выносил Вивекананду и его, искривленного и судорожного, наверх и куда-то в сторону, не был ожиданиями, а нес наверх, как смерть, о которой он, отвернувшийся, мечтал, пребывая в вечности. Вивекананда вскрывался — медленно, преходяще, так истонченно и ровно, напором ветра несущийся, болью отвернувшегося сцеплен, радостью солнца исторгнутый, дарующим светом рожденный, благодарный, спокойный, изнутри хоть и смертный, случайный, смущенный, наученный отвернувшимся поворачиваться, любить учившийся, ветром уносящийся. Поток даровал

себя, Вивекананда и отвернувшийся, без воли на то своей, ибо даровано было отдать им волю, следовали силе потока.

В этом щемящем мгновении волшебная несостыковка, чарующая своей непохожестью и своим непостоянством, так вот радость касается нас и за спину уходит, паря, ведь не выдержим мы этого касания, и радость сама не радость, а изумительный восторг, поток, несущий все, пронзающий, непостоянный, но надежный. Вивекананда с силой вдыхал и выдыхал, сковало плечи его, лицо его, тело, душа замерла, но происходящее оберегало, бережно несло его и научившего примером своим не быть примером себе. С замиранием ожидая конца этого мгновения, но не прекращая быть в нем, со слепым намерением в мгновении пройден был путь, и не было воли у Вивекананды, чтобы заметить несуществование отвернувшегося рядом с ним, в нем, на его плечах, и отвернувшийся своим путем был забран, и хочу я, Вивекананда, помолиться за него.

Господи, мне не понять, и не в моих силах понять это. Господи, я и не хочу понимать, но я верю тебе. Но услышь, Господи, мои слова и то, как я понимаю, не суди строго, но я знаю, что ты не судишь, но даешь проявиться миру. Да будет, Господи, его душа в сохранности. Зло, совершенное им, не имеет места, но было оно и есть, и хочу я, Вивекананда, простить зло и я прощаю ему, и прошу тебя, Господи, за него. Только ты решаешь судьбу его, но и скажу свои слова я, непомерные мне, но скажу их от себя, непомерного. Прости его, Господи, как и каждого из нас прощаешь, прости его за все содеянное им, за все безобразное и стыдливое, за все, принесшее лишь боль и страдание, за всю хулу его и слабости, за коверканье и истощение, за невинную кровь прости его, за глаза, полные страха и беспомощного отчаяния, за все, что в нем, прости его, ибо и в нас это есть, но

прости его не за нас, а за него самого. Предательство его глубоко, Господи, и мое предательство глубоко, и, может, я говорю за него, подразумевая себя, и может быть, Господи, но возьми меня вместо него, пусть пройдет он, а я еще останусь, и может непомерно мне, ведь не таков я, но хочу быть таким, а его прости. Все будет в твоей воле, солнце есть во мне, но не его именем я говорю. Он сам, конечно, все тебе скажет, и сам ты знаешь, что нужно делать, и, может, я говорю о том, чего не понимаю, но нет ничего, что не просит твоего сострадания, и даже злость, обида, непомерная брешь — все это уже своим существованием просит о милосердии. И если поставишь ты меня перед страшным выбором, Господи, я изовьюсь, но приму выбор этот. Что мне останется, ведь лишь в твоём милосердии есть спасение. Все это так многословно, все так ничтожно сказано, так смехотворно говорю о себе, жалком, но спасибо, Господи, за все справедливо несущее, спасибо, Господи, за то, что я чувствую к тебе, пронзительно тебя, Господи, прошу — пощади его! Прими его покаяние, а если не покается он, то лишь от обиды, злости, тяжелого себялюбия, вкуса власти, жадности, но все это есть, и молю тебя о спасении души его, хоть и душа его — тьма. Образумь меня, Боже, если я что не то сказал, мне ничего не надо, научи отдавать, а не брать, уповаю, Господи, на тебя одного, и в твоей воле закон, кара, любовь, и я прошу тебя за несовершенство, и солнце будет порукой, но нет во мне права клясться солнцем, и не хочу я переносить ответственность, молю тебя, Господи, о прощении. Прости нас. Прости меня, грешного. Умоляю. Люблю тебя, и прости, если что сказал не так. Аминь.

Ветер вышвырнул Вивекананду из себя. Солнце горячо жгло внизу живота. Тело и душа Вивекананды онемели, ширь завладевала сердцем.

Глава 32

Кольшет меня равнина. Деревья согревают, трава исцеляет, небо широкое склонилось над Вивеканандой, пробуждая его. Открыл глаза Вивекананда. Ширь сердца его была в нем, и не верилось, что жаждущий впивал Вивекананда ширь в себя.

Он приподнялся на руках и огляделся. Согревающим зноем встречала Вивекананду равнина, распутившаяся во все возможные стороны, пространство все разом радостно навалилось, и воздуха в миг стало настолько много, что перехватило дыхание. Не рябило, без пыли, чисто все кругом, и небо принимало, встретило, и было само по себе. Вивекананда сел и широко, на полную грудь, вдохнул. Чистый воздух, совершенный для тела его, но сомнения и здесь — а вдруг обман, нарочитость, и даже воздух нельзя вкусить? Вивекананда решил не принимать решения, ибо уже понимал сумбурность и несостоятельность своего отношения к ситуации, солнце было внутри Вивекананды, но уже вытекало лучами из чресел его, и самого Вивекананды уже и почти не было здесь, вне зависимости от того, что ощущал и думал Вивекананда об этом. Как-то мир выстоял, и Вивекананда выстоял вместе с ним, и в данный миг внутренняя жгучая вина отпустила. Солнце внутри больше не жгло, принимал себя Вивекананда, позволяя солнцу проистекать. Так вот думал, что словно ножами выйдет из него солнце, да выходи из меня как нужно, как встречают тебя, как тело мое, наверное, онемело, и стекаешь ты по рукам моим и ногам, и небо впитывает каждое мгновение, каждый виток, мне не нужно дарить;

солнце всех, исходи из меня, солнышко, и радуют пусть лучи твои все на свете. В жилах моих солнце, выпей меня, мир, солнце себе даруя.

Светлая тяжесть наполняла Вивекананду. Чистая равнина широко вскрывалась перед ним, словно пение слышалось вокруг, но было до звона в ушах тихо. Забрал ли ты всех, Господи? Если забрал всех, и остался лишь я, с солнцем в чреслах своих, и даже если это не так, да будет произведено наружу явное. Утихло солнце внутри меня, мягко освещая, мягко любясь ложем своим, и мне, Вивекананде, хоть грудь руками раздвигай, да наружу из утробы своей, из внутреннего, из нутра, из радости своей, из спокойствия, из сумрака своего, из пронзительного крика своего, ибо солнце должно взойти. Тишь, безоблачность, ровная широкая земля и чистый горизонт. Нетренируемые деревья, мягкая теплая трава, где-то прячется ручей, и Вивекананда с солнцем внутри. Родись, солнышко, большое-пребольшое, сильное-пресильное, встречающее нас, милое, родное солнце, везде видимое, оберегающее, и никого не обижающее, для всех-всех свое, для каждого, для неба, для снежных гор, для сухих пустынь, для глубоких вод, для тропических джунглей, для земли и холмов, для всех нерушимых, для всех плачущих, для рождения и прощания, для вдоха широкого, ибо ты, солнце, широко, и мне, Вивекананде, так сложно судить о тебе, да и не буду судить я, да пусть будет рождено солнце, если теплее станет нам всем и всему.

Но не рождалось солнце, и я был этому причиной, ведь снова неотрывно следовал глупости. Вот лучи были у меня в ладонях, вот вижу отблеск на очах, но снисхождение мое — изворотливый я, сам себя обманываю, и совершаю неподдельную паузу, ведь спряталось солнце,

ложный выпад, схватки мои приостановил мир, и горько в горле моем, ведь хочется петь солнечную песнь, но по спине холод; я, Вивекананда, продолжаю идти.

Проступок — вреден. В моем случае из-за переворачивающего чувства стыда. Это я уже про себя понял. Но каждый мой проступок вреден еще потому, что выжимает меня, портит меня, уводит в сторону от настоящего. В моей груди пропало солнце, не греет меня, солнце опустилось вниз, ведь выталкивает его природа. Проступок сейчас — это препятствие для выхода солнца. Я его даже не чувствую, ибо почти не во мне оно, не единая душа, уже отдельно солнце. Нарастающий гул в ушах моих, и мне нужно проявиться, чтобы было солнце. Оно меня выбрало, оно мне поверило, я его вынашиваю, и я, виною себя окутав, хочу дать его, отдать его, так замыкает виски, немеют кончики пальцев, так нестерпимо больно, но мне, Вивекананде, это суждено, и я не мог мечтать о большем.

Отчаяние непрочно снисходит в тело мое, я с ним не борюсь, внимаю ему, и отпускаю его, благодаря воспевающим, благодаря сочувствующим, и я благодарю всех невыразимо поддерживающих, меня успокаивающих, солнышко это безлично, взойдет солнышко и невыразимо зардеет, и я, Вивекананда, оглядываюсь, высматриваю, где-то равнодушно гляжу, успокоившись, и лучики, постепенно прорываются сквозь меня, проникают сквозь тело и душу мою, и, опустившись ниже, восходит солнце из меня, но не это главное, не следует внимание свое брать и смотреть на него, я еще ничего ради солнца не сделал, всегда моих поступков и намерения будет мало ради солнца, да кто и что я вообще, чтобы сравнивать себя с солнцем, и опустилось солнце ниже, из груди в низ живота, из живота в чресла, опустишься ли ты из чресел еще ниже, но не дело

мое это, и мне ли обнимать происходящее, не мое солнце — всех, не мною создано солнце — Богом, не из меня оно исходит — сквозь тело мое и душу мою, и смрадом тело свое я покрыл, а солнце съело смрад, оставив по себе выраженное, и Вивекананда вновь пытается остановиться, не умиряя себя, а отдаваясь — проистекай через меня, не убоюсь боли, хотя очень ее боюсь, не убоюсь я страха, хотя только он и страшен мне, да родится солнце наружу, пусть ненужное во мне вычистится, пусть необходимое солнце будет во мне. Вивекананда, забываясь, снова принимал вину на себя, ибо никому ее не желал, но думал, что обманывается, что возгордился он, но пусть будет, что будет, и отречение от себя дорого для меня, для меня это — правда моя.

Отпустила боль Вивекананду. Но и сам он ее не усматривал, и не знал Вивекананда, что делать, но благодарил за восполненное намерение, поднялся на ноги и оглянулся вокруг.

Иду. Сам себя веду, могу забываться, стою на месте, иду, останавливаюсь, стыжусь, нехотя разворачиваюсь, и проникновенно пытаюсь всмотреться в детали окружения. Чувствую пустоту в сердце, ведь нет солнца в груди, ниже опустилось солнце, отнимая себя у меня. Вивекананда на миг оглядел тело свое. Забывает Вивекананда себя сознательно, теряясь для самого себя, не понимая своего состояния отчетливо, не давая себе отчета, но и не следует мне отчитываться. Молитва моя — радость моя, молитва моя — путь мой. Да не произойдет, Господи, то, чего не угодно, ибо солнце выходит из меня, и меня нет; солнце ласково ищет облачение для себя, и я все более вижу свое пространство, но не важно, что есть вокруг меня, меня ведут ноги мои и судьба моя, остановившись чуть поодаль,

пытливо всматривается в мое лицо, перенимая себе мимику моего лица и страсти мои. Это может похоже на утрату, когда теряешь, ведь солнца не будет больше внутри, и не будет оно греть лично тебя, тело твое и душу греть, и не понимаешь ты, как слиться с этой утратой, как возместить в себе зияющую ширь, постепенно охлаждающую, и словно ярая тяжесть горячего солнца тянет тебя вниз, солнце выбрало, солнце напоминает тебе о безумии твоих глаз. Вивекананда не хотел быть собой, изымался из себя, и потеря солнца была в груди невосполнимой, но святость нес Вивекананда в чреслах своих, но уже сопереживал себе, теряя, хотя не хотел иметь, а хотел отдать. Неясными касаниями трогало Вивекананду пространство, обнимало его, Вивекананда так опустошенно оглядывал себя, но молитвой себя производил, ибо, Господи, да будет мне сил восполниться, а солнце заberi из меня, солнце взойдет наплывом, а я, Вивекананда, не имея сострадательности безмерной в себе, прошу тебя, Боже, научить сострадательности, я готов ощутить высшее одиночество, готов принять боль других, научи принимать, научи меня, Вивекананду, не сокрушаться и не роптать, непереносимо мне, и хоть непомерной казалась ноша эта, но выйди, солнце, из меня, и хоть умру я, и страшно мне произносить слова эти, Господи, научи, научи не бояться, принимать, научи, равнина вокруг меня, всматривается в меня; здесь следует себя успокоить, не наговаривать, утереть слезы печали, я пою хвалу тебе, солнце, о, солнце, я пою тебе хвалу, возойди, солнце, проснись, солнце, не покинь детей своих, солнце, исходи, солнце, да воссвети над всем произведенным, моими устами услышь себя, Господи, дай пению моему разлиться по небу, по земле и глубокой воде, по горам и равнинам, по темным леса и широким лугам, да возра-

дуется солнце всему, чему внимлет, да мне, Вивекананде, дай умение произносить о тебе, солнце, произносить тебя, мной руководи, солнце, тянешь ты вниз меня, ища исхода. Да осветишь ты, солнце, все беды и все радости. Да стану я, Вивекананда, достоин тебя, и благодарю тебя, что слышишь ты, я слышу тебя, направь меня, исправь меня, свет есть во мне, если верю я, но даже если забываю или сомневаюсь, будь со мной, бери от меня то, что следует мне отдать, научи отдавать, а не брать, из груди спустилось солнце в чресла Вивекананды, и оглядывает Вивекананда равнину, будучи ею раскрыт, дай мне раскрыться, Господи, научи меня любить, Господи, это молитва моя, это молитва тебе, это молитва твоя.

Я, Вивекананда, всегда был о себе высокого мнения. Но кожа моя расслаивается, сам в себе из-за мнения своего несовмещаюсь с окружением своим, ибо сам в себе несовмещаюсь с собой. Равнина с высоким давлением, но что остается Вивекананде, кроме того, чтобы идти дальше, всматриваясь в горизонт, ведь должен быть знак ему, старающемуся быть безвольным, губящего тело свое и душу, спасающегося, даже путем разрушения. Равнина давила на него, лезла в глаза, нос и уши, повергала руки Вивекананды в соприкосновение, собиралась тугим комком у сердца, и шаг за шагом, веря в солнце в чреслах своих, уже не чувствуя его, Вивекананда совершался.

Тут где-то должно быть мое место. Тут где-то должна быть моя сущность. Дыхание мое сумбурно до первой мысли о нем. Теряется след мой. Этот страх во мне не мой. Вивекананда рассматривал равнину, которая перетекала из себя в нутро свое, возвращаясь в этот же момент обратно. С замиранием сердца Вивекананда всматривался в равнину, видя иллюзию перед собой. Любовь моя истин-

на к тебе, Боже. Мои поступки говорят об обратном, и я о них горько сожалею, даже если вру тебе об этом. Мои сомнения и себялюбие, хитрость и коварность, трусость и желание обмануть — все это во мне и из этого я состою, но знаю, ибо верю или учусь верить, что это не я, это смрад окружил меня и я вобрал его, и это я перекладываю ответственность, ибо я, Господи, грешен. Но и в грехе вижу тебя и с тобой буду, отверни меня от себя и к тебе повернись. Ты — мое солнце, Господи, ты внутри меня, и не суть, где ты, Господи — в груди, животе, чреслах — Ты есть, Господи, ибо я верой порождаю тебя, как ты породил меня верой. И о прощении тебя молю, хоть и в следующий миг предаю тебя, отворачиваюсь, боюсь, и не хочу умирать, сам себя грызу, коверкаю, усмехаюсь своей хитрости, которая проступает сквозь кожу мою.

Вивекананда шевелил губами, выцветшее одеяние бросалось по ветру, вскипая, и видел Вивекананда жизни свои, и было чего стыдиться, и было за что гордиться. И гордость окрыляла, и стыд сковывал, сцепливал челюсти, мутил взгляд Вивекананды, а солнышко внутри совершало круг за кругом, лучистое и солнечно-колючее, такое любимое и такое родное, такое настоящее, во что веришь и за что готов отдать солнышко, пусть без Господа я навеки останусь, отвернись от меня, Господи, но повернись ко всем, а меня, за грехи перед тобой, заставь исправить их и покаяться от чистой души, от чистого тела, от сердца чистого. Я принимаю выдох, я принимаю вдох, во мне есть солнце, Господи, и я хочу его спеть, тебя спеть, Господи, хочу, хочу быть достойным этого, хочу, хочу, хочу, стыжусь и хочу. Несовместимый я с пением, но научи, Господи, отдавать, а не брать, научи не хотеть, а делать, слезами пусть моими из меня солнце выйдет, и пусть славы мне

никакой никогда не будет за это, ибо я хочу этого, жажду, постоянно желаю, и стыд мой из этого, и не нужен я себе, и знаю как избавиться от смрада, но не делаю, и путь мой — петь! Но так болезненно не хочу петь, и это хотение меня коверкает, я — твой, Господи, пой мной!

Вивекананда на мгновение остановился. Такие тяжелые думы несешь ты в себе, Вивекананда, но не думай ты думы эти, а воспой солнце, выходящее из тебя, и сделай это от начала и до конца, воздай солнцу любовью.

Глава 33

О Солнце, ты освещаешь все! В твоих лучах каждая вещь, каждое существо! Из немыслия я к тебе обращаюсь, прошу обратить взор наш на тебя, ведь ты, Солнце, заполняешь собой тьму, и негде спрятаться и спрятать плохие поступки.

В тебе, Солнце, видим мы отраду, ты — наш Учитель, наш светоч, единое лучистое счастье. Тебя можно спрятать, Солнце, но нельзя уберечь мир от тебя, ибо ты есть любовь к миру.

Под твоими лучами, Солнце, уходят препятствия, проявляется настоящее, иллюзия растворяется как туман. Не ведомо мне, Солнце, твое направление, но взгляни на нас, оборачиваясь, не оставь нас и освети нас до последней частицы тела и души.

Я знаю силу твою, о Солнце. Ты можешь испепелить, исжечь внутренности наши, но достоинства ты полно бесконечного, неиссякаемого, и я умоляю тебя, Солнце, одарить нас достоинством. Ты, Солнце, освещаешь все пути! Ты освещаешь все дороги, помыслы, все вдохи и выдохи. Взойди, Солнце, над нами, изничтожь наше желание взять тебя в плен как слиток прекраснейшего золота, мы не властны над тобой, а наша жажда власти — это то, что не нужно нам, то, что мы просим сжечь в нас, вместе с грехами нашими и плохими помыслами.

О Солнце, я обучаюсь петь тебе! Обращаю взор к тебе в надежде на дар, Солнце, и из меня выжимай, Солнце, то, что силу тебе дарует.

Глава 34

Выйти на самопожертвование Вивекананде мешал он сам. Выискивать в глубине себя свет, замыкаться в собственной тьме, бояться всего, дрожать, ускользать от себя самого и не являться самим собой — вот моя истинная свобода, из тьмы меня солнце проявится, я сам в своей тьме, но голос мой дрожит, дрогнул я, и в рытвинах тьмы мне не хватает воздуха, и Вивекананда, почти не удерживая себя, теряет все силы, и мир готов разрушиться, разложиться, изгнить, вывернуться наизнанку, и рокот слышит Вивекананда, и каждая иллюзия обрывается тупиком, а каждое своеволие заканчивается желанием принести себя в жертву.

Вивекананда касался груди своей, ощущая, что солнце отделяется от него, не чувствуя тупиковой болью солнца в себе, но оставь мне веру в тебя, Господи, и научи воспевать, не прячься, не боясь, не верою измываться над собой, а руками моими возьми себя в суть, и выдирай себя, а во мне веру оставь, но и ее заberi, если нужно, ибо я вижу тебя, Господи, вижу тебя, Господи, а сам прячусь, рытвинами изнемогая, паузы вбирая в себя, напоминая себе о неумении быть с тобой, ковыляю к тебе, себя удушая, губя, но нет меня без тебя, а, значит, я есть только с тобой, но не будет меня, ибо есть ты, и прими, умоляю, молитву, Господи, да не поколеби путь мой, который вижу я, как тебя, Господи, вижу.

Каждый следующий миг Вивекананда отстаивал собственную боль, никак не мог отделаться от нее, и, тем самым, внушал этому миру намерение разрушения. Как же мне вобрать в себя воздух и не выпускать его наружу, сохранить мир от моего дыхания, от моего тлетворного вли-

яния, и из тьмы меня родится солнце, родись. Усыпанная крохотными камешками земля внимала Вивекананде.

Все укладывается вокруг Вивекананды, а он не успевает высматривать происходящее. И миг этот кажется ему лишним, ведь в миге этом его слабость, а сила, скорее всего, в терпении, но терпит Вивекананда, ибо и деться ему некуда, но лишь любить и прощать сейчас важно, так кажется Вивекананде, немощному на язык и просящему о поэтическом даре, не чтобы петь, а чтобы сотворять. Этих мгновений Вивекананды могло и не быть, но эти мгновения вмиг отвечают тебе, а жизнь, рядом со смертью, раскладывается на слои отвлеченного несоответствия, и из меня, солнце мое родное, выходи наружу, ибо мир твой дарован тебе, а мне, опустившему голову, дай проходящее, возможное сотворить, да крепость души моей, ибо я готов выходить последним. Я знаю, что последним выходишь ты, Господи, но я готов сделать, что просишь, Господи, и эти слова произношу, чтобы не утеряться, и мое спокойствие в терпении, опрокинь в сердце мое веру в тебя, Господи, ибо я, Вивекананда, верую в тебя и вижу тебя, и уготована честь мне принимать тебя, убегая от самого себя, выдать из себя солнце, не оставить себе ни луча — всех, не мое солнце, и из меня солнышко выходит лишь потому, что во мне оно есть, а не я выбрал его, хотя я его выбрал и выбираю, оборачиваясь в спираль. Лучезарно пронзаясь, Вивекананда сидел на земле, усыпанной мелкими камешками, научаясь по незнанию отдавать, а не брать, солнышко встретить в себе, вдохнуть и выдохнуть, чтобы солнце вышло, хотя оно и так выйдет, а потуги твои, Вивекананда, являются тем, где ты есть, а солнце там, Вивекананда, где нет тебя, ибо ты здесь, Господи, ибо ты, Господи, здесь. Прочитающим это да будет дарован еще один день.

Глава 35

В непобедимости своего излияния возношу себя наружу во все века. Смотрю наружу и вижу возложение впереди. Смыкаются внутренне по всякому часу. И разомкнется наружное наверняка. Жертва моя во мне.

Смотрящему наугад даровано обходить препятствия. Каждое движение в творение есть болью. Замыкаю боль в себе и свыкаюсь с ней. Совершаю шаг вперед и болю. Изливаю я жертву свою из себя.

Навека пей меня и ничего не бойся. Горящее внутри вдыхаешь и учишься отдавать. На пальцах лучики изливаются. Слава в словах моих была услышана.

На все четыре стороны вижу мир. Разрушение разрушается не разрушением на века. Словами теряемся не боясь. Так сотворяется новое.

Разрушение не разрушаем. Сотворяем из разрушения. Не виним никого. Смотрим в оба. Ложимся на поток и всматриваемся в лоно свое. Жди жертвы из себя и теплом согревай ее.

Мир берет тебя и выжимает тебя. Тобою сотворяется мир. На исходе ты опустошаешься. Любовь к рожденному восполняет тебя.

Никого нет около в данный момент. Обе половины схлопываются в центре тебя. Твоя жертва в тебе является тобой.

Все совершается само собой. Ты не можешь сделать шаг. Мир производится тобой и мир делает шаг тобой. Улучи момент и сделай шаг. Это мир делает шаг.

Все шаги предопределены тобой. Предопределяй мир и делай шаги. Вдох и выдох являются твоей жизнью. Солн-

це внутри рождается и ты помоги ему. И на благо будет от вас к нам. И на благо будет от вас к нам. И на благо будет от нас к вам. И на благо будет от нас к вам. Вивекананда учится быть поэтом. Тело его теряет жар. Вивекананда сам тушит его. Вивекананда изучает слова.

Глава 36

Вивекананда осматривался вокруг. Изнутри к нему, из леса зыбкого, но спокойного, тихого, выйдет друг его — белый конь, лошадь его души. Наверняка Вивекананда подумает о преходящести и цикличности событий, но так радостно увидеть друга своего — белую лошадь, скакуна души его, Эташу милого.

Большие глаза улыбаются Вивекананде, в больших и верных глазах утопает Вивекананда, не верит встрече этой с другом родным. Отряхивается Эташа, немного опустив голову и глядя снизу вверх на Вивекананду, с любовью глядя, обнимая его глазами, и где-то сам не веря встрече, хотя всегда зная, что встретятся и всегда будут вместе, встряхивается Эташа, белый конь, пытаюсь улучшить Вивекананде подмышку, под руку его, к нему, другу своему.

Легкое свечение исходит от поступи белого скакуна, грива его мягкая, сильные тело и дух, и вызывает Эташа свет из Вивекананды, солнышком укутываясь, совершаясь, и легче Вивекананде держать солнце в себе, ведь Эташа пришел к нему. Свет разливается вокруг, и, осматриваясь, видит Вивекананда себя и друга своего — белого коня Эташу.

Смотрел Вивекананда в большие глаза Эташи, а Эташа смотрел в глаза Вивекананды. Единый был поток взгляда, восполняющий молитву в пространстве, встречал друг друга как сам встречался с самим собой, ловил на себе прошение нисходящее, позволяющее согреть жертву, любить до беспамятства, не покидать друг друга, потому что нельзя покинуть друг друга, и Эташа всегда ищет глазами

Вивекананду, как Вивекананда всегда ищет глазами Эташу. Фыркает Эташа, переступая, прикасается к его мягкой гриве Вивекананда, вдох идет за выдохом, Эташа напоминает, что нельзя принимать бой, что солнце внутри оставляет за собой право родиться, не посмотреть на все, и выскользнуть, пусть и с болью, наружу во все, излиться, быть, найдя себя, испытать все, изливаясь во все, смотреть наружу, литься, родиться, подарить себя, восветить.

Глава 37

Продвигайся вперед! Возвести о славе своей. Направь певца твоего наружу, навстречу рождающемуся солнцу. Даруй мне силой направления твоего сверкающий порыв, несоизмеримый сам по себе, выдающийся, легкий, как надвигающийся ветер.

Все происходит помимо меня. Но, являясь жертвой в себе, я направляю тебя ввысь, окутываясь парами, колючей солнечностью, давящим камнем. Восветит солнце, принимая тебя в самое себя.

Укутанный колесницей, поддержанный конем, спрятавшим для себя подсказки, певец радуется тебе! Научи радоваться солнцу, порождая себя из души певца.

Впереди меня белоснежный конь тоже воздаст тебе хвалу. Это друг певца, это и сам певец, это воля его к тебе. На твоём потоке мы, не покинь нас, как не покидают отец и мать рода сего, как на звуки опирается певец, чтобы научиться петь.

В твоих расходящихся потоках, дарующих мне боль, но изменяющих меня, я восполняюсь, пряча глаза свои, ибо боюсь я, но прошу научить не бояться. Ты, наполняя все, учишь не бояться. Открытыми глазами я отдаю себя тебе и прошу подарить тепло, исходящее из лучей солнца. Я обращаюсь к тебе — возвести солнце о нас! И пронзит пусть солнце мир, где и я являюсь миром, и пусть солнце возьмет меня в жертву, чтобы было тепло. Мой ребенок — солнце, мой родитель — солнце, солнце выходит позади меня, даруй мне его увидеть! Я певец, непринимаящий бой, и говорят, что бой на миру помазан, я здесь, пока все

не спастись, возвести об этом наверх, мне нечего скрывать от себя, мне нечего скрывать от Бога, ведь он все и так знает, солнце рождается на миру, я не тащу его сюда, оно мной говорит с тобой. И не держит на тебя зла, ибо ты прародитель всего, но солнце сожжет дотла и рождается солнце, а это все слова мои человечесьи, в непомерности я выжимаю из себя тысячи потоков — вознесись наверх и дай раду себе, ибо лишь ты знаешь, что следует делать сейчас. В потоке твоём сила действия, даруй её также исходящему, не теряя её, ибо лишь ты, направленное, знаешь, куда нужно её направить.

Глава 38

Возложив себя на жертвенном месте, Вивекананда осторожно осматривался вокруг. Мягкий белоснежный Эташа стоял за спиной, прикрывая, а Вивекананда наощупь касался глазами того, что вокруг, не боясь, но боясь спугнуть. Господи, я тебе доверяю! Что происходит?

Очертания ощущения теряли свои очертания. Внутри все переливалось, внешнее, хоть и держало форму, зыбко размазывалось, дрожало, и не знал Вивекананда, стоит ли ему совершать усилие ради удержания, или же следует раскрошиться, слиться с кажущимися вещами вокруг. Такое вот мгновение трезвости, куда заполз ум, пытающийся пронзительно сокрушиться.

А мир собирался крошиться до неузнаваемости. Хотел распрощаться с собой, ускользнуть, противился сам себе. И Вивекананда тоже был этим миром, перетекающим и зыбким, и жара внутри Вивекананда не ощущал, солнце рождалось им в другом месте, им рождалось, но не здесь. И было обидно немного, но такая человеческая была обида, а, по сути, обидно то и не было, ибо не Вивекананда рождал солнце, а солнце рождалось сквозь него. Перетекающие лучи, онемение тела, солнце родится и подарит тепло, рождая еще один мир, любящий и ждущий солнца, радеющий, живой и застывший, где каждое дуновение ветра воспринимается как откровение, а каждый вдох — как еще один миг после выдоха, происходящего сразу за вдохом.

Вивекананда улыбается этим расчетливым мыслям, всем сердцем полагается на Эташу, не обращает внимания на зыбкость и постоянность. Все вокруг мерно дышит, Вивекананда старается мерно дышать, пытаясь совершиться молитвой, самому став ею, очищаясь.

Глава 39

С напоминанием к себе Вивекананда находился вочию рядом с собой, телом своим соприкасаясь с происходившим вокруг, и, видимо, где-то не понимая своего измученного состояния, своих дрожащих глаз, холодных кончиков пальцев, ледяных пятен под коленями. Равнина наваливалась на Вивекананду, и каждое мгновение забирало у Вивекананды силы.

Но ничего я не буду бояться, даже если страх сызнова меня ест. Я нахожусь здесь, и мой представленный разъяренный мир скалится, ибо я не соприкасаюсь с ним, но знаю я, что это глупость и ерунда, ведь соприкасаемое находится здесь, и мои страхи измываются, но мне, вдыхая и выдыхая, ровно воспринимается изломанность мира, и в моем сердце нет обиды, ненависти, происходившего вопреки мне. Нужно напомнить себе, что я сам вымолил эту судьбу, и я благодарен за нее!

Находится Вивекананда в непонятном и слишком погружающем пространстве, и видения исторгаются из него, глаза заползают на затылок, так вот крутит тело Вивекананды, и не за что уцепиться Вивекананде, нигде оставить себя, нигде спрятаться, вжать себя, но ведь это то, чего ты просил, Вивекананда, жертвенность возложена вокруг тебя, и силуэты вокруг опорожняют тебя, и ты как-то не понимаешь, как попал сюда, хотя шел сюда целенаправленно, ничего не боясь. За спиной слышалось тихое ржание. Родное, поддерживающее, напоминающее об еще одном вдохе и еще одном выдохе. Как все обостряется, и Вивекананда на застывшее мгновение начинает метаться из-за необходимости сделать выбор, облечь непо-

стоянство в действительность, назвать действительность, произвестись из нее, вытащить из нее себя самого, словно настоящего, выкормиться, самоосуществиться, принять награду, и как-то все смотреть, слушать, осязать, вкушать, вынюхивать, выдумывать. Мой выбор — Солнышко должно родиться, я иду вослед солнцу, и с каждым моим шагом солнце вроде остается у меня за спиной, но это говорит лишь о том, что солнце рождается, небо примет солнце, я, Вивекананда, вижу исходящий свет, и не соскребается этот свет, и мои спрятанные крылья в спине тянут меня, преодолевая с каждым мгновением каждое последующее мгновение, неповторимое само по себе, но такое схожее с предыдущим, что, выходит, и разрушать больно, и создавать не хочется. Словно втянули тебя в это, глядя в тебя, и не успел ты ничего выбрать, а вот как оказался здесь. Но крылья мои во мне. Солнце существует и солнце дарует тепло. Солнце больше, чем мы. Сотворенность моего выбора порождает еще одно разрушение и еще одно сотворение. Но есть судьба, и слышу я тихое ржание позади себя, и все это глупые рассуждения, и сознание этого приводит меня к покою. Возможно, потому что Вивекананда боится брать на себя ответственность, а, возможно, — и от этого становится радостно и хочется улыбаться, — что хочется эту ответственность рассыпать и расквозить, не таить ее в животе своем, упиваясь собой, наливаясь, а все отдать — берите, берите и отдавайте, так вот с любовью как к тебе приходили, так и ты приходи с любовью, и не нужно говорить про затхлую важность, ибо не умеем любить, но учимся любить, и от этого пусть станет тепло. Я хочу родить Солнце не потому, что важно его родить, не потому, что следует этим рождением что-то совершить, и не потому, что мне нужно получить что-то. Я тебя лю-

блю, Солнце! Будь, потому что ты есть, и не нужно мне за это ничего. В твоём рождении нет цели, ну уж, во всяком случае, не мне указывать тебе на какие-то цели, и мне, Вивекананде, хочется так обнять тебя, и чтобы все имели возможность обнять тебя. И, очищаясь, я хочу избежать противоречия, и чтобы каждый смотрел в глаза, вдыхал и выдыхал, и что я могу сделать, чтобы было так? Таинство здесь, внутри, рождающееся, и я, будучи им, произнося и производя его, ибо я не есть оно, и я не власник его. Но и в этом можно замереть и застыть, ибо настоящая правда, как знал Вивекананда всегда, не есть настоящим, и Солнце движется, и слышит Вивекананда за спиной тихое успокаивающее ржание, такое близкое и любимое, такое согревающее ржание Эташи, белоснежного друга. И сырые старцы, пытающиеся растаскать тебя, измазав своею кровью, спохватываются вокруг жертвенного костра, но и тепло в целом, и не застываешь ты, а учишься, и пора отправляться за Солнцем, не боясь ничего, принимая в себя, доверяя всему, любя все, исходя из всего, и Вивекананда поднялся, поклонился до земли, положив руку на грудь, и сделал пару шагов назад, очищаясь, чувствуя теплое дыхание Эташи за спиной.

Глава 40

Когда выжат ты, то проси о наполнении, Вивекананда, и пусть ни одно слово твое не будет лишним.

Касаясь круговорота жизни, Вивекананда все пытался эту жизнь в себе убаюкать, избавиться от постоянного взгляда своего вокруг, избавиться от самого себя, пытался очиститься, отдавая себя на очищение.

Звезды словно капали на землю, поступь Эташи опиралась рядом на шаги Вивекананды, словно лес шумел, словно выстраивалась жизнь за околицей, и не мог чувствовать Вивекананда того, куда направляется он. Словно тает происходящее, за ненужностью своей меркнет, растворяется, как стираются забытые буквы в глубине ветхой книги, языка которого никто уже и не знает, и нет существа, хотевшего знать. Родная смерть наступает от природы своей, и оборачивается Вивекананда, боясь смотреть на разрушение мира.

Вивекананда подумал о том, что ему суждено родить солнце не для этого мира. Слава Богу, что Солнце само обретет мир, родясь на свет. После этого витка мысли Вивекананде снова стало легче, и он взглянул на Эташу, мягко переступавшего рядом, освещая дорогу голубоватым отсветом глаз. Вивекананда улыбнулся, подумав о том, что мир всегда находится на грани разрушения и сотворения, а еще стало чуточку смешно от того, что он размышлял на такую глупую тему, ведь молчать куда удивительней. Звезды словно сыпались вокруг, Эташа слегка фыркал, рассеивая голубоватый отсвет своих огромных глаз, и Вивекананда, выбросив все из головы, расправив плечи,

утверждаясь в своем шаге, чувствуя силу крыльев чуть ниже лопаток, готовых в нужное мгновение выпорхнуть, вобрав в себя всю боль, и оберегая Солнышко внутри себя, неся это Солнышко внутри себя, поглядывая на свое меняющееся цвет одеяние, на рассыпчатые звезды и дорогу впереди, по которой он проистекает вместе с Эташей, наполняясь с каждым шагом, веря, учась не сомневаться, изливаясь, наполняясь до краев. В тихом сумраке были слышны их мягкие шаги.

Что же я так боюсь, Эташа? Что же изламывает мою судьбу, что же я сам изламываю ее? Есть ли в моем сердце еще место для покаяния? Что же моя двуличность меня сжигает? Наверняка я, слабый телом и духом, улепетываю от собственного долга и ответственности, я, сызнова создающий и разрушающий, только и думающий о собственных наслаждениях, желающий стать риши, лишь бы быть им, а не являющийся им, наверняка я теку по кругу, утрачивая правильное направление. Достоин ли я, Эташа, чтобы ты, милый и удивительный, был со мной рядом?

Конь фыркнул, мягко ступая рядом, и сбоку глядел на Вивекананду, не отображая его боли в себе. Так невыносимо было внутри груди у Вивекананды, что болело за глазами и в сердце. Тихая ночь пропалывала происходящее, и Вивекананда знал, что сейчас нужно только молиться. Но молитвенные слова не ловились губами, хотя в молитве хотелось умереть, и, вспоминая все свои проступки, Вивекананда терял спокойствие, так болезненно верил, так измученно передвигал ногами. Прочитающим это не остается ничего больше, кроме молитвы.

Глава 41

Господи, мне нет никакого оправдания. Господи, мне никогда не было оправдания. Я трус и предатель, Господи, и умоляю, Господи, пусть вся трусость и все предательство будут у меня в груди. Не потому, Господи, что хочу славу возыметь и стать лучше других, а чтобы мне страшно было больше других, чтобы больно было больше других, ибо я, Господи, заслуживаю этого, и никто более этого не заслуживает, ведь я породил это, я принес это сюда, я это распространяю. Но, Господи, будет так, как ты решишь, не мне решать за себя, разрази меня, Господи, за мои проступки, если не должно меня быть за мои грехи.

Все как-то, Господи, у меня не получается. Все теку по кругу, каждое мгновение выжимая себя, но никудашнее все, ведь в моих делах нет тебя. Никогда не поздно каяться. Но ведь я только и делаю, Господи, что каюсь. Проступок, каюсь, скашивая свои лживые глаза, веду себя примерно, киваю головой, а сам скалюсь, никого не прощаю, хотя, Господи, дай мне сил простить всех искренне, сердце мое заберите, заберите мое сердце, но простите меня, прости меня, Господи. Я прошу у тебя, Господи, прощения, но не верю себе. Ведь я вижу, куда ты указываешь, и вот сейчас я здесь, Господи, ибо мне больше некуда идти. Все изгнивает под моими руками, все стынет от холода моего дыхания, все мертвое после меня, все живое там, где меня нет. Кто я есть, Господи, и как мне очиститься?

Я вроде понимаю, что все как-то нужно двигаться, и сейчас я говорю тебе об этом, и моей душе становится легче. Ты всегда помогаешь, Господи, и я вижу тебя во всем,

все мне помогает сейчас, после рыданий моих, всем меня жаль, ибо я жертва, ибо я преподношу себя жертвой, но больше всего важнее быть достойным тебя, не бояться тебя, смотреть тебе в глаза, открываться тебе, не лгать, не извиваться, отдавать и любить, ничего не брать. Вот ты посадил в меня Солнце, а я все пыжусь, коверкаюсь, не могу очистить себя, а когда стараюсь очиститься, то все молчу, горжусь, залезаю наверх и смотрю на всех глазами, маленький царек противный, жалкий, смешной, скалящийся. Да, ты говорил, Господи, и не раз, что очищение — это боль. Но что же забываешь об этом, что же так болит до почти невыносимости, и сейчас мне легко говорить, ведь не болит, ибо я ощущаю твою поддержку, а все потому, что боль свою переношу на тебя, как на родителя, как на старшего, и тепло мне, Господи, от того, что ты родитель мой, что ты старший мой, спасибо тебе. Господи, я все хочу умереть за тебя, но как подходит мгновение смерти, я вот тут и боюсь, и отворачиваюсь, выскальзываю, что же, Господи, со мной не так? Почему этот излом есть во мне? Почему в моих глазах правда делится надвое, что мне нужно сделать в то конкретное мгновение, чтобы умереть в нем за тебя?

Мои обиды, Господи, — ничто. Моя боль, Господи, — ничто. Мои страдания, Господи, — ничто. Научи, Господи, преодолевать препятствия, которые не дают быть достойным тебя. Я люблю тебя, Господи! Научи! Я сделаю тысячу, миллион, бесконечное количество ошибок, но я остановлюсь, Господи, научи и дай сил, если на это будет воля твоя. Аминь.

Глава 42

Тьма ликующая. Разорванные миры, и тяжелую общность ощущает вокруг и всюду Вивекананда. Эташи нет рядом, Эташа есть внутри, но рядом с Вивеканандой его нет. Поторапливает все Вивекананду, и осматривается он кругом, и глаза привыкают к тьме. Липкий колодец во тьме, уходящий вглубь. В колодце Трита.

— Ты называешь имя мое, не зная, кто я такой.

Вивекананда ложится на живот, ползком, по сухой земле, по тьме холодной, но внутри теплой, ибо нет тьмы. Вивекананда нащупывает края темного колодца, заглядывает вниз, но внизу тьма, и из тьмы с Вивеканандой говорит Трита.

— Трита, вылазь. — перебивает его Вивекананда, — Во тьме есть свет, я это знаю.

Вивекананда всматривался в темноту колодца, пытаясь разглядеть силуэт Триты. Трита стоял на дне, касаясь руками каменных стен, все что-то зубами поводил по нижней губе, всматриваясь наверх, в темноту, пытаясь разглядеть силуэт говорившего с ним. Сухой воздух наполнял черным цветом рот Вивекананды, его ощущал и Трита, но для Триты мрак ощутимый был привычен как существование его.

— Трита, я видел Васиштху, я видел Вишвамитру, я был со всеми вместе, они есть.

Придыхание Триты, всхлип, пальцами сухими, обмазанными ликующей тьмой, Трита касался стен колодца. Тьма давила на голову Вивекананды, он знал свой начертанный путь, долю, протянул Вивекананда руку вниз, в тьму колодца, толкая свое намерение к Трите.

— Как тебя зовут, друг?

Исполненный печали, черный голос эхом поднимался наверх. Истощающая тьма вовлекала в себя.

— Меня зовут Вивекананда, я пришел за тобой.

Так, словно этого не может быть, касался Трита стен колодца, словно это было лицо Вивекананды.

— Кто ты, Вивекананда?

Колодец исходил чернотой, всматривался Вивекананда вниз, еле улавливая бесформенный силуэт Триты. Послышалось, как Трита пытается нащупать уступы, за которые можно ухватиться. В объемности тьмы, научаясь, Вивекананда, ведая своей судьбой, смотрел вниз, протягивая руку навстречу.

— Но вокруг тьма, — слышал Вивекананда слабый шепот.

Трита сильнее задвигал телом, сдерживая в себе стон, пропитывался намерением, посланным ему сверху и, продолжая нащупывать уступы в каменной кладке, искал опору.

Вивекананда не боялся тьмы. Да, она пугала его, но внутри у Вивекананды горело огнем, солнце колючее давило изнутри, и был Вивекананда спокоен. Вдыхал Вивекананда Триту, не помогая ему выбраться, ведь Трита, опираясь на найденные уступы, подтягивал себя все выше, и дух, находившийся здесь, был здесь, не уходил, и Вивекананда и Трита видели его.

Силуэт Триты исходил из тьмы, Вивекананда уже различал отблеск глаз, потому что вытягивал шею свою стойкий риши, выталкивая себя из колодца, смотрел и он на Вивекананду, усматривая его.

— Солнце возвестило и сюда, солнце возвестило и сюда, — прошептывал Трита. — Я выхожу, Вивекананда, я выхожу.

И ухватился рукой своею Трита за руку Вивекананды. И колодец остался пуст, и Вивекананда тянул Триту, приподнимая тело свое, и ухватил Вивекананда вторую руку Триты, упершись ногами в край колодца. И проявлял Трита небывалую силу в себе, и остался колодец сам, а Трита вышел, касаясь собой Вивекананды. Тьма содрогалась, Трита всматривался в Вивекананду, ощущая Солнце внутри, и дыхание его было ровное, выдох его был спокоен, вдох был спокоен. Вивекананда смотрел на Триту и не мог поверить, что видит его. Тьма сгущалась.

— Солнышко мое, у тебя солнце внутри, — Трита взял Вивекананду за руки, внимательно глядя ему в глаза. — Такое горячее согревающее солнце, мы так давно без солнца.

И Трита потащил его в сторону, во тьму. Находя опору в себе, Вивекананда старался держаться, хотя смотреть было больно. Еще и чувствовался пронизывающий, легкий туман, чуть едким привкусом оседавший на губах и языке, пронизывающий тело. Трита, продолжая держать Вивекананду за руку, вышел на извилистую тропу, бегущую в невысоких холмах, туда, откуда, как чувствовал Вивекананда, доносился плач и блеклый возглас о помощи.

— Мы так давно без солнца, мы так ждали тебя, так просили о твоём приходе, не уходи, не теряй нас, будь вместе с нами, мы так просили о тебе, нам так холодно, мы не знаем, что нам делать.

Трита боролся с дрожью. То ли холод расширяющихся холмов пропитывал его, то ли он боялся, что появившийся Вивекананда исчезнет, навеки или на сотни тысяч лет уйдет отсюда, бросит их на произвол темной действительности, что отступит солнце, появившееся здесь, укатится само по себе, и вернется Трита в колодец свой, жажда его.

Трита не боялся вернуться в колодезь, не боялся тьмы, он готов вечность провести там, прося солнце выйти наружу, и совершилось для него это событие, отравляющее его своей состоятельностью, ведь тогда оно подтверждало существующую действительность тьмы, жизни без солнца. Но и непереносимую радость чувствовал Трита — держа Вивекананду за руку, он испытывал непередаваемый наплыв сил, саму жизнь, солнце, вернувшееся за своими детьми, к своим детям.

Вивекананда двигался туда, куда вела судьба, не противодействовал, стараясь дальше находиться здесь, во тьме, ибо в нем был свет, в котором нуждаются. Внимая своему одиночеству, оглядывая тьму неба, Вивекананда бежал за Тритой по извилистой тропе, сворачивая за холмы, не стараясь видеть перед собой, но стараясь быть сейчас здесь, куда ведет его дорога.

— Нас там не много, — запыхивался Трита, — совсем может сто или двести человек, и дети есть, и есть дети, которые знают солнце лишь по нашим рассказам.

Холмы иногда набрасывались резко, наваливались, светоч внутри Вивекананды горел, но не в груди и уже не в чреслах его, а вот словно солнце уже хотело поглотить окружение. Вивекананда вдыхал и выдыхал, понимая тех, кто не хочет дышать, но дышал, ведая своею судьбою за Тритой, к селению.

В черноте тумана проступили одноэтажные дома с пристройками для коров. Над каждой пристройкой был навес, под ними лежала мягкая солома. Уже издали Вивекананда ощутил теплое дыхание большеюких животных, медленно пережевывающих сено.

Дома стояли по обе стороны тропы, чернота являла собою владычицу селения, одиноко стоявшего посередине

туманного сумрака. Трита замедлил шаг, хотя, казалось, ускорялся, ведя Вивекананду к людям. Вивекананда видел в окнах устойчивый свет от свечей, живо отзывающегося его внутреннему свечению. Трита немного запыхался, продолжая не верить своим шагам, но верил им до глубины своего состояния. Вивекананда услышал как открываются деревянные двери, и на порог выходят женщины с детьми, мужчины. Коровы пережевывали траву, чернеющую от всеобъемлющего сумрака, у Вивекананды сводило живот, но было терпимо. Небо наваливалось сверху, но было просторно, если это можно назвать простором. Ширь нес Вивекананда в себе.

Женщины, чем ближе подходили Трита с Вивеканандой, спускались с невысоких порогов и останавливались возле тропы. Глаза их расширялись, сильными, но уставшими руками они обнимали себя за плечи, дети прятались за их спинами, держась за подола платьев, мужчины переглядывались между собой, впуская Триту с Вивеканандой в селение. С каждым шагом мгновения здесь исчезали, мрак полноправно дышал, но витающий запах сыра и молока центрировал происходящее, время не совершалось, но как-то плыло, Вивекананда шел за Тритой, державшим его за руку, и смотрел в лица людей.

— Трита привел Солнышко, Трита привел Солнышко, — слышал Вивекананда шепот. Возникший шум мягкой соломы обрамлял поспешное вставание коров, которые начали, одна за одной, изглубинно подавать гулкий голос, мычать, переступать ногами, во все большие глаза, дрожа, пытаясь увидеть Вивекананду, пришедшего быка, Солнце, пришедшее сюда вновь. Ведь ничего почти не осталось, только эти дома с семьями, держащими тепло внутри себя, людьми, передающими тепло и ярое возлю-

бленное воспоминание о солнечных лучах, ласкающих их вечность тому назад. Некоторые мальчишки более смело глядели на Вивекананду, прерывисто дышали, позволяя своей храбрости изливаться, верили самим себе, ибо видели, что Солнце явно, и даже если снова быть вечность во тьме, то есть оно, и никто не помешает ему взойти, даже его закат. Мужчины улыбались, женщины не могли плакать, ведь слез уже не было, коровье мычание теперь было повсюду, окружало всех, и Трита был спокоен, как и все были спокойны, хоть и потеряно было дыхание на миг, на мгновение сна, на мгновение, родившееся за вечностью.

Вивекананда шел по тропе за Тритой, поворачивая голову к лицам, заходил внутрь селения, не зная, что именно он сюда принес, но уже принес, ибо Солнце звали сюда для восхода, для соединения с тьмой, чтобы свет победил тьму. Вивекананде казалось, что за облаками он слышит ржание Эташи, люди хотели протянуть ему руки свои, и будто мгновение — и разорвут эти руки плоть Вивекананды, упиваясь рождающимся солнцем, дарующим свет, урожай и тепло, дарующим детей и ширь, радость и силу жизни, пусть и смертной, но проходящей в лучах, в истинном свечении хорошего, в противовес тьме, которая была вокруг. Но никто не притронется к Вивекананде, ибо уже разрывали руки грудь его, и не находили там солнца, но верою стояли люди около одноэтажных домов, оберегали детей своих, молились наружу, давая своим коровам тепло от своих дрожащих сердец. Вивекананда ничего не боялся, хотя и было страшно, неся в своем животе свет, шел за Тритой, молясь, будучи собой, не боясь окружающей тьмы, понимая, что и он такой же, как все эти люди, и он им родной, и Солнце, находясь в нем, сюда пришло, а не он сюда его принес, выбирая это. Но выбирал это Вивека-

нанда всем своим сердцем, всем собой, так радостно чувствуя, что находится на своем собственном месте, принимая свой путь как риши, пуская этот путь в себя, позволяя этому пути проходить сквозь него.

— Это Солнышко, это Солнышко, — шептал всем Трита, отпустив руку Вивекананды на крохотном полукружье посреди крохотного селения в несколько десятков домов, такого одинокого селения, из которого Вивекананда родом, и радость переполняла его, ибо это его дом, и он принес сюда Солнце, ведясь им, ибо оно захотело прийти сюда, услышав призыв. Это мой дом родной, я дома, это все мои родные, моя семья, кому я все могу рассказать, кого могу не бояться, кого не стыжусь, кто знает меня и суть мою, кто меня бережет и думает обо мне, кто выплакал себя ради меня, кто радуется мне, и кому я радуюсь.

Люди подходят ближе, Трита возникает со стороны с охапкой мягкой соломы, устилает ею землю, приглашая Вивекананду сесть. Вивекананда улыбается, призывая взглядом детей принести солому для всех, дети бросаются к коровьим настилам, набирая большие охапки, и возвращаются из темноты, где посередине есть светоч, каждый ребенок укладывает солому около родителей своих, коровы мягко переступают ногами и тоже, мгновение за мгновением, подходят ближе. Все садятся полукругом, вдыхая исходящее солнце в себя, доверяя происходящему бесповоротно и полностью, любя этот мир, желая им дышать, если это позволено им, воспринимая темноту как оберег света. Трита садится чуть поодаль, но в общем кругу. Вивекананда садится на принесенную Тритой солому.

А ведь сначала так хотелось мне говорить. А теперь противно даже думать об этом. Противно наблюдать за собой, быть собой, совершенно ясно, что хочу быть тем,

кем я не являюсь, это постыдная зависть во мне, и наблюдаю я за происходящим, и вот уж так сложилось, что нахожусь я здесь, и словно это мой дом, но, закрыв глаза, вижу другой дом, и я открываю глаза, гляжу на свой живот, держусь за низ живота руками, и безудержно верю, что солнце есть, что оно не может отвернуться, что оно никогда не отворачивается, и становится Вивекананде снова стыдно за себя, поэтому Вивекананда хочет снова произвести молитву, сотворяющую его, обезличивающую его, в его собственных глазах извиняющую его, и прощающую его. Не сотворяюсь я лишь из стыда и мерзости, есть во мне зерно Господне, мне больно от того, что сердце мое нечисто, мне стыдно от того, что нечист я, и я искривляюсь, но останавливаюсь, ибо так не исправляется все, но смотрю я на низ своего живота, ибо что еще мне делать с собой. Вивекананда молится.

Глава 43

Вижу, что требуется. Не оставляй меня, Боже, со всем моим непостоянством. Хочется рычать от бессилия, и болят глаза от собственной гнусности, от своей нетерпеливости, от своей злости и неумения быть собой. Мне себя жалко, но тут же нахожу состоятельность свою, чтобы опираться на тебя, Боже. Нет ничего, на что я могу опереться. И мир дает мне иллюзию опоры, и снова ее забирает. Мне хочется, Господи, сказать тебе несколько слов, и моя обида ест меня, искривляет меня, и каждое слово к тебе дается с трудом, и лишь мое безволие тому причиной. Вижу, что нужно делать, двигаюсь в эту сторону, но как же больно, Господи, как же мне больно и обидно, Господи, и сам я тому причиной, сам виноват, Боже, я виноват, научи быть невиноватым.

Я сам прошу эту боль. И заberi боль от всех, отдай эту боль мне, пусть мне болит и никому никогда не болит. Я эту боль выреву, я эту боль съем, я эту боль сожму в себе, буду ее давить, искривляться буду, пусть я принимаю обиду эту, пусть обида видит меня, но, Господи, я иду по этому пути, я хочу учиться, Господи, хочу видеть тебя, и лишь ты проходишь сквозь меня. Меня нетрудно сбить с ног, меня нетрудно унижить, я сам обижаюсь на каждое слово в мою сторону, сам подставляюсь, сам исхожу этой жертвой, чтобы быть самым лучшим, самым достойным. Мне, Господи, ничего не нужно. Мне, Господи, ничего не нужно. Отверзни очи мои, Господи, лишь пусть всем будет хорошо, пусть всем будет спокойно, пусть я обижаюсь и реву, пусть я плачу и не могу состояться, мне ничего не

нужно, не потому, что я не хочу дышать, а потому, что дышать тобой хочу, Господи, сам повергаю себя в эту лижующую тьму, ибо я вернусь за каждым, Господи, я хочу вернуться за каждым, Господи, чтобы никто не остался в темноте, и мне за это ничего не нужно, пусть рука моя будет рукой помощи, но пусть меня никто не узнает, пусть схватится за руку мою, если она принесет помощь, пусть боль другого войдет в меня, пусть силы будут у меня помогать другому во тьме, ибо во тьме есть свет, Господи, и этот свет — Ты, Господи, Солнце есть во тьме, дай мне сил, Господи, родить его. Пусть я захлебнусь и исковеркаюсь, но пусть сожмется тьма и произойдет свет. Сожми меня, тело и душу мою, и помести на небо, Господи, пусть Солнце изойдет из меня, я чувствую его ниже своего живота, ибо в небе, Господи, за небом, Господи, поют птицы, я слышу их, я знаю их, я как и они, и убери, Господи, из моей жизни всю ложь, и пусть я буду достойным того, чего прошу у тебя.

Все как-то теряюсь я, забываюсь, и как-то все сложнее дышать, и на все твоя воля, и сам я не могу быть порукой, Господи, ибо лгу и всех на свете предаю, но научи, Господи, не лгать и не предавать. Что я могу, кроме того, чтобы только просить, просить, просить. Научи, Господи, отдавать, и чтобы мне было, что отдавать, и чтобы это был свет, ибо во тьме ничего не рождается, ибо во тьме тяжело дышать, ибо во тьме думаешь только о себе, научи меня, Господи, петь настоящие песни, твои песни, и я, если так нужно, пусть буду выжат, забит, не нужен, обижен, вырван, но песня пусть звучит, и Солнцем пусть будет эта песня. Во всем, что я говорю, так явно двоедушие, что от этого становится мерзко, но возьми, Господи, все плохое, что есть во мне, и убери это, ибо Солнце должно быть чи-

стое, яркое, приносящее свет и явь, приносящее любовь и оживляющее, во мне есть тьма, ликующая липкая тьма, Господи, и если мне, как Трите, нужно опуститься в колодец, то опусти меня в темный колодец, я не выдерживаю ширь хаоса, научи меня, Господи, выдерживать ширь хаоса, и спасибо, Господи, что есть уже у меня силы выдерживать его, я смотрю в него, и весь истерзанный, но спасибо за эту возможность сделать что-то хорошее и по-настоящему доброе, нужное, что я могу выговаривать эти слова, задерживать в себе эту боль, и ощущаю я крылья под своими лопатками, и горит во мне, я переносу непереносимое, и за эту возможность, Господи, спасибо тебе.

Замкни меня в себе, Господи, чтобы и тем, кто рядом, не было больно. Разомкни меня, Господи, чтобы никогда и никому не было больно, пусть родится Солнце, ибо оно несет свет, а этому миру, пусть движущемуся и питающемуся хаосом, так нужен твой свет, позволь мне, очищаясь, пропустить этот свет через себя, но не погибнуть, а научиться отдавать свет, быть в темноте, принимать свет, и отдавать его снова. Научи песней совершать это.

Прости меня, Господи, прости меня за непомерную жалость к себе, за лживость и неверие к тебе, пусть проходит сквозь меня происходящее, и не дай, Господи, тьме заполнить свет, ибо в этой тьме свет есть, я его вижу. Прости каждого, кто внимает моему возгласу, прости каждого, кто не слышит его, прости всех, кто верит тебе, и всех, кто не верит, пусть Солнце воссветит, осияет, и все поднимут глаза, чтобы его встретить, и я, пусть изумленный и восторженный, буду смотреть на это Солнце, и пусть оно принесет мир, и свет в этом мире, раненом мире и раненом, возлечи, Солнце, всех нас, прости, Боже, всех нас!

Глава 44

Вивекананда сидел на мягкой соломе, принесенной для него Тритой. Женщины, мужчины, дети сидели рядом, стараясь вслушаться в молчание Вивекананды. Трита, вдыхая и выдыхая, темнотой своего сердца пытался идти навстречу, обнимал сердцем своим, пытался все свои силы передать молодому риши. Темень вокруг впитывалась во все, даже в воздух, этой тьмой были пропитаны тела, слова, движения души, дома, земля и небо. Вивекананда была так рад оказаться здесь, зная, что надолго тут не задержится, но чувствую невыносимую радость от того, что Солнышко пришло и сюда, к его близким, оказавшимся без света во тьме. Сухой едкий туман словно очищался с каждым мгновением, и предчувствовался праздник, который ждал всех, если ничего не перепутать, принять, поклониться, преодолеть, вытащить из себя тьму наружу, не боясь показать солнцу, не оставлявшему ничего скрытым, пронзительному. Вера в лучшее, непосильная мечта навалилась на каждого жителя селения, небо заинтересовано смотрело во всего себя, тьма двигалась, и было так хорошо, так хорошо, что Вивекананда пришел, что Солнце его привело, приведя с ним себя.

Низ живота тянуло у Вивекананды, схватки замедлились. Вивекананда был на своем месте — если и нужно ему дальше, то сейчас он здесь, со всеми, и все видят его. И сначала так хотелось что-то сказать важное, но слова рассыпались, умялись, одно за другим проскочили, меняясь друг с другом. Трита крепко сжал ладони на своих коленях, сжал губы, благодаря совершающееся, и женщины,

мужчины, дети — все сидели молча, вдыхая и выдыхая суть Вивекананды, его наполненность солнцем, этот выпрошенный ими дар, и даже сейчас, ощутив солнце кожей своей, они готовы были прождать вечность, ради встречи с ним, готовы были отпустить его, если так нужно, готовы были всегда жить в темноте и никогда из нее не выходить, всегда быть пропитанными ею, но благодарность была здесь, ибо светом рождены они, и не во тьме быть им, даже спустя вечность.

Вивекананда не знал, что ему делать — надо ли что-то говорить, и никто этого не знал, но никто и ничего не требовал. Все жаждали испить солнца, но никто не будет его вырывать, ведь призывали солнце прийти, прикатиться к ним, принести свет и радость, одарить собой произведенное, и если солнцу нужно было спрятаться, исторгнуть себя из мира, то уж так этому быть. Вивекананда молчал, молчали все, включая Триту, зовущего солнце всю жизнь свою, слезами и горечью просившего, любящего мир, и даже темноту любящего, и тянуло у Вивекананды низ живота, и радостно было молчание, ведь даже сам отблеск невиданного Солнца был даром, и небо темнело вокруг, слышались движения тел людей на соломе, слышалось их дыхание, и Вивекананда был благодарен Господу, что видит он родных своих, что знает, откуда он, и что есть в нем живое солнце, которое нельзя погасить, которое можно лишь спрятать, сокрыть, накрыть темнотой, просвечивающей тьмой, и мир являет себя во всей красе именно сейчас, когда люди, живущие здесь, провели вечность во тьме.

За всем виденным слышал я возглас Эташи. Я бы может все отдал, чтобы остаться здесь, чтобы снова жить в тиши и покое среди любящих тебя, но возглас Эташи я слышал за виденным, а за всем я слышал пение птиц, и

зовет меня это нежное пение в дорогу. И может я еще вернуться сюда, раскроюсь, и втянет меня земля, но уж я, Вивекананда, вымолил у Господа другую судьбу, которую люблю до безумия, которой страшусь, но сердцем своим испытываю верность этой судьбе, требую от себя верности, и внутри родившееся солнце тянет меня, вытягивая из каждого мгновения. Окружающие меня люди любят меня, ибо они понимают меня, мальчики смотрят на меня во все свои большие глаза, Трита ровно дышит, коровы мычат — мягко, глубоко и с теплом отзывчивым, — а мне остается лишь держаться за низ своего живота. И здесь будет солнце. И там, где его нет — там солнце тоже будет, солнце идет мною, лучится, и горлом своим я его воспою, и спасибо всем, кто направляет меня на этом пути, кто отдавал, научая, спасибо всем, кто, закрывая себя во тьме, предчувствует солнце, знает его, учит детей не бояться, отдавая свое сердце свету.

Мужчины кивали мне. Женщины улыбались, мальчики и девочки смотрят во все глаза. Хотелось бы еще несколько мгновений побыть здесь, с вами, в этом лоне, родившем меня, но усталость от тьмы заволакивала окружающее, тьма давила, и хоть каждый здесь мог ждать и жить в темноте вечность, не я выбирал происходящее, низ живота тянул, Солнце тянуло, меня тянуло, но так хотелось смотреть в эти лица, ведь я уходил отсюда за солнцем, и я пришел сюда с солнцем. Спокойно внутри, спокойно снаружи, Трита поглядывает на меня искоса, подталкивая вперед, возглас Эташи слышен все отчетливей, все ближе, лица людей все ближе, все дальше, и я словно ближе к ним и дальше от них, и никто не прирагивается к телу и душе Вивекананды, все ждут рождения солнца, но никто не торопит Вивекананду, взгляда-

ми поддерживая его, теплом молочным, исходившим от больших мычащих коров, окутывая его, погружаясь в Вивекананду, отдавая ему все на свете, чтобы вышло наружу солнце, а если и не захочет выходить — пусть, да будет тьма, ибо во тьме есть свет.

Глава 45

В невесомых горах шел Вивекананда в белом одеянии, и мир дрожал вокруг. Сизый розоватый воздух, как вода, мягко входил в грудь, дышалось легко, и словно раздвигал Вивекананда вдохами пространство, словно вдыхала природа вместе с ним на полную грудь, и выдохами приводил Вивекананда все в порядок, живая природа оформлялась, утяжелялась сама в себе, совершалась — при вдохе втягивалась в Вивекананду, рассыпаясь на прозрачные, розоватые, дрожащие туманные слasti, а при выдохе возвращалась на свои места, совершалась, оставляя все ненужное в груди Вивекананды. Так вот и вдыхал Вивекананда до упора, сладостно задерживая воздух в себе, оборачивая его внутри, и выдыхал, возвращая, чистые очертания природы в своей иссознанности — не создавал Вивекананда, но очищал. И воздух как вода был приятен, свеж, розоватые клочья тумана стелились вокруг, витая, поднимаясь и опадая, и белое одеяние Вивекананды едва касалось прозрачного розоватого тумана — смотрел Вивекананда и шел вперед в невесомых горах, забирая в себе выношенное собой, и жар солнца был всем внутри, от паха до горла было солнце, и невесомыми горами шел Вивекананда, горя изнутри, но не обжигаясь, готовность петть переполняла его, но еще сдерживал в себе песнь Вивекананда, ибо наружу солнце выскочит с песней, и закончится разрушение, но изнутри Вивекананда выжидал, ибо сырое было солнце еще, и мольбами обратился Вивекананда внутрь, вынашивая в себе, являясь собой, не боясь себя, не противясь себе, окутываясь мягким туманом, касающимся его со всех сторон с пониманием и милосердием, сочувствием,

широтой внутренней, распадающейся на мягенькие отрывистые прозрачности, словно рассыпается вязь и контуры стихли, успокаивая тебя внутренним блеском, свечением, теплотой и водным потоком, внутри которого ты оказался.

Солнце крепнет, хоть и нет крепче него, солнце крутится, обдавая жаром, готовое поделиться им со всеми и всем, и даже если съел ты солнце, не по нутру тебе оно — расколет, расщепит, рассветит, разорвет, лучиками пронзится, а я донесу его на небо, я, Вивекананда, донесу его на небо, хотя, напоминает себе Вивекананда, это солнце несет себя, солнце — судьба, солнце идет мной. Туманные ключья воды освежали ход. Невесомые горы находились здесь, каскадами широты ниспадая на Вивекананду. Ветер был холодный, но приятный, оберегало все меня. От паха до горла кружилось еще сырое солнышко, все оберегало и поддерживало.

И раскрывалось внутри, ничего не боялось, а рвало тело Вивекананды, наседало изнутри, сдерживая, сбивая дыхание, но нужно дышать, спокойно дышать, предчувствуя яму в сердце, после того как выйдет солнце, но это мое самлюбие говорит — выходи, Солнышко, рождайся, Солнышко, ничего не бойся, Солнышко, мы ждем тебя, Солнышко, мы скучаем за тобой, Солнышко, ничего не боюсь, Солнышко, я тебя люблю, Солнышко, и в этих невесомых горах мне хорошо, но идти следует дальше, и взгляд мой ищет место на бескрайнем небе, и сильно жжет внутри, лицо горит Вивекананды, но успокаивается Вивекананда, касаясь руками своего белого одеяния, касается груди своей, горла своего, мелькает Эташа, рысью скачущий сбоку за туманными ключьями, небо наваливается на тело и душу Вивекананды, радуя о его пути.

Разрывая в себе будущую яму, покрываясь огнем, Вивекананда следует дальше.

Глава 46

И каждое движение Вивекананды сейчас — это рывок, чтобы уцепиться пальцами за еще один следующий выступ, ноги пытаются твердо опираться на уступы отвесной скалы, и непонятно, как эти уступы здесь могут существовать, как я могу сформулировать их как уступы, это мои производные формы, и розовый туман обволакивает все вокруг, но передо мной стена скалы, я вижу только этот тупик перед глазами, в ушах у меня стоят песни, и падать не буду, лезу вверх, хватаясь пальцами за возникающие выемки, камни, выступающие из скалы, как будто специально мне, Вивекананде, оставленные, и каждое мое движение отдается толчком в животе, тупой болью, но словно не я лезу наверх, словно солнце давит на верхнюю часть горла, и от этого сводит лицо, словно солнце возникает в твоей голове, как воздушный легкий шаг, но с огромной силой, давящим притяжением вверх, и копошится Вивекананда как насекомое, успевает хвататься руками за выемки и камни, успевает твердо вставать на уступы и сразу же отталкиваться, ибо не он лезет, а солнце тянет, и, чтобы не погибнуть, да и выбирать особо, слава Богу, не приходится, Вивекананда лезет в белом одеянии по отвесной скале на самых верх, облекаясь комьями розоватого тумана, и дышится хорошо, свежо, открыто, не поднимает голову Вивекананда, был здесь, судьба идет, наступает, завладевает им, и тяжело выносятся бесконечность, но терпимо, и хочется Вивекананде лезть быстрее, чтобы донести солнце быстрее, и солнце уже отделяется, ибо несет его вверх, давит, и чувствует Вивекананда яму внутри бесплодную, ибо плод выйдет, и рад стене, и тупику

рад, и давлению рад, и хватается за выемку, отталкивается ногой, сжимается телом, будучи внутри расслабленным.

Ну а что будет, если сорвусь сейчас? Если заскользят руки, если заскользит тело, если закружится голова, если отпустишь себя, потому что устал? Забрезжит небо в зрачках, полетит тело и мир вместе с ним, руки и ноги запутаются в прозрачном воздухе, и ничего не произойдет, кроме того, что разобьешься оземь, и солнышка внутри может не быть, хотя, Вивекананда, ты снова все путаешь — ничего не может произойти, ведь на все воля Божья, и если упал — то сбросил тебя Господь или позволил Господь упасть.

Все это мысли, Вивекананда. Все это ум, твои размышления, а вот ты здесь, хватаешься пальцами за скользкие краюхи камней, почти лежишь на вертикальной стене, и еще тебе лезть наверх, а вроде как сил никаких уже нет, и не имеешь представления, как ты сюда вообще забрался, и розоватый воздух так мягко облекает тело твое, и ты принимаешь решение не срываться, а терпеть, ведь так легко сорваться, так легко все в раз отпустить, да и забыться во всем, ставя на первый план только себя одного, и вылететь, потому что пожалел себя и подумал лишь о себе одном. Вивекананда, какой это подарок! Ведь это самая настоящая возможность умереть, выползая наверх, ибо сорвешься — будешь жить, а вылезешь — умрешь, и солнце родится проще, смелее, надежнее, с отдачей, ведь отдаешь ты себя, и пальцы будут держаться за выемки и выступы, и большое небо наверху широтой встречает. Лезь, Вивекананда, лезь, ничего не бойся, отталкивайся ногами, изойди скукой, кровью, болью, собой изойди, Вивекананда, но не подумай о себе, не подумай, не пожалей себя, нет в тебе тебя, и это дорога, которую ты видишь перед собой, и ничто пусть меня не собьет с этого пути, Господи, я выбираю этот путь, и про-

шу тебя о поэтической силе, чтобы глас мой стал звучен, чтобы глаза отдавали, и чтобы я ничего не боялся, и был готов пожертвовать, ибо я жертва, и отдаю себя, солнышко чувствуя внутри, и небо сверху радуется, качается, и никакая эмоция не властна надо мной, хотя надо мной властна, а вот над солнышком — нет, но я терплю, ибо должен — ибо за все, что есть во мне, я должен, ибо не научился отдавать, и прошу тебя, Господи, научить отдавать, научить любить, ибо мерзкий предатель я, Господи, ворую и лгу, только себя на первое место ставлю, и от этого только зубами скрежетать, и ранами изойти, но не сорваться с этой скалы, нет, ведь сорваться — это упиться собой, а лезть — быть тем, кем не был, успокоиться, принять, смириться, принять каждое мгновение боли в себя, не бояться, научиться, небу себя отдать, а не хотеть забрать небо. Я не заслуживаю, я не заслуживаю, я не заслужил, и это причина, почему я лезу наверх, хватаясь пальцами своими за рваные куски черной скалы, и небо так притягательно, что хочется сказать что-то хорошее, благодарить, молиться.

Спасибо тебе, Боже. Я не знаю, за что я заслужил эту боль, спасибо тебе за нее, чрез нее иду я, не отвернусь от боли, не убоюсь скуки, проживу, вдыхая и выдыхая, это невероятный подарок, Господи, я хватаюсь пальцами за куски скалы, не срываюсь, а, вдыхая и выдыхая, люблю тебя.

Небо большое втягивало Вивекананду наверх. Тело и душа Вивекананды медленно ползли по отвесной скале, ширь обдавала кружением, выпуклый мир напрягался на сильном вдохе, что, казалось, разорвет его от обиды, но расслаблялся при выдохе, возвращая все на свои вечные места, давая Вивекананде пространство для еще одного рывка наверх, для усилия, для веры, для солнышка, которое совершало еще один шаг.

Глава 47

На выкате глядел Вивекананда в ширь, лежа на краю скалы. Солнце пряталось, было спрятано Вивеканандой, и он, Вивекананда, не понимал — куда смотреть ему следует и куда идти. Уже не было вокруг розового тумана, дышалось легче, пальцы и тело онемели, и хотелось Вивекананде уткнуться лицом в землю, сжаться, сомкнуть глаза крепко и пропасть навсегда, да и чтобы все пропало навсегда, но находилось все вокруг, и сам Вивекананда находился здесь, и солнце было в нем, и небо широкое распростерлось над ним, зовя его, притягивая, придавая силы, обнимая широтой, и Вивекананда кожей почти неба касался, и весь кривился, стискивался от непонятного волнения, и от незнания сдавливался, поворачивая шеей, руками, извиваясь онемевшей спиной. Пальцы еще помнили выемки и уступы, за которые цеплялся Вивекананда и от которых отталкивался еще какие-то мгновения назад, и еще сейчас застывал Вивекананда в памяти об этом, забывая себя, но ощущая отвесную скалу под собой и широкое большое небо над собой, лежащего в белом, но протертым землей и камнями, одеянии. Самое время молиться.

Господи, спасибо, что ты есть. Спасибо за небо, которое есть у меня над головой. Спасибо за музыку, которой все проникнуто. Спасибо, что даешь силы для преодоления всего плохого, спасибо, что прощаешь, что даешь шанс, что любишь, спасибо, что не отворачиваешься, что собой освещаешь путь, спасибо, что есть ты, Господи. Спасибо за солнце, за небо и землю, за огонь, за ветер, за каждое твое движение, за взор, обращенный внутрь нас, за твои объя-

тия, Господи, спасибо, за каждый шаг, за каждое мгновение, за каждый вдох и за каждый выдох, за всю твою любовь. Спасибо за возможность отвечать тебе взаимностью. Спасибо, что прощаешь, если мы отворачиваемся от тебя. Спасибо, что не обижаешься, и, тем самым, учишь нас не держать в себе обиду. Спасибо за каждую звездочку на небе. Спасибо, что я вижу звезды. Я вижу звезды, Господи. Аминь. Уже ночь, пора двигаться дальше. Вивекананда встает, оглядывая темную ширь, не пытаясь всматриваться в очертания вокруг. Вивекананда пошел вперед, оставляя край скалы позади себя, отдавая свечению и блеску звезд, давая солнцу внутри жечь, но не обжигать, купаясь в прохладе ночи, откликаясь на уютную темноту, предчувствуя впереди свои шаги, которые делал Вивекананда.

Боишься, что у тебя не будет этого или того. Что не будет у тебя руки, живота, глаза, что не будет памяти о тебе или возможности есть. Боишься пропасть, уйти, боишься всех, думая только о себе. Представляешь себя кем-то, выпячивая свое я, обижаешься, жалеешься, обижаешь, никого не жалеешь, а хочешь, чтобы тебя любили и жалели, и носились с тобой, ублажали тебя. Кривишься от собственного бессилия, становишься сильным лишь в тот момент, когда у тебя есть, а у других нет, и мир плохой, когда у тебя нет, и мир хороший, когда у тебя есть. Господи, пусть в моих глазах не будет меня. Ведь как-то все не можешь справиться, когда у тебя ничего нет, и так тебе, жалкому, больно, и так себя жалеешь, а когда есть — так гордо выпрямляешь спину, так смотришь свысока, такая вот ты противная явь, что хочется смотреть на звезды вокруг, на ветер, и скала, уходящая вниз, приманивает, но отталкивает, и внутри Вивекананда пытался нащупать что-то, и так не верилось и не хотелось верить, что будешь

ямой без солнца, что и жить я хочу только ради солнца, и так противен себе я, что не передать, и вот гад ползучий в тебе, когда лишаешься, и колко звездочки тебе в глазики, и унижаешься, но внутри у меня есть солнце, есть у меня внутри солнце, и не моя это заслуга, не моя воля, я прошу чистого дыхания, чистого намерения, чистой любви, чистого себя, очищающегося. Вивекананда смотрел вперед, и все было огромным — и валуны, и красные камни, и ветер, несущий мелкий красный песок, тоже был большой, сильный, могучий, и Вивекананда среди этого находился, и ныло внутри, и сила от скачущего настроения — от гордости до унижения себя — была такая вязкая, такая явная, а так хотелось Вивекананде в сон, но как эти грехи из себя вытаскивать, как быть другим, а кем ты хочешь быть, Вивекананда, а не в том ли проблема, что ты хочешь кем-то быть, не думая при этом быть собой, такие банальные сосредоточения мыслей, такие движения, от которых уныло, и бежишь ты, Вивекананда, извиваешься, прячешься, скользишь головою в плечи, а сам ты хочешь спрятаться, изловчиться, поплакать, пожалеть себя, и заниматься не тем, чем хочешь ты заниматься, а грешить, ты мечтаешь о том, как грешить, и в этом ты, Вивекананда, пуст, но внутри у меня солнышко есть, и я хочу грешить, но это лукавость, ибо грех ничего не дает, а это сейчас мой ум меня крутит, а я иду, и буду идти, предстану таким, каким есть, но ведь так и перед людьми надо предстать, и я, Вивекананда, учусь петь, и горло мое горит, ибо там лучики. Пусть всем, кому плохо, станет хорошо, пусть рана перестанет кровоточить, пусть станет тепло тем, кому холодно, а тем, кому жарко, станет прохладней, навываюте мои глаза, и такое это человеческое, а вот когда ветер вдыхаешь в себя, об звезды колешься, когда лучики тебя

изнутри царапают, когда несет тебя солнце, и ты не можешь, слава Богу, вспомнить, как ты оказался в следующем и в следующем за ним мгновении, и провалиться бы в сон, но красные валуны нелепо и уютно торчат с разных сторон, и мерещится Вивекананде, что только формируется в формы, и глаза от песка закрываются, и язык вял, и тело хочет рухнуть, так вот изойти, потому что любит и ненавидит одновременно, и душа так мечется, потому что живет и умирает, и ты так наблюдаешь за этим со стороны, и все проходит мимо, и течет, и двигается, и ты двигаешься вместе с этим, и можно ничего не додумывать, не предаваться неглубоким ощущениям, а находиться в том, где суждено тебе, Вивекананде, находиться — здесь, среди красных сумрачных валунов, красного мелкого песка, в предчувствии зыбких, но почти реальных форм, и смотри на свои ноги, Вивекананда, ведь они идут! Ведь каждый шаг проходит за шагом, и находишься ты во всем этом, и может тебя разорвать должно, но вот не разрывает, ибо внутри произрастает солнце, и оно движется, катится, навстречу к небу стремится, на свое место, туда, где сейчас яма, а может и нет никакой ямы, не твоего это ума, Вивекананда, несись солнцем, и через горло пой ему песнь, учись петь ему песнь, ничего не бойся, даже себя, лицемерного, жаждущего вещей, не бойся, не бойся своей мерзости, что в тебе она есть, и сейчас нет никакой важности останавливаться и разглядывать себя самое, солнце тебя несет, Вивекананда, несись им. А так, что ты что-то просишь, хочешь, любишь, не любишь, являешься собой или лукавостью сейчас исходишь — все это потуги, дыши себе ровно, вдыхай и выдыхай, смотри, не смотря, касайся, не трогая, нюхай, не внимая, вкушай, не пробуя, думай, не мысля, и пусть все проходит, иди вперед, ярые камни со

стороны наваливаются на сторону, какие-то формы хотят проявиться, да и пусть себе проявляются, иди, не кривись, а хотя и кривись, это потуги, солнышко несет себя на свое место. Ты, Вивекананда очищающийся, поклонись ему, да благодари Господа за то, что не ведешь ты себя, а тобой ведут, ибо солнышко катится через тебя, и все так наблюдает за тобой, за свечением колючим и светлым внутри тебя, и так ты, Вивекананда, оборачиваешься вокруг себя, и хорошо тебе, то ли потому, что у тебя что-то есть, то ли оттого, что этого ничего нет, но мысль делает тебя обманом сытым, и даже сейчас, Вивекананда, думаешь о себе, камни, смотри, вокруг красные, и, слава Богу, идешь ты, а ведь это солнце идет тобой.

Отрывисто дышал Вивекананда, но в миг снова дышал ровно. Окружающее насыпалось со стороны, и тяжелел Вивекананда, но в тот же миг был легким и собранным. И распадался и собирался. От распада расходился во все стороны, но не успевал размыться в смерти, ибо собирался, и лепет его совершался в речь. Глазами рыпался, смахивал наружное, проникая во внутреннее, но внутреннее менялось местами с наружным, и Вивекананда так постоянно шел, а скала позади словно уходила, и ты уходил вместе с ней, но ничего не кружилось, ибо при этом все вбирал в себя Вивекананда, вдыхая окружающий воздух и выдыхая его. В этом разбредании непонятна твоя роль собирания всего воедино, и от судьбы, думал Вивекананда, никуда не убежать, и, так поводя шеей со стороны в сторону, шел Вивекананда, выпуская наружу глаза, животом живя, солнцем греясь.

Чуть щекотно было внутри. Вытягивал шею Вивекананда со стороны в сторону, молился внутри, стараясь и телом молиться, но окружение втягивало и обратно на вдохе вы-

талкивало, и такой был мой путь к небу, вот такая дорога, мне ее не выбирать, мне по ней солнце нести, я во жертве, ибо верую, ибо нерушимо происходимое, небо широкое, как ловец, Вивекананда, ты животом ведомый, солнцем зовущий, телом рассыпанный, душой влекомый, химерное все вокруг, как облачное, ноги твои передвигаются, солнцем ты упокоенный, песнями ты воспетый, аккуратный, осторожный, при молитве находящийся, вдыхающий и выдыхающий, Вивекананда происходился вперед, всеми пальцами левой руки надавливая на грудь, ибо крутится Солнышко, и хочется крутиться вместе с ним, и крутишься ты, и не боишься Солнышка, и не боишься сказать о нем, и потом гладишь ладонью по груди, ибо тепло солнцу, и крутится солнце, и ветер легкий и такой приятный, освежающий, и глаза у тебя наружу, Вивекананда, ибо хочешь ты увидеть дальше, а все не составляется в формы, и приходится тебе идти, и самое время молиться, как и всегда самое время, молитву внутри Вивекананда хочет собрать, чтобы себя отдать, все отдать, чтобы не остаться здесь ни единым, ибо не пройти дальше оставившему себе хоть что-то в данный миг, не оставляй себе сейчас ничего, не умеи, но молись, твоей воли нет, небо тебя зовет, солнышко так крутится смело, и радость из тебя вынули и в тот же миг обратно радость в тебя, и тебя из тебя вынули и снова тебя в тебя обратно, как вдыхать и выдыхать, Вивекананда молится. Молитва его ширится во все стороны, останавливая дрожание внутреннее, молитва его раздвигает внешнее, возникаясь формами, которых нет. Учится Вивекананда молиться, учат его молитве, и молитва его учит. Небо разбегающееся ширится над ним.

Каждое возможное происходящее — вязкое, как глина, вяжи рука, втягивает и вытягивает, растягивает, но Виве-

кананда не сподвигает себя погружать руки в происходящее, ибо шагаю я дальше, научаясь, ведя себя, солнцем толкаемый, изнутри воспроизводимый, замолкающий и наблюдающий за собой наблюдающим, порывистый от ветра, легкий, как перышко, собирающийся и распырскивающийся, к небу взывающий, не верящий, или, быть может, не желающий верить в неподвижность порывистого и вязкого хаоса, из которого руками хоть выважи изнанку или любую другую порывистость, но руками заплетаются мои руки, стихиями обволакиваясь, даря мне каждое возлияние, но мой глаз — не мой глаз, мое ухо — не мое ухо, мой рот — не мой рот, мой нос — не мой нос, моя рука — не моя рука, мой ум — не мой ум, и так бы застыть и одаривать себя, но невыносимо принять, ибо, слава Богу, не принимается мной, и я, Вивекананда, закрывая в себе любое прошение, так вот иду я, смотрю на происходящее, а вот солнце несу внутри, и солнце рождается, а вот все окружающее тянется к солнцу, так извиваясь внутри себя, стискиваясь и разжимаясь, принимая и теряя разные формы, и Вивекананда продолжает идти, и не означает это, что я переступлю через все, ибо Господь не ставит перед тобой выбора, и Господь не заставляет переступить через кровь, и Господь не хочет, чтобы яро светились очи твои, ибо Господь ничего от тебя, Вивекананда, не хочет, это все ты от него хочешь, и просишь его, и он дает тебе все, отдавая тебе все, всего себя отдавая себя тебе, Вивекананда, но научаясь, не проси, не вяжись, ибо иду я, разворачиваясь и стискиваясь, радея и отталкивая, так неподвижно наблюдая за своим движущимся телом, ссыпаясь, собираясь, и солнце внутри Вивекананды так крутилось, и, не обращая внимания на вязкость и податливость происходящего, Вивекананда, солнце в себе держа, пытался довестись до

логичности, чуя, что логичность хаотично посыпана, размазана по глинистому воздуху, и даже не суть, что ты думаешь, и как происходит все вокруг тебя, и слава Богу.

Солнце начинает сильно жечь. Очень больно. Буду терпеть до смерти и всегда буду терпеть. Очень солнце жжет, раскрываясь, освещая, и затухает, но греет, и тянет Вивекананда солнце к горлу своему, не пытаюсь его вытолкнуть, но пытаюсь отдать всего себя солнышку, быть для солнца самым лучшим, самым теплым, не бойся, солнце, хотя что я говорю, ты ничего не боишься, так я тянусь, и все вокруг тянется, и Вивекананда двигается, и все двигается вокруг и за ним, проистекая, производясь, предлагая формы, солнце во мне, солнце движет, а перед Вивеканандой раскрывается происходящее, такое вот находившееся.

Глава 48

Вот здесь есть Небо. Вот здесь есть Земля. А вот здесь есть невидимое, но уже почти видит Вивекананда, вникается в невидимое, и каждый шаг почти невозможен, ибо не видит здесь глаз, не слышит здесь ухо, не касается здесь рука, не вкушает рот, не нюхает нос, не думает ум, растягивается форма, и пространства в стороне, ибо тянет солнце Вивекананду вверх, шагами, которые за спиной, и не понимает Вивекананда, что же ему сделать и как, хотя все, что ему остается делать — это внимать самому себе, ибо все происходит, солнце тянет, встает лучами, все принимая в себя, отдавая себя, вскальзывая, втягивая живое к себе, отдаваясь теплом обратно, возвращаясь живому и всему, что готово приняться лучами. Все теряется вокруг Вивекананды, голова кружится, и я так благодарю за все, что происходит, спасибо, Господи, что происходит это, и воспою я, и научусь я, и мне, молодому риши, так многое уже раскрывается, как цветочек раскрывается навстречу солнышку, в лучах купаясь. Солнце, ты самое чудесное! Солнце, ты самое достойное! Солнце, весь мир преклоняется пред тобой из радости чистой к тебе, и так хочется тебя обнять, потому что я люблю тебя, и так ты тепло крутишься во мне, и все возникающее отзывается тебе навстречу.

И засверкало все вокруг. Задребезжало, заблестало отблесками яркими, и родилась колесница прекрасная, запряженная конями прекрасными, которые сами себя запрягли, белогривые, и в каждом отблеске очей видел Вивекананда отблеск взгляда Эташи, и белые гривы мягко

отсвечивали, и бесформенное принимало форму, приглашая солнце в себя, отвечая радостью на радость, улыбкой на улыбку, откликом на отклик, любовью на любовь, светом на свет. Ослепила колесница красотой своей Вивекананду, вобрала в себя его внутреннее, отзываясь, приглашая и отдавая себя солнышку, укланиваясь ему, отвечая на солнца поклонение, принимая его, отвечая на его приятие и прошение.

И Небо с одной стороны, по левую руку, несется сплошной стеной, и Земля с другой стороны, по правую руку, и нахожусь я между Землей и Небом, и колесница сверкает передо мной, предлагая себя, являясь теплотой яркой, касаясь Вивекананду видом прекрасным, и солнце вытягивает вперед, и суть колесницы яркой проплывает мимо, но никуда ничего не улетучивается, и я, Вивекананда, нахожусь здесь, вдыхая и выдыхая, изгрызанный постоянными изменчивыми сомнениями, и снова судьба берет за жилы меня, и тянет меня вперед судьба, и на колеснице я, не ступив на нее, а сама судьба помогает мне, и видит Вивекананда по левую руку высящее Небо, а по правую руку видит тяжелую Землю, а сам он находится здесь, и солнце, слава Богу, тянет его вперед, и хоть думай о колеснице, о конях, о блистающем пути, но именно сейчас, как и всегда, слава Господу, с тобой, ничего не решается Вивеканандой, и это ведь тоже умозрение, а вот невидимое проступает передо мной, и солнышко мое — главное мое, хотя я вижу как прогибается Земля, как прогибается Небо, и руками вяжи, передавая тепло Солнца, но руки спокойны, тело мое спокойно, душа моя здесь.

Господи, перед тобой я. Не хочу ничего, не нужно мне ничего, ведь все — твое. Совершаю призыв к тебе, и вот солнце есть внутри, но молчание есть достойным тебя, а

я все никак не могу научиться молчать, да так молчать, чтобы петь тебе. Я уложусь пред тобой. Вот мое — бери! Вот я — бери! В лучезарных опаляющих лучах я изнутри совершаюсь, и, находясь между Землей и Небом, я словно хочу стянуть их собой, словно горит тело мое и горит душа моя, словно я сам — огонь, и огнем возгорается все, и то, что впереди меня, и то, что позади, и это я зажигаю, но не я, слава Богу, а солнце, а Вивекананда вот несется солнцем и находясь в прекрасной блистающей колеснице, и сам являясь ею, и касается все мягко Вивекананды, и дышит молодой риши, и может чуть пытается вытолкнуть из себя солнце, но вот не пытается, ибо все само происходит, а Вивекананда находится в этом. Тянет вперед, тянет Вивекананду вперед. Вивекананда тянется, но не сильно обращает на это внимание. Солнышко греет внутри, направляя, встречая тебя каждым своим движением навстречу. Это словно вся земля и все небо были поряд, словно высишься ты, и может править твоя рука, но излепить ты можешь из земли землю, а из неба излепить небо, и держал Вивекананда в себе вдох и выдох, чтобы не истерзывать обе стороны, и, будучи колесницей внутри нее, Вивекананда забывал себя, выскобливал, намереваясь научиться отдавать себя, отдать себя, на выдохе отдать себя, не принимая ничего в себя, и любимая Земля рядом, и любимое Небо рядом, и любимое во мне Солнце, и Вивекананда устремлялся вперед, по происходящему, по несущемуся, и словно любимые Земля и Небо могут раствориться, но не стоит об этом слишком много думать, все из тебя происходит, отдавай, и в осязаемом ощути пульс происходящего, и этот пульс так оборачивается солнцем, которое выходит из тебя, Вивекананда, и молитва изымается из всего.

Господи, ты есть во всем, что есть вокруг. Господи, ты есть в каждом. Мне хочется тебе сказать что-то хорошее и настоящее, но ты есть все вокруг, и я замыкаюсь в ясном молчании перед тобой. Солнце во мне разворачивается, Боже, и я могу бояться, могу еще отталкивать, отворачиваться, но отвернуться, Господи, от тебя уже не могу. И не отверни меня от тебя, Господи, я вижу небо и я вижу землю, и рассыпается с блеском все производимое, и я, Вивекананда, нахожусь в этом, держа солнышко в себе, благодаря за это солнышко, отдавая себя, ибо во мне солнце. Возможно, это можно назвать провидением, судьбой, производением, и как бы сложно ни было, все с каждым мгновением становится на свое место, проистекает музыка, и я, Вивекананда, нахожусь в ней, являясь, слава Богу, тоже ею, и нет во мне воли менять, вылепливать, ибо я слышу пение птиц, и это пение проистекает, и я, Вивекананда, проистекаю вместе с ним. Спасибо тебе, Господи, за пение, которым ты являешься, в этом открылось мне, происходит мною, солнце тянет, проистекает, отзывчиво настигает, совершаясь, прощая и принимая в себя все происходящее. Спасибо, Господи. Прошу у тебя сил, Господи — хотя знаю, что не в моих это силах, а лишь в твоих — донестись солнцем, быть ему нужным, отдать себя ради свечения, жертвой изложить себя, не думать про себя, и несишь ты, Солнце, между Землей и Небом, само происходящее является, а Вивекананда так оборачивается вокруг себя, солнце внутри тянется, оберегает, дарит.

Глава 49

Впитывая все прошения, сам являясь прошением, я словно сходил и сходил. Глазами не видел, ушами не слышал, ноздрями не нюхал, ртом не вкушал, руками не трогал, умом не думал. Продвигался Вивекананда внутренним в себе, направлялся словно вперед, но все направлялось вместе с ним, и словно лишь смотрел Вивекананда всем собой, единым будучи, потоком двигаясь вместе с колесницей между Землей и Небом.

Солнце всходит. Большое Солнце всходит на небосвод над тремя пространствами. Дорогу солнцу вымолили молитвы, катится солнце, и еще чуточку Вивекананда держится, смотрит на это все из себя, и солнце, слава Богу, неподъемное, большое, и радостно стараться его поднять, и смешно, и приятно, и солнце в ответ тебе ярчит собою, вкатывается на самый-самый верх, и все солнцем принимается. Вся-вся-вся боль, все-все-все обиды, все хорошее и плохое, все живое и мертвое, все принимает в себя солнце и ничего солнце не боится, ничего не стесняется, все видит собою, всех обнимает, со всеми солнце, катится оно, оно большое и широкое, и неповторимое, и волшебное, и самое-самое родное и любимое, и все растет навстречу солнцу, ибо вот оно, восходящее, из тебя тебя вытаскивающее, такое теплое, встречающее тебя. Вот Вивекананда находился и солнцем изнутри крутился, и вся Земля и все Небо вращались, готовые измениться, но не касался ничего Вивекананда, ибо на все воля Божья, и я шел сюда, неся боль в себе, а иду, и несу радость, солнце несу, верю, катится, блестит яро во все стороны, и проступающее пение

птиц за видимым, за происходящим, и если чутко-чутко прислушаться, то услышите вы пение птиц, и выдыхает и вдыхает Вивекананда, и все происходит с ним, и он смотрит на это.

Солнце, родное, взойди на небо, освети все! Солнце, мы ждем тебя, и к тебе обращаем взоры. Солнце, все наше — твое! Все наше дыхание — твое! Все наши слова — к тебе! Наши молитвы — к тебе! Расти нас, солнце, прости меня, отворачивающегося от тебя, научи, Солнышко, быть как ты, а тем, кто мрак хочет выбрать, отстроится от тебя, не быть с тобой — не восполняй, солнце, обиды их, восходи, солнышко, и лучики твои — дорога, и спрятался я, не смотрю на тебя, но ты всегда есть. И не судишь ты, Солнце, и всем даришь себя просто так, и я, Вивекананда, дарю себя тебе, просто так, научаясь у тебя теплу, восхищаясь тобой, радуясь тебе, и учась радовать тебя, как ты радуешь, восходя на небо. Крутится солнце в Вивекананде, тянется наверх, рождаясь и жертвуя собой. Учит солнце.

Вивекананде уже ничего не оставалось, кроме того как вдыхать и выдыхать. Может немного кружилась голова, может расходился ты в стороны, но Вивекананда, удерживая себя, продолжал нестись солнцем, и замирало внутри, задерживалось, и не понимал, какими глазами смотреть, какими ушами слушать, каким носом поводить по ветру, каким ртом пробовать, какими руками касаться, каким умом думать. Земля и Небо по сторонам менялись местами, но затажно двигались, и держал Вивекананда внутри что-то правильное, и, наверное, это было солнце, но и хотелось Вивекананде глаза закрыть и утонуть в себе, но, слава Богу, несло солнце, себя вынашивая, и так вот Вивекананда оказался здесь, и хотелось согреть ему солнце теплом, чтобы родилось солнце большое, лучистое, яркое, но уж у са-

мого солнца тепла побольше, чем у меня, но и в моем тепле нуждается солнышко. Бери у меня все тепло, Солнышко, исходись мной, бери меня и берись из меня, так хочется плакать от боли, но так уж мне радостно, что есть ты.

И лежал Вивекананда на больших и теплых ладонях. И голова перестала кружиться, и все замерло на несколько вечных мгновений, и словно в колыбельной лежал Вивекананда, и от внезапности мирного чувства перехватило дух у Вивекананды, и сжалось все внутри, разжимаясь, и слезы готовы были хлынуть из всего Вивекананды. Ладони большие, теплые, слегка пахнущие парным молоком, и лежал Вивекананда, солнце в себе удерживая, нутром ощущая себя в безопасности, в родительских теплых руках, колышущих его, согревая его, любя его, и он любил этих руки от всего своего сердца, от всего себя, пусть и иллюзорностью он исходит, пусть как что будет, но, вспоминая забытое чувство, Вивекананда на несколько вечных мгновений ощущал вечный и родной покой, щекочущее чувство внутри наполнилось плотностью, всем собой был Вивекананда, и ничего не боялся я, и берегли меня руки, укрывая как родившуюся птичку, которая только-только поводила крохотными крылышками, которая только открывала глаза, и не нужно мне было есть или пить, нужно лишь петь. И на ладонях плавно я поднимался вверх, и сейчас что-то произойдет, и родной посмотрит на меня, усматривая меня, и поднял Брихаспати ладони к лицу своему, и большим глазом посмотрел на Вивекананду, давая вечную возможность утонуть в его взгляде, и взгляд этот колыхал Вивекананду, улыбался ему, отзывался ему навстречу, и второй глаз Брихаспати поддерживал этот взгляд, и находя самого себя в покое, в мерности теплых ладоней, которые колыхали его, укачивали, и чувствовал

Вивекананда, что он родное дите, любимое, нежный ребенок, и Брихаспати прижимал Вивекананду к сердцу взглядом, отдавая всего себя без остатка, и купался Вивекананда в теплоте, в безмерной любви, во внимании к себе, и, как птенчик, поводил шеей навстречу, ловя каждое движение зрачка Брихаспати, отдаваясь навстречу весь, не боясь ничего, потому что не обидит, не уронит, согреет теплыми руками Брихаспати, и чувствовал Вивекананда, что отпустила режущая боль, и солнышко внутри тоже успокоилось — крутилось медленно, лучась, искрясь лучиками, совершая круг за кругом, и тоже успокоясь во взгляде родившем, и слышал всем телом Вивекананда как дышал Брихаспати — поднимая свой вдох снизу вверх, и выдыхая весь, отдаваясь навстречу происходящему.

И вечно мне быть в теплоте твоей, но и вечно прошу тебя о милости быть раскрытым навстречу небу. Подари мне полет, Всевышний, и солнце примет себя, и мое тело и душа всегда знают тепло твоих ладоней, и мне радостно просить тебя об этом, о Брихаспати, и для меня большая честь находиться рядом с тобой, о Родитель, находиться в руках твоих. Подари Солнце из земли на небо, на Небо подари Солнце из Земли, в тебе, о Брихаспати, есть вечная сила отдавать и делиться, и ничего ты не оставляешь себе, ибо ты как источник. Птицею вспорхнув из рук твоих, тобой подталкиваемый, стремящийся, тебе благодарность я воздаю, Брихаспати, ибо из твоих рук Солнце восходит, и я, Вивекананда, уповаю на тебя и все поклоны свои тебе отдаю, ибо они все твои. Тобой направляемый, лишь тобою подталкиваемый, тебе отдаю всего себя, ибо все мое — твое, и Солнце во мне раскрывается навстречу, ибо ты, согревая его теплом своим и согреваясь от тепла его, даришь солнышко, выпускаешь его из ладоней своих, и ты прекрас-

ный, величественный, чистый и очищающий, научающий, щедрый, храбрый, с большим сердцем, отдающий. Из твоих ладоней, тобой мягко подталкиваемый, тобою согретый, несущийся солнцем, воспорхаю, готовый вспорхнуть. Тебя, Брихаспати, молю и благодарю за молитву чистую.

Надели, Брихаспати, своей легкостью и бесстрашием, ведь в тебе легкости и бесстрашия бездна! Ниспосылается мир тобой, и через ладони твои и жертвенность словно птичка вспархиваю, и твоя большая поступь слышится за спиной, и вся твоя отдача в солнце. И широтой своей и силою ты успокаиваешь окружающее, и проникающее беспокойство вмиг стихает, как стихает пламя и зарождается вновь.

Вивекананда то цеплялся за воздух, то что-то цеплялось за воздух, и жгло под лопатками, и отец Брихаспати выпархивал Вивекананду, благословляя. И вот Вивекананда был вечно в его ладонях, но вот уже выпархивал как птица, поводя душой, и все в мерцании, и Вивекананда выпархивался, и солнце в нем так радостно крутилось, рвалось наружу, так улыбалось, и Вивекананда так наблюдал за этим, ибо можно ему было наблюдать за этим, и окружающее мерцание согревало Вивекананду, и чувствовал Вивекананда глубокое дыхание Брихаспати, и собирал всю благодарность в себе и отдавал все Вивекананда, а Брихаспати подталкивал его собой наружу, и мерцанием исходился Брихаспати, глядя вслед Вивекананде, и крыльшками бы Вивекананде ложиться на мерцание, и учиться петь, испевать из солнца себя, чтобы осталось лишь солнце большое и чудное, лучистое и отзывчивое, согревающее и верное, встречающее всех, лечащее, и Вивекананда выпархивал в мерцании. Благо — твоя, Брихаспати, дорога. В мерцании кланяюсь тебе, благодарю тебя, внемлю тебе, учусь у тебя, благаю.

Глава 50

Восходит Вивекананда. Где-то теряется, но удерживается Вивекананда, и восходит Солнышко, и рассвет наступает, солнце собою на небо катится, по небу катится, отдает собою лучистый свет, воспроизводя свет из себя, производя свет собою, являясь источником света, и чувствовал Вивекананда жар изнутренний, и солнце уже из горла в затылок, из затылка в темя, из темени в свет.

Научи, Солнце, быть без причин. Оставляю все обиды, все неувязки, молитву единую оставляю в себе, Солнышко, и ее тебе отдать, самому из себя вытаскивая молитву наружу, претворяя ее в тебя, Солнышко. Движения твои ровные, плавные, мягкие и солнечные — ослепляющие ярким светом, согревающие, сокрывающие в себе, отдающиеся навстречу. Потоком подхватывался Вивекананда, вдыхая в себя и выдыхая, и слышал птиц Вивекананда, и сам, может быть, являлся певчей птицей, но неслось солнце наружу, успокаивая Вивекананду, отдающего себя солнцу.

На порождающиеся пустоты Вивекананда не обращал внимания. На порождающиеся иллюзии Вивекананда мог посмотреть, и вот иллюзия производится, выпеваается, маятником раскачивается, и хватай ее, преломляй, раскрывай до нутра, и не бойся. Раскрывая иллюзии как лепестки, не боясь, ощутишь ты, Вивекананда, вечность, и слышишь ты пение птиц, певчая птичка, и солнышко тобою расходуется во все стороны, восходит, раскрывается как цветок, и так вот и рождается солнышко, ибо ничего ему не нужно, ибо восходит оно само по себе, бросаясь по всем сторонам

лучами, зажимая в себе весь свет, как вдыхая, и разжимая его всего из себя, как выдыхая, — вот Солнце.

Натиском двигался Вивекананда. Небо и Земля еще тянули обратно, и сам то ты сделан из земли и неба, но ведь и еще из чего-то, и нет во мне сомнения, и Солнце вытягивает Вивекананду, и внутри тепло, и снаружи тепло, а все тепла немного касаться, ибо промерз ты весь, но вытягиваюсь весь, ибо очищаюсь, и Солнце отдается на все, не оставляя себе ничего, и только так оно — Солнце.

Все стрелы — в меня. Все проклятия — в меня. Все обиды — в меня. Всю злость — в меня. Всю боль — в меня. Все ранения — мне. Все страхи — мне. Так катится Солнышко, так забирает все, и наружу отдает из себя солнечное, все расщепляя в себя на мелкое, а после прозрачное, а после нет ничего плохого, и отдает лучами обратно Солнышко. И небо здесь так встречает, и так радуется Солнышко, что Вивекананде остается только поклониться происходящему, внутренне содрогнуться от света, да учиться все отдавать Солнышку, как и Солнышко все отдает тебе, и птичкой я наружу, я, Вивекананда, птичкой наружу, и дрожит Солнышко, и согревается все вскатыванием его на небушко, ничего не требующее, широкое, во все стороны большое, великое Солнышко, забирающее все плохое, светом раскрывающееся, самое любимое, откровенное, обнимающее тебя, и даже съест солнце волк, и бежит волк в лес темный, а мы волка обнимем крепко, да раздирай ты тело мое, да посмотрим в глаза ему, волку, да боль втянется в себя от боли, а мы волка сжимать будем крепко-крепко, не убегай, не оставляй, не обижайся, не злись, никто тебе плохого не хочет, и смотрим мы в глаза волку, и раскроется пасть его волчья, но наша пасть, и выпрыгнет Солнышко, по земле да по небу прыг, вот и вечное Солнце, и мы

ему, Солнцу, всех себя, ибо не сжигает оно, а разжимается лучами.

Принимает всящееся Вивекананду, но Вивекананда снова принимает с натугой, ибо снова замечает рушащееся в себе. Не рухну я сейчас, не позволю себе самому, ибо рушащееся во мне воплощает меня, а я мешаю происходящему, ибо с натугой снова сцепливаю в себе сотворяющееся, но отпустить нужно, ибо сохранится оно, отпустивмши. Вот есть судьба, и я, Вивекананда, слава Богу, вижу ее. И рушащее заставляет меня снова производить, и небо здесь крайне близко, но солнце в небе, и наверху солнце, и рушение за собою пение птиц утягивает, и пусть все из меня выжмет солнце, и пусть ветер отвечает на просьбы, и рушение делает движения вязкими, и голос твой уже менее похож на птичий, и лишь позади себя ты, Вивекананда, можешь уловить шелест крыльев, или отзвук отражения, и смыкается Вивекананда, и никакой боли я, Солнце, не убоюсь, а я, Вивекананда, молюсь о том, чтобы быть похожим на тебя, Солнце. Прочитающим это да будет даровано видеть в поднебесье.

Глава 51

Вытеснялся, хватало иснизу, хотело держать, и чтобы рушилось в тебе все, чтобы солнце было само по себе, а я вот сам по себе, и мы вот сами по себе. Мне, Вивекананде, нет дела до этого, ибо во мне рдеет, измываясь виною, но хоть сейчас, попыткою, руку протяну свою к Господу, возгласив: Господи, спаси!

А так все будет клыкасто, рвано, хочется этому тебя спохватить, как вроде ты, Вивекананда, забылся и вот завершился, но, Солнцем упоенный и лучами согретый, я полагаю жизнь на тебя, Господи, и по кусочкам я собирался, терялся, но опора ты моя, Господи, и нет этому миру опоры без Тебя, и моя песнь, Господи, к тебе.

Не просить пришел, Господи, ничего мне не нужно. Петь пришел, Господи, ибо пение птиц слышу я, да и без этого пришел бы, чтобы петь, Господи, ибо во мгновении ты. Во основе я рушусь, и разрушение мое вот, но не рушиться я пришел, и не создавать мне нужно, ибо ничего мне не нужно, Господи, ибо ты есть, Господи, и учусь я петь, исторгая собою благодарность за происходящее, научаясь петь о тебе, и крылья мои под лопатками будут большими и сильными, красивыми, но спаси, Господи, ибо могу рушиться, но не боюсь, Господи, ибо встану и снова пойду к тебе, но научи расти к тебе, и Солнце вот внутри меня, и вдыхаю я им и выдыхаю им.

И можно здесь на похотях все спустить, и, обернувшись, ничего за собой не заметить, да еще и сделать вид, что незамечено тобою. И это, Вивекананда, процесс твоего воспитания, и пусть тебе будет стыдно, страшно, пусть будет,

Вивекананда, как угодно — но нет пути происходящего без Господа, и все, что происходит — в длани его, и если пение птиц еле слышно — слушай его, а если не слышно — слушай тишину, ибо за тишиной ты услышишь пение птиц. Сколько раз я, Вивекананда, оступался, и, казалось, проваливался в зыбкое очеловечивание, котрое со всех сторон называлось тем, во чем я живу и во чем жить мне, но острия мира во мгновениях и в моих глазах, ушах, языке, ноздрях, руках и уме, и вижу, что не мир плохой, а моя к нему отдача острием нацелена, и в моменте этом, как и в любом другом, молись, Вивекананда, и ответится тебе.

Я с чистотой и намерением чистоты прошу войти в сердце мое и изничтожить все нисходящее, ведь важно мне солнечное мое, да прости меня, Господи, за проступки мои.

И пытался Вивекананда сейчас не всматриваться во себя, но смотреть снаружи. Чтобы не было глаз из себя, ушей не было, ноздрей не было, рта не было, рук не было, ума не было, а чтобы было, и чтобы было оно без него. И в упокоении учился быть Вивекананда, разом разобранный на каждое мелкое наружное, и во мгновении разбиться, сжать в себе все, как солнышко в себя вбирает, и разом все тепло родить, чтобы всем тепло, и пронизалось все, если охота пронизываться, а если за теменью твой шаг, так рискни за теменью, убоясь, да моим лучам не опираться тебе, да не жечь я иду, а светить, да не убить, а родить, и, песнями подкрепленное, восхожу, и Вивекананда учится петь песнь, и радеет Вивекананда о восхождении, и пространство принимает его, предстоя пред ним.

Глава 52

На весомых берегах хлынет ветер изнутри, раскрывается дорога, не оставит небо, дланью развернет наружу, весточку подав. Речной порог преодолевая с большой радостью, погрузить воляя солнце в исходное, так Вивекананда старался прорезаться голосом, заспиным улавливая пение прекрасных птиц, вытуживая без боли крылья свои, солнцем рождаясь, всходя.

Примите меня, небом восполняюсь, ветер и грозы и дождь, все отдаю я, Вивекананда, полуприкрывшись, лучиком солнца раскрытый, словно цветок. Зори, прощайте, утро встречай, солнце восходит, силой явя, себя отдавая, не оставляя, на миру все раскрывая, даруя себя. Ветром кружится, хочет учиться, птица твоя. Крылья хлоп по касаниям ветра, легонько хлоп, возвестить. Я поклонюсь до земли, пусть ответно, крыльями хлоп, пусть ответно мне отвечает высь.

Голось являть не сложно. В радость голос являть. Ветер возносит, огонь подносит, гром укрепляет, солнце подарит. Я просто так отдаю вам надежду, ведь из надежды я соткано, луч за лучом восхожу, а ты крылышками хлоп, крылышками хлоп, по синеве протяженным голосом, крылышками хлоп, крылышками хлоп, обернись, ведь я всегда за спиной.

Рухну, не боюсь, но все миру отдаюсь, лучами изогнусь, встречаю всех, и не боюсь я отходящей ночи, тебе, душа смотрящая, смотри в меня, большая я звезда, сестра твоя, и братом назови, боясь не рухнуть, уцепляйся в неба синь, и ветром любящим, огнем радеющим, я, Солнце, по-

дарую свет, его зубами прихвати, да не бойсь, и крылышками хлоп, ныряя в облаках, я раскрошусь на мириады звезд, одно большое солнце, во мне горит излучиною жар, и я качусь как колесницы колесо. Тебе, внутреннее солнце, я песнь свою пою, тебе, любимое, всего себя я отдаю, но больше я отдать хочу, я научиться должен петь, чтобы воспеть твою красу, великосветную красу, широкую как небо, я пью твои лучи, лучами отдаю тебе, в слова цепляя то, о чем молчит заря, и, утром умываясь, я нахожу в себе отсчет, и не боюсь восполниться наружу, тобой являясь, и каждый вдох тебе и каждый выдох тоже, и небо укрывает во себе, я крылышками хлоп, пронзая небесную лазурь.

Покажись, большое красивое Солнце! Небо тобою пропитается, жизнь от тебя народится, ветер тобою спохватится, земля тебя пригорнет. Захлопаю вокруг тебя крылышками, тебе песнь отдавая, тобою научаясь, все мое, солнышко, в руках твоих, все твое из меня достается, все тобою подарено, Солнце, все из себя тебе отдаю, ведь все мое — твое, мое все — ты, не боюсь крылья обжечь, глазками по тебе скольжу, принес тебе песни, кои на пути слышал, к тебе шел, порываясь лететь, все хорошее из меня, Солнце, сожги, собою въяви, излучи меня, солнышко, и собою яви явь. На приношение тебе я. Ветер колышет колыбель твою, огонь отдает теплом к тебе, только песни мне тебе петь должно, солнышко, самое любящее и открытое, солнышко, все из груди моей — твое, дай на себя посмотреть, ничего от тебя не нужно, солнышко, будь!, совершайся собою и меня вытвори, лучами скользишь ты, ты не боишься, и я не боюсь, я, Вивекананда, солнышком радею.

Глава 53

В каждый миг происходящий не боюсь происходящего, ведь небо изымает меня, Вивекананду. В стесненном взгляде на мир вижу мелькающую основу, и мои руки в иллюзии, но не боюсь я иллюзии, ибо ничего не боюсь, ибо есть Ты. Гонимый Солнцем, исжигающийся, я наблюдаю за каждым своим шагом, и во каждом шаге своем вижу ненужность, а во основе всех ненужностей Ты, скрепляющий собою, ибо Тобою держится. Я воспою песнь из себя, и песнь моя, преодолевая, не боится, и я не боюсь петь ее, и горлом моим, исходящим, Солнце пусть льется, и я, Вивекананда, весь твой, Господи, разрешаюсь.

Тихо вокруг, и Вивекананде позволено быть здесь. Не спутни, Вивекананда, ведь порождено все тихими касаниями, неназываемой верой, прощением душевным. Без порывов душевных смотри тихо из себя самого, да касаниями учись воспевать, проникаясь. Как тихо, Вивекананда, и ноги твои в мягких облаках. И это выраженное тобой иллюзорно, но есть то в основе, что касаниями тебе отзывается, и пусть это будут струны, дарующие тебе взгляд на них, и облака большие и внимательные навколо касаются тебя, Вивекананда, исходись в этом. И, сомкнув глаза сильно-пресильно, ты не увидишь ничего конкретно, ибо это лишь схватилось тобою в твоём обдумывании этого, и ты так сформулировал, но истекает все, и сердцем тебе, Вивекананда, ложится на небо, вдыхая и выдыхая, и из этого состоит всякое, и не собою я внимаю этому, и передаю собою то, что происходит.

Находился Вивекананда в перетирании иллюзий. Но это глаза, это уши, это язык, это ноздри, это руки, это ум

— вот порождающее, я не за порождающим, я за Тобою, Господи, во всяк миг укрываясь молитвой.

Одеяние Вивекананды белое как снег, распархивается по сторонам, мгновения соприкасаемые вот-вот раздвигнутся, но не за этим идет Вивекананда, а молитвою родиться.

И словно заблудился и идти мне невпопад, но именно и дорога в невпопад, в разворачивание, и не суть, что расходитя, а что намеревает тебя из тебя изнутри во явь. И Солнце изнутри во явь, как цветок явится из земли, раскинувшись собою, и ширь воявится во цветке, изымая себя из себя. Так и ты, Вивекананда, себя изыми, веди себя наугад, но вотсь ты исходишь.

Сердце мое, Господи, учит быть чистым перед Тобою. Сердце, чистое перед тобою, учит быть чистым перед всем, и спасибо, Господи, за вящее средь мгновений, за каждый вдох спасибо, Господи, и выдох.

И боялся Вивекананда дум своих, собою поводя, и тут же вдумывал, что ничего не боится он, и сырость в нем в миг стала огнем раскинувшимся, но ничего не боялся Вивекананда, ибо вдыхаю в Господе и выдыхаю в Господе. Не знамя, что могу все подвести под имя его, ведь ничего не подвести под его имя, и за молитвою укрываюсь, прошу научить, Господи, молиться за твое Благо и всего Благо, и закрыться сильно-пресильно, да как открыть, выпустить, Солнце из себя выпустить, а закрыть — вобрать, открыть — раздать, рассыпать, и вот вящее — забирай, нет в тебе того, что во Господи, и не боюсь я вящего, и если измажусь-вымажусь, но к тебе иду, Господи, помилуй меня. Аминь.

Глава 54

Вымазался Вивекананда в тучах грозových. Все упадая, вызываясь грехом и втискиваясь сомнением, Вивекананда мгновениями забывал о несущести Солнца. А забывался, так потом в миг вспоминал, а ведь надо постараться, ту-житья следует, Вивекананда, а не мгновения перестав-лять местами. На этой измазанности темными тучами сле-дует тебе, Вивекананда, следующее впрямь.

Штормовые облака находились близко. Ватой словно тяжелой были облака, научая Вивекананду. Мгновения действительно менялись местами, но и на это, знал Виве-кананда, не нужно обращать внимания. Слушай, Вивека-нанда, порывы шторма к тебе, растрескивающим звуком давящие, и сохраняется Вивекананде жизнь, хотя он так засматривается, забывается, хотя все орет ему о Солныш-ке! Расходятся твои действия с намерением, Вивекананда, оступаешься ты, и всю ответственность ты хочешь сбро-сить, забыться, но вот то уже не выйдет, и Господа за это благодари.

Вивекананда пытался удержаться за мгновения, в кото-рых был ранее, чтобы преодолеть происходящее, и вспры-гнуть в последующие мгновения. Шум грозы наваливался на него, вина подпитывала, ясная, слишком явная, объем-ность накатывала, углубляла, и не мог Вивекананда ока-заться ни в былых мгновениях, ни в наступающих.

Шторм, греми! Растрескай искрами грозowymi! Я ви-ною тебе выдаюсь, но Солнце — не я, я вдыхаю и я выды-хаю, во власти твоей, но в Господней власти, прости меня, Господи.

И разгремелось. Начало растаскивать Вивекананду, словно и сыпется все его выдуманное, но это не мое выдуманное, это вымоленное, а гремит шторм, солнце во мне, Вивекананде, отслаивая, и словно останусь в нахождении и улечусь, как и не было меня. Так шторм грозовой удупшал Вивекананду, забирая воздух на вдохе, забирая воздух на выдохе, а вот и нет, Вивекананда, воздуха, да чем же ты будешь дышать, чем будешь пытаться выпрямиться. Нет вдоха? Не вдохну. Нет выдоха? Не выдохну. Господи, твоею милостью.

Все наружу старался раскрыться Вивекананда, все из себя проявить, и Солнце есть по мне, Господи, и проявит Солнце сквозь шторм, и распадание рассыпется, въявляя в ум Вивекананды возможность распадания, но не убоюсь я сомнения, Господи, боль втяну в себя и выреву, но обиду укрою молитвой, и втянет молитва всущность, и произрастет Солнце, произрасти, Солнце, из меня, ты самое большое и обнимающее, всего меня заberi заради себя, роди себя, Солнце, мною, ты самое широкое, Солнце, самое любящее, происходящее, всех встречающее, укрывающее, а еще ты радостное, Солнце, создающее, высаживающее, рождающее, и все у меня — твое, Солнышко, как все мое — Господа.

Как во внимании был Вивекананда, штормом острым окруженный, но относясь к себе с пониманием, выпитый виною, но здесь я, Господи, Солнце во мне, раскроюсь.

Глава 55

Шторм отпускает Вивекананду. Оставляет в себе все грозовые наития, из себя разворачивая Вивекананду, чтобы ничегошеньки риши себе не оставил. Так учился Вивекананда, и Солнце в нем, и раскрываясь, сам солнцем светил. Крылья нарастали происходящими усилиями, но не мог Вивекананда взглянуть на крылья белоснежные свои, отталкивающие его, нарастающее солнце жгло и упрямо приятно всходило, тянуло, и Вивекананда пропускал эту тяжесть собою, но мимо, абы не сгореть.

И крики птиц вокрылых вооколо, и не кричать мне, а воспевать, и отпускающий шторм собою касается, прикосновениями сияющий, разватанный, громкий, пустышный громом полым.

Наперед одни раскрываются, устилается доля, по которой солнышко катится. Белоснежный, как мертвый, Вивекананда проникался, своими помыслами окружаясь, крыльями всполошенный, птицею обернувшийся, ничего не помнящий, Гарудою вспохваченный, силою своею слитый. Взметался Вивекананда крыльями телесными, и все проносилось в стороны, да Солнце несло высшее, за тебя, Солнце, выстою.

Восседай на мне, Господи, правь мною. Научи воспевать, и Солнце пускай рождается — прекрасное, чудное, несказанно красивое. Вытягивался Вивекананда, сжимая внутри отдачу свою, взмахивал огромными белыми крыльями, отдавался Вивекананда полету, несясь.

Глава 56

Здесь мироточит. Сызнова заворачивается, мироточит, и вокруг так вязко, словно и нет ничего вокруг. Осяянный солнцем, Вивекананда нехотя, но из самых последних сил, держался за себя самого, исподволь глядел на происходящее, отталкивался крыльями от вязкости, наталкиваясь грудью на толщи потоков.

Наружами рушусь, словно вверх — но в стороны, замирая, растрескивает солнце меня по сторонам, в разное, а я, Вивекананда, наблюдаю за этим, рвущийся изнутри лучами пронзительными. Пронзаюсь я лучами Солнца, давящим воздухом вдавливаемый, но крылья мои есть, и Солнце рождается.

И на помазание вымаливаюсь, и крыльями отталкиваюсь, и чтобы совершалось по произволу лучей солнечных. Господи, допусти! Наизворот душа моя, и размой меня как хотение, и ветер в поддержку, меня, Вивекананду, упокой в себе, Господи, допустив до себя, птичьим позывам научи, воспевать доверь. Крыльями хлынет Вивекананда, вытанцовывая полет, учась воспевать собою изнутреннее, цветком въявленное.

Моление воспроизводил Вивекананда. Себя подносил на ладонях, радовался тихо возможности этой, согревая внутри благодарение. Ветром отзывалось Вивекананде навстречу, и Солнце тянулось наверх, чтобы пригреться, Господи, рядом с тобой, чтобы пригреть из себя, выдаривая наизнанку свет, и Вивекананда верил в это, себя отдавая, пронизывался, очищаясь, тоже тянулось, согреваясь.

Птицею Вивекананда наверх исходился, восходи, Солнышко, восходи, яркое, теплое, восходи.

Очищенный, воздаюсь небу частями. Вот глаза мои, вот язык мой, вот уши мои, вот ноздри мои, вот ощупь моя, вот ум я, думающий, что он здесь, вот заворачивается все в круговерт Вивеканандой, замешивается, и, оппалемый солнцем, восходит Вивекананда в мироточении, но солнце восходит, заворачивается солнце в себя, выкружаясь, и отдаю я все, выдаю я все — и что есть у меня, и что было у меня, и что будет у меня — и в лучи это, в свет, в окружение заворачивающееся, вникающее в свое место в небе, собою сворачивающееся, выпуклостью рождающееся, наполняющееся, вышнее.

Глава 57

Солнце большое светило над миром. Еще за облаками белыми было солнце, но облака мягко перетекали одно в другое, влучаясь светом солнечным — тени от облаков сгребались, собою излучая зарождающееся тепло. По этим мягким лучам, еще в прохладной тени, и спускался на землю молодой риши Вивекананда.

Самое большое светило над миром. Хотелось Вивекананде и обернуться, чтобы всматриваться в солнце, видеть все оттенки, солнцем пропитанные, да и самому расплавиться в солнце, но уж спускался риши, отблеском свернув по глазам.

Вставало Солнце большое и красивое, широкое солнце вставало над миром, и с каждым мгновением пропитывался Вивекананда теплом, и Солнце, родившееся в небе ясном, оземь расширяющееся, ширилось собою на мир, и Вивекананда, на миг ощутивший внемь, подавался по солнечным бликам, упадая на свои сгоревшие крылья, любимые родные крылья, ибо во Солнце горит все, и мои крылья — тебе. Солнце взростало большое и сильное, и себя вытерять Вивекананда, пропуская через горло свое слова, вмерцая, и Солнышко, сильное и большое, большим объятьем вдыхало вокружение и выдыхало себя, оставляя вокружение в яви.

Большую птицу звал Вивекананда, с глазами глубокими и синими, чтобы собою птица выпорхнула широтою своею, рыкотой и сердцем Вивекананду приняла, и небь не рухнула, а опала наплывом, Солнцем мягко вдавливаемая, и Земля звала Вивекананду, и птицею небесною вынесен Вивекананда, и не успел Вивекананда разглядеть ее,

лишь уловить молочный теплый запах дальнего дома, как устремилась птица большая за спину, теряясь за глазами, что и не ухватить сейчас, вымелась птица в небо, у Солнца, у краешка его родимое, и Вивекананда все птице отдавал, все-все птице отдавал, и сходилась свет на каждой яви, и врождался, поводя собою, риши, и произрастал Вивекананда оземь, как перевернувшееся дерево, корнями впрысканное в Солнце, и произрастание мое, широтой солнце явленное, из себя словами оземь, выхоженное, возрастающее.

Вогорю я в Солнце и да растравит небо меня, и Господь зашьет душу мою да не вытечет моя жизнь. Внимать виденному иногда нет никаких сил, и Солнце — любимое, но врания, и распаляешься, и теряется в тебе желание жить, и умереть бы от обиды, от бессилия своего, истощности своей. И роняешься и высишься, но все глазами, ушами, языком, ноздрями, умом закрываешься и даже во мгновении находишь пустой, пронизывающий, мгновением вывернутый, но уж это ты сам, Вивекананда, вывернутый, вот в этом и твоя проворачиваемость, а ведь не в тебе происходящее, Вивекананда, выворачивает тебя искусно, а ведь тебя, Вивекананда, как не было, так и нет, да не убоишься ты этого, чего же ты, Вивекананда, боишься, вытерай себя, и Вивекананда на мгновение замирает, чувствуя за спиной большое теплое солнце, и хочется обернуться и высмотреть там себя самого, сгореть, испепелиться, выхватиться из мира в миг, чтобы и мир в миг, и замирает Вивекананда, вдыхая и выдыхая, без воздуха.

Облака заворачивали вокруг, солнце, отталкиваясь от Вивекананды, высвобождало тень, тень падала на землю, Вивекананда снова смотрел на тень, спиной внимая теплу солнца. Обернуться или нет? Разрушить или создать? Вивекананда смеялся с себя самого, но лишь потому, что смотрел на себя самого. Выпростай себя, и Бог с тобой.

Глава 58

И даже это я в себе умял. И даже этот въявленный произвол я в себе умял.

Риши скатывался с неба как зернышко, прыгая по лучинам светлым, и подхватывал его воздух, как недавно подхватила птица небесная, и весь воссолнечный был Вивекананда, и земля притягивалась к нему, а он притягивался к ней.

Пение птиц, высвободившихся в изнутринне, согревало Вивекананду, выпевался риши, успрятыв крылышки свои за Солнышком позади себя. Не приму я разрушения, не приму сотворения, да не приму своего принятия или отторжения, затанцевался свет, и внутри, заворачивая на явь, вдохни и выдохни, и Господь с тобой.

Упирается Вивекананда вершиною горы, высматривается кругами вокруг себя, вроде сызнава выдумать следует, выстрадать сызнава, сопоставиться, наизворот произвестись. Уперся Вивекананда, молодой риши, собою и горою, белое одеяние выскакивает по ветру, силится намерение цепями окружить себя да насытиться, и чтобы дышать стало тяжелее, а миру легче, али солнце нуждается — цепи вон, если нуждается — крепче стяжись цепями, Вивекананда, зорею будь.

Вивекананда выдерживал себя, но словно клонило гору к земле, чтобы изринуться преисподней, и сцепливался Вивекананда, упирался, а земля и источала, и выколыхивала Вивекананду, а Вивекананда цепи нацепил во себя, глядит на землю под облаками, и гора под ним пульсирует, отдавая ему, вдыхая его, хватывая его внимание,

чтобы словно солнышко в спину Вивекананде, а после из него да в землю солнышко, и из земли все, солнцем выполненное, да смотрел Вивекананда, уцепившись горою, да выкачивается все, лишь облака словно недвижимы, и солнце, родимое, словно замерло, и уцепился Вивекананда в этот миг, — и словно пути нет — и во солнце сгореть и в землю провалиться.

И еще бы взглянуть краем заоблачным на тебя, Солнышко, но жжет жаро, как голову поворачиваешь за спину, и послышно мне твое радужное напутствие, Солнышко, твои цепкие лучики, меня, Вивекананду, поддерживающие, и жжется в ладони моей, и раскрывает Вивекананда ладонь, не боясь уносящего ветра, и вспомнил Вивекананда о своем прощении выйти последним, если уж на то будет воля твоя, Господи, и как я не боюсь исполнения просьбы этой, но не за собою я иду, а за тобой, Господи, и высится за белоснежными облаками Солнце большое, и не я, Вивекананда, тому причиной, а Солнце взошло, мною идя.

И слышит за собою Вивекананда пение птиц, и сам себя Вивекананда не спас, ибо спасти может только Бог. Всматривается Вивекананда в зернышки в своей ладони, и лучи солнечные поддерживают его, и на изгоревших крыльях Вивекананда по лучинам спускается к земле, отпустивши вершину горы, и такие зернышки, словно солнышко, но не мои зернышки, а Солнца. Не выпадут из ладони моей, не выскользнут, и распахивается Вивекананда земле, умопомрачаясь, и как сердцем держит Вивекананда зернышки, как настоящий риши, каким ему ударовано стать, и тьмы глаз, ушей, рук, ноздрей, умознаний, от ада до рая, устремлены в Вивекананду, и ладонь Вивекананды, хоть и жжет, но жжется он сам, и я выбираю это, тобой, Господи,

направляемый, с твоих ветвей, засолненными для мира, и не мною выпрошено, а тобою дано. Лучи солнечные словно невидимой лесенкой до самой земли, и ветер изрывает силою своею тело и душу мои, наизворот меня изворачивая, снося меня, Вивекананду, выпевая, и я, катящийся, обучающийся петь, ибо слышал я пение птиц твоих, и сам я, Господи, птица твоя, выпеваю тебя собою, себя выпевая.

Сквозь большие пушистые облака снискался Вивекананда, молодой риши, и благодарность замирала на устах его, и птичьим кликом исходил голос его, и судьбою был ведом, Господом ведом, и в стороне, за высотностью глубокой, вскакивал за наружность облик любимого друга Эташи, не оставляющий Вивекананду, ибо некому и нечему оставить его, и слышал Вивекананда небесный стук копыт, и замыкался в сохранении зернышек в ладони своей, ибо не он их держит, краешком своего выхватывающего глаза схватывал Вивекананда отблеск Солнышка, и земля, вся глубокая собою, ревела, и Вивекананда скатывался ей навстречу.

Глава 59

Чем ближе Вивекананда к земле, тем и преисподняя к нему ближе. И снова может хочется замереть в тиши, но жжется в ладони, зернышки в ладони, которые следует посадить в земле, чтобы произрастало из них большое ветвистое дерево, чтобы укрывало древо, солнечностью покрывало сидящего под ним.

Грех снова отзывался на движения Вивекананды, снова земля тяжелым грузом проникала под кожу, но мне, Господи, ничего не нужно — как солнцем донесусь вверх, так и от солнца рухну вниз. Закрыв очи, молился Вивекананда, прося охранить, и звездочки возникали то здесь, то там, и снова Вивекананде все было непомерно. Земля взывала, приняв солнце как должное, а теперь жаждала плоти солнца, чтобы во смерти своей расцвести.

Краем глаза видел Вивекананда большого и сильного Брихаспати, воздевшего руки к небу. Краем глаза видел огромный Брихаспати рушащегося Вивекананду, и медленно поводил головою своею, не переставая молиться. Солнечные зернышки в руке Вивекананды становились все более плотными, отзывающимися, рушащимися навстречу земле, солнце выписывало солнцеворот, поддерживая спуск Вивекананды, не давая ему рухнуть в миг, бережно подставляло лучики на ход, ветер отзывчиво выколыхивал, вкружаясь повсюду, земля во всем времени приближалась, и готов бы Вивекананда, чтобы разверзнулась она до самого нижнего ада, и самое туда мне дорога, молодому риши Вивекананде, втягивает меня земля зыбучая, ревущая, погрязая сама в себе, видит земля

Вивекананду, выродившегося солнцем, и большие глаза земли словно не верили, но жаждали — съесть, сжевать, проглотить молодого риши. И все, за что оставалось держаться Вивекананде — солнечные зернышки, которые не сжевать, не сгрызть, капельки солнышка, отдавшего себя земле, вылюбившего землю, до самого ада.

Грех берет тебя обманом. Сначала грех неповоротливый, а затем обманом тебя в себя вбирает. Уж только солнечные зернышки придавали Вивекананде уверенности. Дышать было тяжелее, вдох с выдохом менялись местами, земля то выныривала из под глаз, то кружилась вокруг, ветер бил в лицо, Вивекананда уже не катился, но падал.

Грех заставляет забывать. Он заставляет тебя виться вокруг себя, словно сотворяет из тебя все, но грех не сотворяет, он рушит.

Рушился Вивекананда, молодой риши, рушился и забывался, усматривая кружащуюся землю, земля ревела, разрываясь, и расходилось все перед рушащимся разрушителем — все отворачивались, животные бежали, растения, кусты и древа склонялись от Вивекананды, даруя ему самую возможность разверзнуться, и это то, о чем просит Брихаспати, воздев руки к небу, вдавливаясь в прошение своей широкой грудью — рушился Вивекананда, и боялся этого, но зернышки солнечные придавали силы, и Вивекананда дышал быстро и прерывисто, не принимая себя в расчет, как и при совершении греха, и черти взымали к Вивекананде, жажда впиться в его тело и душу, и падал Вивекананда на растерзание, повторяя про себя слова молитвенные, что не убоюсь я ярости адовой, не убоюсь глаз сжигающих, ран кровоточащих, не убоюсь вины развращающей, не убоюсь яда адского, да будет мне уготовано то, что ты уготовил мне, Господи, и я словно переклады-

ваю на тебя ответственность, Господи, но возьми меня в ад, ибо за адом пришел я, и не убоюсь никаких слов своих, ибо верю в Тебя, Господи, сжимаю солнечные зернышки в ладони, и весь сам адским пламенем буду сожжен, но свет аду не подвластен, ибо все есть свет. Аминь.

Вивекананда уже как вроде ничего не помнил, ничего не видел вокруг крушения, и снова старался вдыхать и выдыхать, вочеловечивался, словно и умирал, но как звезда — падал Вивекананда, уже земля во всю его схватила, чтобы схоронить в себе, и немного боялся Вивекананда, но молитвою ясною разверзал, чтобы разверзнуть. Вивекананда, как ни боялся этого, рухнул. Вокруг ад.

Глава 60

А в аду — ад. Исторгнувшийся из нутра Вивекананды да наружу, облепливающий его да с одним желанием — чтобы все закончилось. Чтобы все закончилось так, чтобы и не начиналось никогда. И не иллюзия все, а ад невыносимый, но адский, ибо выносимый весь. В уповании тысяч глаз, не знающих — куда и откуда им виться, в самих себя утопающих, невыносимо тяжелых, но выносимых собою, словно и нет тебе ярости выйти, и желания нет выйти, да явь сама — ад, и ты, Вивекананда — явь, и кругами от яви да снова к тебе. Вроде как все берет наизнос тебя, сворачивай к себе самое, и давит как пытка, давит, и это — ад. Крепче сжимает Вивекананда солнечные блики в ладони своей, ибо произрасти бликам отсюда как зернышкам, чтобы из ада произрасти, да из ада мне, Вивекананда, подняться. Изжевывается весь риши, как ненужное, поглощается Вивекананда развернутой землею, и мир на первый взгляд не мил, и ничего не мило, уповаётся лишь Вивекананда солнечными зернышками, а то и нет у него ничего, хотя Бог есть. Сам себя опускаю в ад, сам выбираю это, но солнце в руке моей меня подталкивает, чтобы высадить солнце в аду, чтобы выгорело солнце собою здесь, хотя и не хочется мне, выдавливаемому, ничего, и не Господь бы, так уронил бы Вивекананда солнечные блики, да не сам несет, а солнце проникает в ад. И словно так и не вышло у Вивекананды, и словно солнце не вышло из него, словно всегда он, Вивекананда, адом был, собою исходя, да вить, нить — мера моя. Да солнечные блики в руке моей, и нет слез, и плакать не могу, потому что ничего и никого не

вижу, кроме себя, и все — обида, ненужность, снова Вивекананда возвращается в это, и ад — как дом, и только ада достоин я, но вот солнышка зернышки у меня в руке, и осматривается Вивекананда, словно и путь его завершается.

Вся боль — плоть моя. Вся обида — жажда. Всю боль в меня, Господи, пусть мне нестерпимо, но всем — свет. Выворачивает ад с изнанки наружу, и нет из ада никакого выхода, кроме сгореть в этом адском невидимом пламени, себя отдать аду, но вот сейчас держит Вивекананда солнечные блики в руке, и безвыходность пульсирует вокруг, невидимой темнотой поглощая, но и Солнце, бликами в руке Вивекананды, толкает риши дальше, и не трепещет Вивекананда во аде, и ад трепещет от этого, но не трепет важен, а солнечные блики в руке Вивекананды тянутся к земле адовой, потому что во тьме есть свет.

Вивекананда припал к земле и свободной рукой, ногтями, не жалея бессилия своего, начал выскребать выемку, такую маленькую выемку, ямку, и ад отдавал ему безразличием, не вникал ад, заставляя собою вникать в него, и выкапывал молодой риши место для солнечных зернышек, не смотря вокруг, ибо не на что смотреть.

И глаза ада припали к Вивекананде, наблюдая за увеличивающейся бесполезной выемкой в сухой земле, и нет у глаз сил ухмыльнуться, и глядел Вивекананда исподлобья, рукою выбрасывая сухость из ямки, а она, ямка, словно и не увеличивалась, а лишь сухостью поростала, жглась бессилием, хладной истошностью, подобием настоящего, и Вивекананда всю свою любовь отдавал, крепко сжимая в другой руке солнечные зернышки, и ад ничему не удивлялся, наполненный бесами изморенными и выползающими навстречу развороченной сухой земле, навстречу спустившемуся сюда риши, не веря ни в какие блики или

зернышки, ни во что не веря, лишь упиваясь своею собственной кровью, а Вивекананда не повинен был внимать этому, и смотрел на все увеличивающуюся ямку, подернутую сухостью, да сжимал в руке солнечные блики, все ускользающими от него, в ямку стремящиеся.

И скатились зернышки солнечные в выемку, и возсвятили собою, и двумя руками засыпал ямку Вивекананда сухой землею, и тысячи глаз припали к месту, где посадил Вивекананда солнечные блики, и уперся риши лбом в сухую землю и слезами появившимися оросил место это.

Прости, Господи, все отсюда, и до всего, никто не хотел зла, Господи, прости всех здесь, пусть Солнце покажет направления, и меня прости, Господи, за то, что обращаюсь к тебе, да пусть расцветет мир твоим цветком, тобою, да прости глупость нашу, и жажду тобою быть, во аду говорю это. Принимаю тебя без себя, расцвети, Господи.

Глава 61

Сомкнулся Вивекананда, и возблагодарил Господа. Ад сомкнулся вокруг него, как только он выпустил зернышки. Господь адом берет за горло, чтобы жалкое отражение песни вырвалось из твоего горла, Вивекананда. Жар поднимается из глубины адской одинаковой земли, передаваясь с каждым мгновением рукам и ногам Вивекананды, и сейчас, наконец-то, можно отдаться этому пламени, сомкнуться внутри в точку, поглощая ад. Вивекананда вытянул голову за спину, обращая ликом к новоявленному Солнцу — во рту набиралась слюна, глаза немели, но словно воздух, которого здесь не было, заходил в Вивекананду, и Вивекананда открывал рот, выпевая так, как умел сейчас.

И подхватило Вивекананду взрастающее дерево, отдающее свет, и ад опускается ниже. Адский вой слышен вокруг, тысячи глаз вцепились в произрастающее дерево, и адские сразу возжелали плодов его, но дерево с каждым настоящим моментом все взрастало, росло, и не суть, что это было — корни или ствол — Вивекананда уцепился за сущность произрастающего и крепко держался, глядя наверх. Ад дрожал. Выскабливался весь, выл, бросался в глаза пламенем, в уши — воем, в нос — запахом пепла, но Вивекананда, глядя на руки свои, уцепившиеся в одну из ветвей, устремлялся вместе с деревом наверх, выпевая горлом молитву, песнь наверх, и все обиды мне в грудь, все обиды съем, Господи, если заслуживаю, Господи, на тебя упование, прости нас, издерганных, и прислушался Вивекананда не к себе, но к дереву, ширящемуся, и пение птицы Вивекананды сливалось с ростом в единое.

Белое сильное дерево собою заполняло и поднималось все выше, из дерева свет исходил, и не было дерево не своим тут — собою было. Росло дерево само в себе, и в сердцевине — ослепляющий свет, а снаружи белое дерево, и извивается, высясь, всеми ветвями, и глаза Вивекананда крепко закрыл, обняв одну из ветвей, словно пустил себя по ветру, уцепившись в прекрасное дерево, не обращая на себя никакого внимания, словно высельник, уцепившись за ветвь дерева, задыхающийся ветром, и немели у Вивекананды конечности, и сам Вивекананда изнутри немел, и раскидывается дерево широтою своею, стремительностью, словно дерево и не из мира сего, но это дерево — мир, а вокруг все сжимается по краям, по сути своей, собою истирывается, и дерево пронзает, и Вивекананда зажмуривается от выпрошенной выси, и замыкается ком у Вивекананды внутри, и тихонько Вивекананда поет, молит, мне, Господи, себя не надо, но и себя приму, если на то воля Твоя, а может ли меня проткнуть это дерево, и закрыл Вивекананда глаза, доверяя всему безвозвратно, все еще помня кожей ладони солнечные блики, Господи, всем сердцем тебя люблю.

Дерево разомкнулось. Из сердцевины своей разомкнулось, выворотом из ничего во все. Большим намерением расширялось дерево во все стороны, сцепляя мир собою и в себе его удерживая, размыкая его, разветвляясь, взрослая. Ветви наполнялись, вытягивались, закручивались в спирали, тянулись — выгалкивалось дерево из солнечных бликов, собою не нарушая, но произрастая, и росло дерево само по себе, без участия, как река, как белые заворачивающие облака на голубом небе, как простивший все безудержный ливень, как огонь возгорающий, как все, что вы видели, только вот добавьте то, чего вы не видели ни-

когда и никогда не увидите, — так возрастало дерево белое, словно на вдохе возрастало, а на выдохе ширилось.

Вивекананда повис поперек одной из ветвей, глаза его были закрыты, ничего не ощущалось, и лишь слегка приоткрывал пересохшие губы Вивекананда, выпевая из себя. И дерево слышало его, словно сердце виною поддерживало его, не давая рухнуть, и, расширяясь, произрастала одна из ветвей под телом риши в гнездышко, где обнимет его дерево ветвями, подложит себя под голову, упорхнет собою под руки и за спину, произрастая Вивекананде ложем, гнездышком, теплотой своею тело и душу его встречая, возвращая, словно домой, чтобы цел Вивекананда и дальше, чтобы ничего не боялся, чтобы глядел из гнездышка певчей птичкой, ощущая крылья за спиною, открывая клюв свой лучам солнечным, подставляя себя происходящему, возрастая, как само это дерево из бликов солнечных, и укладывается Вивекананда удобнее, и обнимает его большое дерево, из себя глядящее на Вивекананду, и дышится ровно, спокойно, ничего не спешит, и Вивекананда мгновениями шевелит губами, улыбаясь, повторяя за происходящим, отдавая песней, замирая всем целым, ощущая в груди биение, выпевая, набираясь сил, все отдавая на Господа, все, Господи — твое.

С каждым мгновением дышать Вивекананде было свободнее, с каждым последующим настоящим Вивекананда, висевший поперек одной из круговоротящих ветвей, все снова открывался, расцветал, все сильнее и краше расцветало дерево, и каждое мгновение пробегало рядом, каждое живое мгновение наполнялось, возрастало еще одним завитком, каждое мгновение поддерживало мгновение, и во всем этом был Вивекананда сейчас. Солнечный свет заполнял все, лунный исходил остронь, Вивеканан-

да собою стирался с ветвью, исходившей цветением разных цветов, одним из которых я моллю себя принять, Господи, я моллю себя, Вивекананду, представить одним из расцветающих цветений, и как сыпалось из души моей, и Вивекананда собою всем ощущал высыхающее дерево, собою все заполняющее, отдающее все, произрастающее из сердцевины своей, и каждое цветение наполнялось цветами самых разных цветов — от белоснежных крохотных лепестков до глубокой синевы нежных сплетений, переливающей в светло-розовый желтый, темно-зеленый или любой другой цвет, который порождался возрастающим деревом, заполняющем всю действительность, впитывающим солнечный свет как во вне себя, так и изнутри, и в лабиринтах своей завершенности дерево выпархивало, и певчей птичке Вивекананде и словно остается что вверх крылышками да вниз, и ничего в этих движениях словно и нет, да лишь полет ощущает Вивекананда, расширяясь вместе с деревом, внимая каждому движению, раскрываясь, расцветая.

Глава 62

Я в лучшем случае нахожусь здесь. Покрываясь испариной, увязываясь. Каждое внутреннее движение откликаетсЯ невыносимостью, и постоянно хочется расслабить душу, вывернуться, опасть. Расцвел Вивекананда и снова тает, сковывается, как природное явление, и выносит Вивекананду в сторону, и я еле держусь, опадаю, но держусь собою, выкраиваясь. Все молитвы проходят мимо, все молитвы проходят вскользь, и вцветаетсЯ ты, скрываясь, наверняка молчишь.

И выхватишь молитву из себя самого, да вроде как и из внешнего. И все снова сворачиваетсЯ перед очами твоими, Вивекананда, и раскрываетсЯ Вивекананда навстречу, себя забывая, и наружу выталкиваетсЯ Вивекананда, словно легко отталкиваясь, и Вивекананда уж точно находился здесь, может и чувствуя под собою то, как ширится и разветвляется во все стороны дерево, а словно и бесплотностью наполняясь, чтобы из бесплотности расцвести.

Вивекананда все пытался вытолкнуть себя через чувства, словно и пытался отказаться от зрения, слуха, вкуса, осязания, запаха, но вот и вдавливалсЯ, чтобы и ничего не осталось внутри, чтобы мысли остались сами барахтаться в себе, чтобы затихло внутри до самой глубины, чтобы ощутил я мир настоящий, но останови свои старания, Вивекананда, и замирает Вивекананда, снова возвращается к ровному дыханию, и весь я, Господи, в твоих руках.

Лучится все из меня, рвется наружу, да в мгновении ссыпаетсЯ в уворот, и открывает глаза Вивекананда, выросший с огрубением и с новоявленностью своею, и

оглядывается Вивекананда, и лишь воспоминание о минувшем аде тревожит его, оставляя за собою вцветение. Расширилось большое ветвистое дерево, ухватывается Вивекананда крепче за ветвь руками и ногами, а то и всем собою, и рушение его разворачивается словно ближе пред его глазами, но я, Господи, всегда только твой, и рушение, которого я так, как оказалось, боюсь, уворачивается.

Оттолкнулся Вивекананда с большой благодарностью, оттолкнулся как соцветие, легким ветром несомое, и дерево возрастало надо всем миром, вцветая в этот мир. И на месте пустоты полной, оставленной с радостью солнцем, ощущал риши свое цветение, ощущал легкость ветра, несущего его, и крепко обнимал себя за плечи Вивекананда, отдаваясь порыву весь.

И спохватывается Вивекананда, словно ухватиться за что-то руками пытается, чтобы не упасть, и оборачивается вокруг себя, и все вокруг плещет, возрастая к большому-большому дереву, и наблюдает Вивекананда преобразование, и реки растекаются от древа, и выталкиваются растения по подобию, и все из себя живое тянется, и слышит Вивекананда вдалеке, а словно и рядом, мычание теплых коров, и видит Вивекананда высокий холм впереди, и туда мне путь.

Имея в себе и глаза, и уши, и ноздри, и рот, и язык, и ум, и не имея ничего этого в сущности, единою молитвою выхватился Вивекананда по тропе к холму. Все, изнутри и снаружи, было опорой всей, солнце светило высоко, все поднимало высоко к солнцу навстречу, Вивекананда смотрел на холм, как на себя.

Вивекананда взобрался на холм. Хотелось бы погрузиться в молчание, из себя его извлекая, выявить молчание снаружи. Вивекананда присел на небольшой обжатый пе-

нек, скрестил ноги, руки положил чуть выше колен. Не главами сотворена эта история. Не создана она глазами, ушами, носом, языком, руками. За историей вы слышите пение птиц. Птицы в моем уме, но где эти птицы? Призывая молчание, Вивекананда беспорядочно вдыхал и выдыхал, двигал руками, настраиваясь на молчание. Глубокое синее небо разворачивалось над ним, глубокий воздух разворачивался вокруг него, Вивекананда закрывал глаза, открывал глаза, не находя чувством места. О, молчание, берись из себя, наполняясь, вдохами и выдохами сытяться. О, молчание!

Глава 63

Молчание, замирает все. Я касаюсь действительности почти недвижно. Каждая действительность как плотность, молчание продавливают действительность.

На фон молчания положим вдох и выдох. Пусть вдох и выдох будут моим ориентиром, временным направлением, моей разыгранностью, начинанием. Во вдохе я нахожу вдох, выдох нахожу в выдохе, молчание исходит изнутри, но и исходит извне.

Отблески проступают сквозь плотности моих ощущений. В миг без опоры мое зрение, мой слух, нюх, вкус, мое осязание, без опоры мои мысли. В миге молчание, и отблеск всего, блестя изнутри, проступает сквозь каждую плотность. И заметил отблеск, и отблеск тебя заметил, и снова вернулись чувства и ум, и ты вернулся, и уже не такой как прежде. Сказка коснулась меня. Это мой путь в сказку, но уже мысли порождают себя, пора возвращаться ко вдохам и выдохам.

Беспокойство завладевает мной. И изнутри вырывается, и во вне все трепещет, словно горит, взгляд отскакивает от виденного, слух возвращается от всего слышанного, нюх забирается от всего отдающего запах, вкус сворачивается от всего вѣмливого, осязаемость сходит от всего касаемого, ум наворачивает от всего думанья, и от этого безысходного погружаюсь в беспокойный трепет, и я наблюдаю трепет, ведь каждое чувство наблюдает самое себя, а ум думает себя, но мои вдохи и выдохи — не мои чувства, мой ум — не мой ум. Молчание выворачивается беспокойным криком, но я сажусь у молчание, намереваясь учиться молчать.

А прорывается сумбур со всех сторон — и из меня рвется, и из вне рвется, и словно все и есть сумбур, реакции, чувства, мысли, я словно поверхностно скольжу по глупости, но сам ум принял решение, и наблюдаю, как ворочаются неповоротливые мысли, и как сложно, казалось бы, возвращаться во вдохи и выдохи, но ищу я в себе и во вне молчание между всем, я медленно вдыхаю, медленно выдыхаю. Медленно вдыхаю и выдыхаю.

И в молчании нахожу я свет, в котором нахожусь. Еще миг назад я во власти чувств и ума, но вот разлился свет на мгновение из центра молчания и наполнил меня, и в миг я не оказался где-то, куда нужно войти, я оказался самым входом, и в свете наполнился я бесконечной радостью, и в этот миг уворачиваюсь от себя, чтобы продолжать вдыхать и выдыхать, и свет впитывается в груди моей, из сердца идя, разливаясь собою, являясь.

Радость нарастала волной, пропадала, отходя, укрывала, захватывая, раскрывалась. Это не свет, который я нашел, это свет, который проявился — разливается свет, и словно сию я где-то еще, выныривая и восполняясь, грезами убаюканный, светом разлитый. Все складывается, сжимается, свет сжимается, намереваясь разжаться. Теперь я не боюсь потерять это, ибо это всегда со мной. Теперь я не боюсь потерять тебя, ибо ты всегда со мной. Я всегда с тобой.

На этом мгновении разжатия — сожмись, любви свет собою всем, но и ему опорой будь, после выдоха — снова вдохни.

Но сейчас выметает меня от чувства к чувству. Застраю в зрении и не могу выдернуться от того, что вижу. Застраю в слухе и только слышу и слышу. Застраю во вкусе и все ощущается на вкус. Застраю в поочередных и сливающихся

ся запахах, и все — запах. А ум мой! О, мой ум выметает меня из мысли в мысли, шариком отскакивающим, и мысли радеют друг о друге, и хочется вывернуться наизнанку, но что уж в этой изнанке, и здесь мы делаем глубокий вдох, немного задерживаем дыхание, и медленно, плавно выдыхаем.

Уже видели пронзительный свет, и отворачивались от него, чтобы увидеть, может, себя со стороны, и вот без света ничего не увидели, ничего не коснулись, ибо отскакивает все от себя, и все это неглубокое, и мелко вникать без молитвы. Я проведу рукой и в проведении нет ничего, я вдыхаю и я выдыхаю, я проведу рукой, Господа держа в сердце, и наполняется Иллюзия, и рассекаются стены чувств, рассыпаются бесплодные мысли, истошный глас наполняется отзывчивостью, хочется сказать, что все наполняется смыслом, но все наполняется.

На холме чуть сыро, веет прохладный воздух, Вивекананда поднимает глаза к небу и старается смотреть в небо собою, отдавая небу себя. Ноги затекают, спина ноет, Вивекананда касается пальцами коленей своих, двигая шеей, отпускает себя на выдохе, принимает себя на вдохе, невыносимо теряется между чувств и мыслей, но снова себя находит, находит слабое, еле уловимое, упрямство, чуть оглядывается вокруг, но не время сейчас оглядываться, слегка упирается, выпрямляя спину, и прикрывает глаза, давая всему на свете завладеть собой, находится, учится, вытворяя свет, намереваясь погрузиться в него.

Глава 64

Свет просачивается. Сначала тебе кажется, что он сочится к тебе, но он вокруг, это твое невосприятие позволяет на миг утонуть в поглощающей вспышке. Вивекананда намеревался держаться дыхания.

Зрение выворачивается наизнанку. Слух выворачивается наизнанку. Нюх выворачивается наизнанку. Вкус выворачивается наизнанку. Осязание выворачивается наизнанку. Любая твоя мысль вытягивается из себя в обратную, полую сторону — тебя не оказывается здесь. Не окажись здесь.

Небо окружало Вивекананду. Холм его поддерживал, укрываясь в прохладной тени широких ветвей. Солнце расплескивалось на белую и золотую сыпь, и теплом касалось щеки Вивекананды. Ветви шумно двигались, принимая ветер, тело и душа Вивекананды замерли, и Солнце там, за высокими порогами, заворачивалось и раскручивалось, всегда вечное Солнце, рожденное, раскрывалось нараспашку, и древо разворачивалось в золоте песчинок, танцующем свете, солнечных вихрях, всего, что прощает тебя, всего, что хочет видеть тебя, ждет тебя, всегда будет помнить о тебе, обнимает тебя, целует тебя, радуется тебе. И приникли голоса тысяч, миллионов птиц, встречающих, и среди них встраивал свой голос Вивекананда, тоже встречал, пел.

Глава 65

Резко все выросло, ширилось, как с высоты спадало. Не цеплялось за себя, приникало, плыло, вот здесь было, собою выплывало, сжимало, рвало, холм поднимало, несло во все стороны, дерево поднималось во все стороны, небо ширилось по все-все стороны, в объятии останавливается, молчит, взгляд погрязает во взгляде, чувства поглощаются чувствами, ум выдавливается умом, все уходит и ничего не остается навсегда, все без имени, все теряется, смотришь и не видишь, чувствуешь и не ощущаешь, исчезаешь, до последнего мгновения исчезаешь, простираешься, растирается все в стороны, и дышит дерево громко, вдыхает все, выдыхает, небо тянет дерево к себе, солнцем стянутое небо втягивает в себя на вдохе своем, а на выдохе позволяет дышать, холм движется, разворачивается, сворачивается, не задерживается, между всем скользит, выворачивается, может, рождается, но сама глубь из глубины выворачивается, наизнанку выказывается, все наизнанку высказывается, расходится, живет, и небо отдачею солнечной своей всему на свете выдарирует, сходит сквозь паузы и прорехи, надвигается большое небо, наваливается, распускается древо.

Распускается древо и все-все движется. Холм колышет, воздух колышется, исходит цветение из самой середины, и все расширяется от толчков, дает место тому, что растет, самому движению, небо сверху мягко склоняется, говорит, произносит так мягко, внимает, громами и дождями говорит, защищая большое круглое солнце, и Солнце отблесками сыпается, и все так расширяется, как на последний

вдох, на глубокий резкий вдох, самый настоящий вдох из воздуха, когда чувствам остается остаться здесь, когда все выворачивается наизнанку, и все вдыхает тебя, и ты не успеваешь уловить, где здесь ты, а где все. Выдыхаешь.

Глава 66

А на вдохе снова забираешь себя. В секунду тебя действительно здесь не оказывается. Это как оказаться между бровей своих, чуть впереди, ведь именно здесь ты находишься, и смотришь на себя. Но пусть образы ускользают, и вдыхаешь ты, наблюдая за вдохом медленным, и взглядывает Вивекананда в лицо свое, взглядывает сначала украдкой, исподволь, а потом все смелее, отчетливей. Вижу я сидящего Вивекананду, хмурит брови риши, пытается сидеть спокойно и недвижимо, хотя вот и всплеском внутри и нет, и пытаться вроде нужно чуть поменьше, но где-то внутри найдена опора, Господи, только ты опора моя.

И на вдохе уявляет Вивекананда всеядность свою, и на вдохе вдыхаю все неверие, всю обиду, всю неправду, и даже морок вдохну я и пережую, вдохну, чтобы стянулось все, как учит Солнце, и, может быть, становится похожим Вивекананда на Луну, которой всегда боялся, которой не хотел внимать, но лишь предчувствием своим Вивекананда видит восходящую луну, месяц, и принимается это во мне, и я смотрю на Вивекананду, который вдыхает, скрестив под собою ноги, и тяжело это впитывается Вивеканандой, но Вивекананда просит Господа дать ему сил на это выявление, на спокойное вдыхание, открывающую пред ним обратную сторону обратности, того, что замирает между каплями начинающегося дождя, и слышит риши разворачивание грома навколо, шелест развернутых листьев над собою, поводящие движения больших ветвей, укрывающих этот небольшой холм. Уютно, дождливо темнеет, из

под больших выросших ветвей солнечности видна большая круглая Луна, облака чуть задевают ее, Вивекананда с замиранием отдается внутренней песне, проскальзывающим звукам между пустотностями, и упирается открытый взгляд риши в большое полотно Луны, красивой, как сама наступившая ночь. У Вивекананды большие глаза. Вдыхаешь.

Глава 67

Погружался в себя Вивекананда и снова выныривал. Ощупывал расщепление собою, вдыхал и выдыхал. В замирании находился мгновение, снова волновался, прикасался к тихому мгновению, оборачивался, то возникая легким дуновением, то окаменевая цельностью.

Начинался дождь. Просторные большие капли падали на землю одна за другой и все вместе, достигали Вивекананды толчки, ширилась вокруг вода, наполняя с каждым замирающим мгновением землю вокруг, холм, травы, отзывалось каплям навстречу большое, уже не обхватывающееся чувствами дерево, проникали дождливые капли вниз, к корням, стекая плавно, отзываясь где-то шипением касания к огню, а где-то выдавливая огонь собою, передавая солнечному дереву отсветы Луны, полумесяцем ниспадающей за грозowymi пушистыми облаками. Ночь приникла к земле, любимая, как оказывается, ночь, и уже не боится темноты лунной Вивекананда, ибо впустил в себя лучи лунные, лезвием блеским мчащиеся по глазам.

Риши прикрыл глаза, еще раз вдохнул медленно и выдохнул. Шум дождя еще сильнее навалился на все вокруг, оставляя право и зашуметь дождем и пропускаться между каждой отдельной каплей. Вивекананда вдыхал и выдыхал, словно снова нащупывая внутри этот тихий и милый Господу отклик, звук, слово, движение, запах, вкус, эту бездумную мысль, теряющуюся в своем произведении. И в этом ненащупывании, отвлечении соприкасался Вивекананда и с собою, сидящем здесь, и тем, что у него находилось за собою, за его именем, ведь все, Господи, есть имя твое.

Дождь стихал. Вивекананда поднялся, смахнув с подола одеяния прилипшую мягкую траву и мокрую землю. Голос Вивекананды стих почти до беззвучия, мягкая луна выскользнула из-за облаков и рассыпала серебристое сияние, драгоценно мерцающее, еще осязаемое, но видимое. Вивекананда снова подумал о том, что мир предлагает выявленное решение, путь, и сейчас это мерцающий лунный путь, навёрстывающий себя, и страх выявлялся в Вивекананде, словно предлагалось ему предлагаемое, мерцающее, по которому выталкивают его идти, его, который все никак не может от себя отказаться.

Внутри ныло отсутствие солнца, тело продрогло, сумерки ощущались, а лунная дорога, словно вырезанная, оставалась словно одной единственной дорогой, которая ждет шага Вивекананды, которая предлагает себя, предлагает решение из явной безсолнечной пустоты, замещая собой солнце сейчас, лунными переливами предлагая восхождение, и стоял Вивекананда перед решением, иногда теряясь чувствами в этих мерцающих скачущих тиснениях, и так явственно я ощущаю влияние греха своего на появление выбора.

От этого осознания кажется Вивекананде, что блекнет дорога лунная. Я все и всех люблю. И Солнце люблю, и Луну люблю, но тебе, Господи, отдаю себя, и рассыпаются перед Вивеканандой дивные сады, оглушающие чистые водопады, берега сладости и неги, но научи быть как ты, Господи — светочем — и не возьму я от мира ничего, ибо не это я выбираю, помоги мне, Господи, выбрать тебя, помоги мне из себя тебя выдаривать за ни за что, но на все воля твоя, Господи! Свернулась радением дорога лунная, мерцание ушло из ушей, привкус серебра словно мгновение назад забылся, темнота сгустилась, капли дождя па-

дали с листьев на листья, на землю, в мягкую траву. Вивекананда подбирает руками подол одеяния и спускается с холма. Мне больше не нужно искать тебя, Господи. Я тебя нашел.

Глава 68

Наверняка выношусь я, Вивекананда, вниз, а по своей ли воле или не по своей, да что думать об этом или это ощущать, каждый шаг с тобою, Господи, с тобою никуда мне не страшно, вдыхаю этот мир, выдыхаю этот мир, да словно и не могу пережить этот мир, да переживаю, и сам рушусь, да ничего не касаюсь, а спускаюсь вниз, с холма спускаюсь вниз, и среди всего я вижу тебя, Господи, ибо ты среди нас, волнообразно спускаюсь, ибо человеческое мне чуждо, хочется вытягиваться лицом, но и не корова я, хочется телом тянуться, ибо душа тянется, здесь я держу себя во дыхании, и ничего не боюсь, потому что все — это ты, Господи, и раскручивает меня, и не буду я оборачиваться на лунные отсветы, яро ощущая отсутствие солнца внутри, тлею, тянусь, не нахожусь, не боюсь, спускаюсь с холма, да словно и хочу птицею быть, настоящею птицею быть, и лететь по небу да над землей, выпевая собою, пой, Вивекананда, да спускаюсь я, да пусть втянется вся боль всех в меня, а если не вся боль, то хоть сколько боли, я боль заберу, Господи, не отрекаюсь от слов своих, но да и по силам мне боль нести, спускается Вивекананда с холма, да и хочет, может быть, так небрежно оттолкнуться от склона, да взлететь, взмахивая своими крыльями, да стереть, не смотреть, не слышать, не касаться, не нюхать, не вкушать, не думать, да и вот разыгрываться, вбирая, да над каждым, да надо всем, и не потому, что, возможно, так правильно, а да потому, что это красиво, и потому, что в этом ты, Боже, в этом так много тебя, Господи, все это светится тобой, да научи меня, Господи, быть достойным тебя, выворачива-

юсь я весь, нисхождаюсь, и, словно, сворачиваюсь, да вот спускаюсь с холма, как шаг за шагом, может и косолапя, но твердо иду я, я тебя, Господи, в себя выжигаю, в тебе лишь сгореть, тобою сгореть, выпламя выразить, да не бояться никаких слов, ибо ты меня, Вивекананду, учишь говорить о тебе, Господи, и все так тянулся Вивекананда с холма, а Луна большая убегала вдаль, а Солнце большое надо всем переворачивалось по кругу, да лег Вивекананда в овраге влажном, прикрыв глаза и руки сложив на груди, да тепло стало риши, и никуда я не денусь сейчас, а прикроюсь сейчас, да и тепло мне очень, очень мне тепло, Господи, и можно даже посмотреть какой-то сон, сладкий тянущий сон убаюкивал, забирал, и земля такая теплая после дождя, принимающая, и забылся сном Вивекананда в овраге, и действительно тепло было вокруг него, и тепло отдавало холодом, но холод был таким теплым, словно и не был он холодом, а теплом был.

Глава 69

Светом я укрываюсь, тьмой поростаю внутри, вижу, касаюсь и слышу, останавливаюсь, терпимо себя вижу, солнцем родным укрываясь, луну родную внутри окрыляю тем, к чему мне не прикоснуться. Я закрываю глаза и доверяю всему, что происходит.

Просыпаться с твоим именем, ложиться спать с твоим именем, рождаться с тобою и с тобою умирать, быть с тобою, видеть твои отблески, проплывая мимо всего плохого, чего не касаюсь, видеть тебя за миром, любить тебя от всего сердца во всем. Лучами солнечными укрываясь, луну пряча в закромах, все из души и жизни — Твое.

Но мир не заканчивался. Он вроде и должен был закончиться, а я должен был выпростаться крыльями да охранить, но все сжалось, иллюзорно смешалось, стянулось, может, в себя, и вытянулось или зеркально отобразилось, все впустую думать об этом, а я вот, Вивекананда, здесь, не веря ничему происходящему, но доверяя всем собою, без остатка доверяя, отказываюсь я от всего, что называемо может быть, рассыпаться, выдерживая себя, но иногда, как, вероятно, сейчас, стоит проявить безумное терпение и ни на что не обратить внимания, уделяя себя молитве, происходящему как стороннему, уделить себя высказываемыми чувствами, потому что в мире миром заправляется, а ты небось соскочил и так ничего никому не сказал, а тобою, риши, явь — в явь.

Вивекананда, не замечая в себе себя, но сейчас и не пытаясь себя увидеть и найти, от радости своего ненахождения чуть было не вспыхнул, но сейчас не время вспыхи-

вать, не вспыхивается, собирается терпимость в груди, и приподнимает Вивекананда тело свое — сначала садится, поджав под себя ноги, затем поднимается, выкатывая наружу чувства, разбредаясь мыслями во все стороны, не фокусируясь, укрываясь лучами, луну сокрывая, являясь глупой глупостью, чтобы не быть уловленным, заарканенным, в находящемся таком проговаривании, отзываясь на каждый блик, улыбаясь Иллюзии до безумия, ворочаясь в ней, ухватываясь за всякое, но с доверием я к тебе, Господи, смотрю вокруг — земля ширится, небо высится, я с доверием к тебе, Господи, с любовью, зарождающейся во мне, тобою рожденной, светлой как свет, темной как тьма, высветленной во тьме, вытемняющей во свету, исходящейся, стелящейся, держим терпение, не стараясь удержать его. Впереди, чуть правее и выше, выглядел Вивекананда огни, и, втискиваясь в безропотный светлый рассвет, направился к ним, касаясь мягкой влажной травы, вбирая пальцами предрассветную росу, почти оставаясь здесь, но двигаясь.

А за деревьями показалось селение. То ли людей, то ли больших людей-птиц, которые смотрели на меня соучастливо, улыбаясь при этом в сторону, не сильно увлекаясь смотреть мне в глаза, ибо нечего там искать, не за чем стремиться. Терпимое сострадание коснулось Вивекананды, когда он вымылся, скинув с себя хоженое платье, когда его накормили белым мягким рисом, и сидел Вивекананда в комнате с открытым настежь окном, и приятный шум селения достигал его крайности.

Хотелось хоть немного задержаться и здесь, на этом птичьем возвышении, и Вивекананда силился удержаться, но миг пропадал за мигом, и это было для Вивекананды одновременно болезненно и прекрасно. Комната широ-

кая и чистая, глубокая своим воздухом, стены обшиты деревом, и за окном возвышалось небо, и здесь Вивекананда учился терпению. Иногда слышался птичий возглас, и в нем чувствовались любовь и прошение, а после слышался возглас в ответ, и в этом ответе была милосердная поступь, внимание, словно вот-вот и вы услышите трепет забившихся крыльев.

Вивекананда чувствовал, что все селение наблюдает за ним, и помыслы свои никуда не спрятать, и никуда он не собирался их прятать, а учился проплывать мимо них, не взирая в себя, а проскальзывая мимо, готовясь плыть и касаться своего движения.

Большой любовью в комнату влился бесшумный родной свет, отблеск этого света заполнил в комнате все, и Вивекананда поднял глаза, не боясь никогда утонуть в свете. И большой свет проник в грудь Вивекананды, так легко коснулся он всего детского и тайного, всего, что закрывалось, и все стало открытым. Забились в комнате широкие крылья прекрасного, но Вивекананда не видел этих крыльев, а под лопатками забилося у него в ответ — от безумной спокойной радости, от возникновения того, что идет за терпением. Хотелось торопиться, но Вивекананда внутри себя останавливал, ибо бесконечность света никуда не исчезала, и из себя свет подталкивал Вивекананду еще понаходиться здесь и даже не пытаться проникнуться крыльями, а терпеливо принимать, держа сердце и душу открытыми. Вивекананда от радости улыбался, часто моргал глазами, и все птичье радо отзывалось Вивекананде в ответ, так сердечно и свято здесь было. Еще мгновение, и большой свет истек из комнаты, и Вивекананда заметил, что за окном сумерки. Веяло прохладой, спокойствием, и риши встал с пола, только краем отблеска замечая от-

свечивания на своем теле. Под лопатками чутко ныло, и риши забрался под тяжелое одеяло на кровати, которая мягко стояла под открытым окном.

Звезды проклевывались, поток лунного сияния был где-то позади, за крышей, и Вивекананда уснул, отзываясь всем своим отсутствием этому месту. Иногда он слышал мягкий шелест крыльев, и от груди отзывалось ему теплотой, и он вспоминал, уже почти во сне, большой светлый свет, и ширился вместе с ним, чуть ерзая под теплым белым одеялом. Сон наплыл на Вивекананду волной, омывая его, и крылышки под его лопатками замерли, успокоились, дали себе покой. Через некоторое время вокруг стало тихо, а если кто что и слышал, то это месяц улыбался, играя с облаками в тишь.

Глава 70

Мы играли. Хватались руками за стволы высоких деревьев, дышали прозрачностью, смотрели друг в друга глубоко, позволяя каждому быть рядом. Вивекананду переполняла почти невыносимая радость, что его приняли, что его любили, что с ним играли, улыбались ему, все сердца ему отдавали, и он отдавал сердце свое безответно, нараспашку, без остатка, ничего себе не оставляя. Они были среди холмистого, утреннего леса, ощущалась явная близость свежих холодных родников и кристально-чистой реки, ощущались движения добрых животных, и изобилие в воздухе изливалось в каждом мгновении. Утро обнимало так крепко-крепко, так оно было радо, что и ты, Вивекананда, здесь, и утро тоже отдавало себя с избытком, щурясь за деревьями, наблюдая за игрой предчувствием раскрытых крыльев, света, раскрываясь каждому изнутри наружу, вбирая все в себя.

Нахождение здесь требовало от Вивекананды больших душевных сил, но, играя, Вивекананда больно ощущал, что нахождение здесь требовало всех его сил. В один миг вся сила риши утекала, и в этот же миг свет наполнял его глотком бесконечного потока, и Вивекананда был рад отдать все из себя и рад был все принять в себя, но это щекоцущее ощущение неразрывности необычно давило, разворачивалось сторонами.

— Не бойся, Вивекананда, это крылья растут.

Он тонул в глубоких глазах людей-птиц, его хватали руками, втаскивали хороводом в танец, забывали о нем, отдавая все, что только есть, снова вспоминали о нем, под-

хватывали его, и риши блаженно млел, теряясь в бликах белых лучей, которые все утро поглощали собой, принимая все утро в себя, умирая в своем свете, выдаривая себя без страха.

Это была игра ради самой игры, ради нахождения здесь. Вивекананда видел все как воспоминание, как вроде не он здесь был, а воспоминание об этом. Это также сдавливало, хотелось вздохнуть полной грудью, улучшить себя в это утро и в эту игру, хотелось плакать, чтобы слезы лились потоком, чтобы слезы смывали все плохое, чтобы все это оказалось настоящей правдой, но Вивекананда старался не держаться за эту предлагаемую радость, потому что, как только он начинал за нее держаться, она млела и светом прозрачно растворялась, и крылья замирали, и ты забывал о крыльях, падая. Поэтому Вивекананда не держался за этот сияющий свет, за это утро, мягко находясь между взглядами людей-птиц, которые учили его летать.

Сейчас земля была под ногами, и Вивекананда ее мягко касался ногами, отталкивался, и под лопатками с каждым толчком пульсировало, и мгновениями риши опирался на руки людей-птиц, которые не оставляли его, кружили вокруг него, вместе с ним упиваясь глубоким лесом, но стремясь ввысь и подтягивая Вивекананду все чуть выше и выше, давая ему все больше пространства, чуть больше свободы, и Вивекананда все отдавал, словно лишаясь лишнего, все хочу отдать, и мягкие взгляды поддерживали его, отпускали, и снова давали опору, но всего лишь вот опора, а вот ее уже и нет. Вечером он забирался комочком в кровать и сладко засыпал утомленный, и свет наполнял комнату, и большое теплое одеяло укрывало, и в нем стискивался сонный Вивекананда, мягко закрывая глаза.

На следующий день у меня не получалось, но помнил я о терпении, и свет позабытым мгновением оказывался у меня внутри, подхватив меня и снова отпуская. Свет был мне соучастлив, тело отзывалось и забывало себя, я забывал о крыльях, в которые верил и, может быть, ждал их, но вот схватить собою не удавалось, и я уже твердо знал, что хватать ничего не нужно, светом распространится, а уж думать или чувствовать здесь точно не следует, хотя можешь, конечно, можешь, но небо дает опору, Господь дает опору. Вивекананда взглядывался в небесный простор между огромными стволами деревьев, и люди-птицы скользили рядом, поддерживая, подталкивая совсем немного, как ребенка, и хотелось от благодарности Вивекананде плакать, и даже хотелось замереть, чтобы выплакаться, и краем себя подумал Вивекананда о том, что будет плакать вечером, перед сном, а сейчас снова удерживал молитву внутреннюю, хоть на несколько мгновений удерживая, и птицы кружили вокруг, но еще не мог Вивекананда воочию увидеть полет, ибо о каком полете могла идти речь, если спотыкался еще Вивекананда собою, но вот где-то забытым мгновением, словно бы ранее вспомненным, слышал Вивекананда шелест широких теплых крыльев, и небо надвигалось, и словно он вот увидит их, но закрывал Вивекананда глаза, улыбаясь, отталкиваясь от пульсирующих крыльев в себе, укрываясь молитвою.

Вечером я плакал от обиды за самого себя. И в какой-то момент меня остро пронзило — перед каждым грехом Господь дарует пустотность, паузу, такой вот подарок, пронаблюдай, Вивекананда, в этой паузе ты еще не грешишь, а вот еще, и ты не грешишь уже. Вивекананда поворачивал глазами в этой паузе, предчувствуя истину, слезы высохли

в миг, и риши уткнулся головой в подушку, помня о терпении и учась забывать себя.

На третий день был мрак, и я трепыхался в нем. Колыхался со стороны на сторону, переворачивался, ничего не видя, но уже не пытался нащупать опору, отдавался тебе, со всем доверием отдавал душу Вивекананда, в тот же миг получая ее обратно. Люди-птицы уже с большим любопытством наблюдали за Вивеканандой, усевшись на ветвях больших деревьев, наблюдали, как за воспоминанием о самих себе, и свет был во мраке, исходясь светом. Теперь он учился гореть в несовершившемся помысле, метаться, трепыхаться от этого, благодарить за боль, быть во мраке, и не бояться в нем быть, исходить из него собою, выхватывать еле осязаемое трепыхание крылышек, которые наполняли спину невидимой тяжестью, хотя ничего еще не прорезалось, Вивекананда отдавался порывам, находя и ощущая вокруг то, о чем всегда знал, и молитва моя, Господи, к тебе.

Господи, без тебя ничего нельзя совершить. Без тебя не переплыть эту реку, без тебя не превзойти помыслы, без тебя нет никаких крыльев, ибо ты родитель. Боже, для меня большая честь обращаться к тебе, все есть твоей обителью, пусть и я — и душа моя, и сердце, и тело — буду твоим пристанищем, пусть буду достойным этого, научи, Господи, быть достойным тебя, научи быть похожим на тебя, ибо ты — пример для всего.

Вивекананда не открывал глаз, не настраиваясь на свои крылышки, но старался и не думать о них и не чувствовать пульсацию под лопатками, которую мог себе и выдумать, и соприкасаюсь я со всем происходившим, и мне становится легко, а мрак мелькал за глазами, терялся Вивекананда во мраке, но уж не боялся в нем потеряться,

не боялся забыться, не боялся жить, не боялся умереть, не боялся находиться здесь запутанным, мелькающим во мраке. Мгновениями Вивекананда слышал порхание людей-птиц, которые своим полетом поддерживали и учили, но которые не стремились летать собою, а были рядом, порхали, кружа рядом с Вивеканандой и в стороне от него, и даже совсем не рядом с ним, кружили так, словно и не было никогда Вивекананды, как словно его и не было сейчас здесь, как словно его никогда и не будет, и этот полет учил, оберегал, более, чем что-либо, ясно изъяснялся, поддерживал, вдохновлял, соприкасался в душе с чем-то таким, чего в душе словно и не было, что было и есть у тебя, Вивекананда, за спиной, за всем тобою. После, укладывая себя спать, Вивекананда крепко заплющивал глаза, с каждым мгновением доверяя и отдаваясь тому необыкновенному и волшебному чуду, которое с ним происходило. Я люблю тебя, Господи! Я очень тебя люблю!

На четвертый день воспряла решимость о глубокой молитве. Вивекананда остро понял, что от всего, что предлагается, надобно отказываться, ибо Господь не предлагает, но дает. В этот день была тишина в селении, крылья была сложены, дома заперты, природа вокруг вобрала саму в себя, и люди-птицы расположились полукругом. Вивекананда сидел среди них и внимал. Молчание проникало в сердце Вивекананды, не предлагаемыми богатствами раскрывалось молчание, но терпением и отречением. Вивекананде хотелось улучшить момент и разглядеть людей-птиц более внимательно, но, подталкиваемый молчанием, Вивекананда подумал о Господе, а также о том, на что он готов ради Господа. Закрыв глаза, Вивекананда слышал дыхание людей-птиц, слышал собственное дыхание, и

внутри ощутил тепло, свою зарождающуюся искренность, свою правду, любовь.

В уповании на Тебя, Господи, я живу. Мне не победить грех, а только противиться ему, ибо только Тебе по силам победить грех. Преклоняю колени, Господи, перед Тобою, у Твоих ног кладу себя, и моя решимость — быть с Тобою. Направь, Господи, истинным радением, укрепи душу и сердце мои, отверзни мои очи от греха, после того, как я закрыю очи и отверзну от греха взгляд. Господи, прими мое покаяние. Мне не нужна сила претворяться собою, и научи терпению, Господи, на этом пути. Я могу гневно разрушать мир до беспамятства, но не этим я создан, а Тобою создан, но своим нерадением изъят, и самолично отворачиваюсь от Тебя, по своей собственной глупости, ибо хочу поворачиваться к Тебе, быть с Тобою, и не потому, что это дает мне выгоду, хотя эта мысль лукаво гниет внутри, но потому, что хочу быть с Тобою, ибо Ты, Господи, есть. Неверно проникать в грех — оставляю это, рассматривать себя как начало — оставляю это, пусть я вечность буду адом испытанный за грехи свои, пусть смертен буду всегда — но вижу Тебя, Господи, и Ты мне близок, Тебя я люблю, и Тобою сотворен. Никуда не спешу, Господи, терпению учусь рядом с людьми-птицами, каюсь, Господи, перед Тобою во всем, что несправедно во мне, прости, Господи, если не так я на это указываю, я боюсь греха, боюсь своей лживости. Господи, прими мою молитву.

Далее Вивекананда перестал считать дни и увидел, что терпение являет и что приносит. Вовлекаясь в тепло людей-птиц, Вивекананда ел вместе с ними, дышал с ними, рядом с ними молился. Иногда ненужные мысли снова выстраивались, но в тот же миг Вивекананда был окружен большими теплыми крыльями, предчувствием бесконечно-

го чуда, и не соприкасался Вивекананда с собою, не возникал изнутри, а здесь был, укутанный теплыми крыльями, охраняемый, любимый. Иногда, на какую-то долю мгновения, кто-то подмигивал ему, обращая взор к небу. Вивекананда тоже поднимал голову, незримо взглядывался, и сам себя рушил, чтобы не смотреть собою, а небо видеть. Вивекананда понимал, что это лишь мгновение, задумчивый выдох перед глубоким вдохом, и все сильнее ощущал движения у себя под лопатками, все острее, пронзительнее. Каждое движение крыльев отдавало в пространство, эти движения ощущали все, и только крепче сжимались вокруг Вивекананды, уделяя ему тепло и любовь, утешение, научая терпеливо быть, молиться, не ждать, но находиться в этом, уповать, терпеливо теплеть, распахиваться, снова учиться вдыхать и выдыхать, принимать и отдавать, являясь.

И терпение выливается в стойкость, и может от стойкости этой тошно, но не мне выдумывать, мне терпеть стоит, высмирить. И терпение возрастает в груди Вивекананды камнем, и живое рушится, а что мне вытерпеть — это сейчас знаю, и вытерплю.

Это словно последние мгновения, в которые успеваешь себя всхватить. Словно замираешь ты взвинченной в тебя мыслью, мертвым избытком, гиблым запахом, но внутри себя я верую в тебя, Господи, и молю Тебя о пощаде, и при этих мгновениях заглядывают люди-птицы в глаза Вивекананды, поддерживая его, подталкивая его, обнимая его большими крыльями, обнаруживая свет собою во всем и в самом Вивекананде. Я вижу, Господи, чудо твое, я вижу, Господи, что чудо есть, верую в чудо, Господи, верую в Чудо, Господи, в Тебя, Господи, верую!

Вивекананда боялся, но с Тобою, Господи, я ничего не боюсь. Во всей ширине неба Вивекананда сейчас учился

растворяться, растопить себя, и намерение было уже принято, и это был прощальный взгляд забытого воспоминания, которое было и близким и омерзительным, ибо в этом воспоминании я отворачивался от тебя, Господи, от Тебя, Господи, не ждал ничего, и холодно было в этом воспоминании, невыносимо холодно, и пустое оно было до сути своей, а любо сердцу мне это забытое воспоминание, ибо вижу я в сути тебя, Господи, и в тебе надежда, что вижу я ветер, небо, слышу и чувствую шелест всего вокруг, и это Ты, Господи, а все, что я построил без Тебя — пыль.

Небо раскинулось над Вивеканандой. Он морщился от глупой высказанности, и понимал, что хочет говорить о другом, я хочу, Господи, говорить, петь, вдыхать и выдыхать о тебе. Тянуло ширью Вивекананду, и люди-птицы отталкивались от земли сами и подталкивали Вивекананду. Прости меня, Господи, помилуй, Господи, мои сердце и душа и тело — твои, Господи.

И раскрылись за спиной Вивекананды большие крылья, и завернулся Вивекананда в них, и шелест крыльев людей-птиц окружал его, и всю боль, Боже, я приму и принимаю, возвещать о Тебе — моя доля, и спохватывало дыхание, и летел Вивекананда сквозь мир, учась беречь Бога внутри. Господи, на все воля Твоя.

Глава 71

Заглянул Вивекананда через холмы. Большими крыльями укрылся и по-птичьи клокотал. Ветер раскрывался навстречу, следы на песке угасали, большая вода омывала берег, втягивая в себя чувства. Вивекананда больше не помещал себя, за собою терял себя, смеялся с себя, мигал птичьими глазами, изрождая хоть чуточку света изнутри наружу. Не моими руками строится мир — Твоими, Господи. Не моими силами я — Твоими, Господи. Крылья Вивекананды мягко поднимались, Вивекананда при вдохе поднимал их лучистую теплую плотность. При выдохе опускал, расслабляя тело и душу.

По кирпичикам разбирал себя Вивекананда, чтобы не осталось ни единого кирпичика, ни единой мысли, ни единой цели, ни единого помысла, ибо пронаблюдал все это Вивекананда в себе, и все это громкое привело лишь к смертельной усталости и отчаянию. Большие крылья двигал собою Вивекананда, наблюдая происходящее за холмами. А за холмами все двигалось, потягиваясь к Господу, и по-птичьи кликал Вивекананда, принимая сердцем, учась держать это тепло в груди, зарождающееся тепло, которое хотелось бы передать всему и всем, но размывал Вивекананда все вокруг, не цепляясь, отпускал, не совершал, учил себя непрестанно молиться, и так это тепло внутри не гасло, принимая в себя свет и отдавая его — сначала по крупичкам, а дальше так, как этого потребует Господу, а не мне, ибо не я есть свет, а Господь, не я шел к Солнцу, а Солнце вело мною, и с каждым вдохом крылья Вивекананды раскрывались сильнее, с каждым выдохом расширялись, отдавая себя.

Посмотрит тебе в глаза твой враг, и отдай ему весь свой взгляд, и не бойся врага. Раздерет тебя враг взглядом, до самой глубины досмотрит, а ты ему весь откройся, ничего не скрывай, ибо в тебе Господь. Увидит в тебе враг Господа в центре тебя, и замрет враг. И не нужно тебе бить врага, ибо зародит Господь во враге себя самого, и враг усомнится в себе самом, и это все произойдет в душе и в сердце и в теле твоих. Не изменить тебе врага, не изменить тебе помысел, но отдай Господу правление, ибо создает он тобою и всем, что видишь ты вокруг. Заметь в себе, что все твое без Господа — руина, но не потому, что так есть, а потому, что сам ты творишь и разрушаешь, ибо создаешь не для того, чтобы создать, а для того, чтобы себя явить. Небо раскинулось всей плотностью вокруг, Вивекананда лежал на земле, укрывшись крыльями, кликая по-птичьи и глядя через холмы.

Глава 72

Мой незаменимый друг, моя опора, моя любовь и мое отражение. Я чувствую тебя, Эташа, рядом, и от этого мне теплее всегда. Я кличу тебя, Эташа, мой верный друг, мое стенание, знаю, ты ощущаешь. Я благодарен тебе, что могу ничего тебе не говорить, не выказываться, благодарен тебе за то, что ты рядом всегда. Смотри, Эташа, у меня крылья! Эташа, я сам словно не верю, но сейчас я верю более, чем существую, я научаюсь, Эташа, отказываться, отказывать самому себе, ибо я слышу, Эташа, в себе это шипение, это шипение вокруг, подступающее, вызывающее боль, но я, Эташа, смотрю этому в глаза, чтобы это видело меня, и видело, что отказываю я, и боюсь я, и словно не боюсь, но и боюсь не бояться, но посмотри, Эташа, у меня крылья, они есть, приди, мой любимый друг, приди, Эташа, приди.

Белый конь срывается со стороны, Вивекананда вскидывается на спину его, облекая большими и теплыми крыльями тело Эташи, мерный и родной храп коня проникает Вивекананде в нутро его, под сердце, и благодарю я Господа за этого белоснежного коня, друга моего, и прошу тебя, Господи, дать волю и мне быть ему другом. Милый Эташа, быть мне плотью от плоти твоей, быть мне светом от света твоего, Тебе, Господи, поклон.

Глаза Эташи смеялись, глядя на Вивекананду. Выскакивал конь по облакам звонкими копытами, врачевал душу и сердце Вивекананды, снова находил и приходил на зов, хранителем всегда был и есть.

Глава 73

Перевалами, полями, над морями и океанами, лесами, болотами, пустынями, сквозь джунгли и степи, поверх вышин и низин, с оглядкой завершается история о Вивекананде. Мы с вами рыскаем взглядом по миру и не можем уловить, но вот, в стороне, за нашими глазами рдеет отблеск, и мы хватаемся туда, а его уже и нет там. А вот знакомый запах, и мы поводим носом, но и запах ушел, оставив по себе отклик только что вспомненного, но забытого, радостного. И коснулось нас движением от копыт Эташи, и мы повернулись за движением, но уж пусто. И услышали за спиной, но звук ушел, оставив по себе право воспроизвести его, но самого звука и нет, и сердце лишь помнит о нем. И на вкус ощути́м прошедшее, и воздухом вкус пропадет. И ум попытается схватить мыслью, но не успеет, стихнет мысль, ибо все забудем. Но сожмется сердце, всколыхнется сердце, и скачет окрыленный Вивекананда, обнимая Эташу за сильную белоснежную шею. Улыбаются глаза Эташи, скачет он по облакам надо всем, и боится немного риши, но набирается смелости. Все может стать мраком, но ты, Господи — свет. В себе и всюду нахожу утешение, в тебе нахожу любовь, и Вивекананда крепче обнял шею Эташи, приникая к нему, скачущему звонко по раскрывающимся облакам.

Вивекананда обратил внимание наружу. Со всех сторон, выныривая из-за облаков, скользя по белым солнечным лучам, искрились крылья людей-птиц, но лишь подумал Вивекананда мысль, как пропали очертания людей, лишь птицы большие летели рядом, оборачиваясь вокруг

себя, отдаваясь воздуху, поглядывая на Вивекананду. Вытягивалась и дальше шея Вивекананды, челюсть его сводило, и Эташа под ним начал отряхиваться, двигать крупом.

— Ох прыгай, Вивекананда, да ничего не бойся, да разразит тебя, но крылья выпростай, — так словно прошептал Эташа в самую суть Вивекананды, да замерло сердце молодого риши от совершающегося события, да духом своим и телом отпустил Вивекананда Эташу, и всколыхнулся под ним конь родной да выскользнул, перебирая собою в воздухе.

Отринулся Вивекананда. Отпустил себя и духом и телом, и выпустился широкими крыльями, и затрепетало вокруг все, и птицы затрепетали вокруг, выпевая, и слышал Вивекананда близкий отклик Эташи, гарцующего по облакам.

И тишина. Остановлюсь я в молитве к тебе, Боже. Весь из Тебя состою, всего Тебя отдавать мне. От праха до вечности, Боже, и обратно. Нет слов, Господи, я Тебя вижу.

И прорезалась в тишине птичья шея Вивекананды, и снова запел риши, и не слышал в тишине полной звуков своих, и большими крыльями свершался и нырял Вивекананда меж облаками, и глаза близкие птиц были так рядом, что, казалось, сердце сейчас разорвется. Но так и пел Вивекананда от всей обратной стороны сердца, ничего себе не оставляя, ничем не являясь, вытягивая себя из нутра своего, изнутри моя песнь идет, и песнь эта о Тебе.

Разразилось и нахлынуло, и всник голос риши, и слышал риши тысячи голосов, и как руками выдерживались струны души его и всех, и слились голоса птиц в единую отдачу, и красота заполнила все вокруг, то стихая, то нарастая сказочностью, и от песни этой все сдвигалось, и мрак уходил в глубины, и в глубинах мрак находил свет,

и отдался Вивекананда всему этому, и навеки мне петь, Господи, песнь о Тебе, навеки рассыпаться в свете, навеки лететь или плыть в небе, и еще чуть было человеческого в Вивекананде, и заметил краем птичьего глаза Вивекананда Эташу, и всмотрелся Эташа во взгляд Вивекананды и заржал, отражаясь светом, и ринулся сам в песнь, расходясь, и словно запел Вивекананда еще громче, и не стало Вивекананды, и запелось вокруг, стаскивая все в себя, нараспашку Богу, и свет проник в животы наши, в тела и души и сердца наши, и нашли мы в себе Опору, и в свете слышим мы пение птиц. Но где эти птицы? Здесь.

Глава 74

Было солнечно, живо, вкусно пахло обедом, который готовили взрослые, — дышалось легко и свободно. Мальчик, уцепившись руками за ветку, смотрел в небо, закинув голову и скрестив ноги в полуметре над землей. “Что уж там в небе есть такого, чего я не видел”, — думал мальчик, и, закрыв глаза, разжал ладони, падая вниз и представляя, что падает вверх, погружаясь в глубокое небо как в туманное облако.

За углом, около крыльца, разговаривали — мальчик слышал неразборчивую речь и чувствовал движения рук — должно быть, взрослые решали что-то касательно багажа, также дожидаясь обеда. Мальчик словил зрачком солнечный луч, попытался утонуть в нем, но испугался, что прямой луч лишит его зрения, и закрыл глаза ладонями. “Как удивительно ничего не видеть”, — размышлял мальчик. Через мгновение он уже лежал в траве, раскинув руки и продолжая смотреть в небо.

Облака выгибались, скручивались друг в друга, белой пушистостью вырисовывались по голубой глади. Кое-где плавно мелькали птицы, кое-где виделись прозрачные звезды, хотя, скорее всего, они мерещились мальчику, зазывая в свою сторону. Свежий ветер смешал волосы мальчика с травой, грудь наполнялась воздухом, и небо было близко к глазам. Вдруг что-то кольнуло его в щеку — он резко привстал, потирая левую часть лица, и услышал за спиною звонкий смех. Девочка хитро поглядывала из-за дерева, держа в кулаке горсть крохотных камешков, которые она собрала рядом с крыльцом.

— Ну, перестань, — мечтательно протянул мальчик и снова повалился головой в мягкую траву.

— Что ты делаешь?

Девочка присела и высыпала камешки горочкой возле дерева, затем, проведя по подолу платья, прыгнула в траву. Мальчик скосил глаза и наблюдал, как она, тоже смешав свои волосы с травой, раскинула руки, лежа рядом.

— Вещи уже собрали, — девочка глубоко вдохнула и надула щеки.

Мальчик хотел нахмуриться, но небо снова упало всей плоскостью в его глаза — он тоже вдохнул и медленно выдохнул.

Уезжать не хотелось. Время, которое провели они здесь, в школе, вдруг сжалось до всей синевы неба над ними, до точки, в которой сейчас они находились. Солнце рассыпалось повсюду, но на детей падало частями, отбиваясь ветвями и листьями. Вокруг все жило, двигалось, голоса взрослых были далеко и к ним не хотелось прислушиваться. Не потому, что взрослые говорят одни глупости, а потому, что совсем ни к чему не хотелось прислушиваться, не хотелось ни во что вникать, так как небо мягко завладевало детьми. Не держало тисками небо — укрывало пушистыми облаками, дарило простор и свободу, такое было все высокое и прекрасное, большое небо, до глубины своей огромное.

Запах обеда вдруг стал ненужным. Дети слышали как переливаются слова за углом, и непереносимость ввязывалась внутри, тянуло, чуть давило. Мальчик привстал на руках и потряхнул головой. Девочка смотрела на него большими глазами. Облако прикрыло солнце и тень расплескалась рядом. Шуршание насекомых стихло, где-то подумалось о дожде, мальчик еще раз потряхнул головой, не понимая, куда следует деть свои чувства.

— Что с тобой? — девочка тоже привстала, вглядываясь в мальчика. Ее волосы рассыпались по плечам, кое-где ловя солнечные отражения. Она готова была отказаться от страха, но еще боялась, хотя страх перед застывающим происходящим, где запах еды смешивался с дробящими словами взрослых, был словно сильнее. Этот страх был для девочки — впрочем, как и для мальчика, потому что он тоже его чувствовал — очень важным, так как позволял уловить немного чистого воздуха, пустить в грудь немного прозрачного света, побыть собою хоть в краткое, но такое бесконечное мгновение. Но запах еды снова проник внутрь — мягко укладываясь, обнимая своим небытием, заставляя тебя положиться только на него.

— Смотри, — мальчик встал и указал пальцем на небо.

Разорвались облака в стороне, темнея по распадающейся внутренней окружности, и лучи ссыпались ровные и сильные из небесной впадины. Девочка посмотрела, и впадина ощутилась внутри, и мальчик ее ощутил, и было это самым настоящим. Двигалось все небо над ними, и словно сердце свое явило небо в этой впадине, и лучи ровными полосами рассыпались из нее наружу, и ощущалась эта явь затылком, и свет из яви был белый-белый, чистый, хотя вокруг жаждал излиться дождь.

Мальчик подошел к дереву и, обняв его левой рукой, всматривался весь в это раскрывшееся небо, и девочка встала, смотря на свет, и обоим от красоты явленной заложило уши, не чувствовались запахи и вкусы, тела застыли, и взгляд раздвигался, и мысли ушли. И свет был самым любимым на свете, самым прекрасным и ясным, самым чистым и раскрытым навстречу. Взяла девочка мальчика за руку, и в том свете, в раскрытости, летели большие белоснежные, с легким голубым сиянием на крыльях, птицы,

с глубокими взглядами и сильными птичьими кликами. И одна из больших птиц повернула свой правый глаз из впадины, пролетая в свете, и оба ребенка замерли, и сердца их отозвались, и наполнились они светом, и кликнул Вивекананда, и на голос его отозвались остальные птицы. И сердца словно остановились, но стучали дальше.

Деревья отзывались друг другу, ветер передавал послания, собирался дождь, но он уже не казался таким страшным — в первую очередь самому себе. Все живое переговаривалось, чувства вернулись, небо раскинулось в шумной тишине.

Глава 75

За узорами, за вышинами, за небом краевидным, за переворотами и дыханием, за лучшими остатками наших тел и душ, — заскользило солнце по обрису, разворачивающееся, высокое, рожденное. Лучи нам даруются, за ни за что рожденные, из солнца лучи и не жаль им себя.

Лучезарными звездами на пути, отдающим всем навсегда, помилуй, Господи, и воссвети — всему и всем, кроме меня. А затем эту гордость в грехе своем излучи своим светом до боли слез, и прости меня, Господи Боже, за мое себялюбие и спрагу иметь, Твоя воля — опустить очи додолу, до самого дна, за каждым вернуться и за собою. Колыхалось небо, лучезарно зорясь, лучи раскрывали все то, что есть. Птичьими кликами летели птицы, радостно было от сердца. Это словно последние мгновения, которые мы можем заметить, вспомнить, и находится успокоение, которое никак не находилось ранее. С этим успокоением внутри и снаружи нам предстоит быть, и от этого радостно.

Вивекананда оставил нам несколько почти незаметных звучаний, которые обернут наше внимание и на другие звучания, и это говорит нам Вивекананда. Уж действительно эта история не будет полна без этих оставленных звучаний, и предлагается нам, продолжая молиться, врачую собственную душу и души других, приникнуть к воображаемым взмахам крыльев и ни на мгновение не усомниться в них. Пусть услышится это как необязательное послесловие, как сказка, в которую вы верите, потому что знаете, что эта сказка — правда.

То ли кончиком клюва, то ли коготочками птица Вивекананда, трепеща крыльями и поводя головою, касается этой обоюдной обратности. Я вижу, что ты видишь эти строки, я вижу, что ты видишь меня, я коснусь тебя из этой обратности мягко, ничего никогда не боясь, кроме Господа, взгляни в меня, как я сейчас смотрю в тебя, в твоём животе тишина.

Глава 76

Осторожно на солнце взгляни, изнуренным плачем владея. Солнце видит тебя изнутри, прикасается мягко, рождаясь собою в тебе. Отпусти ты себя, никем и ничем не владея, ведь разносится солнышка круг, и вокруг все находится рядом, с тобою. Во скольжении чувств и ума раскройсь и на то и другое, и душой посмотри на меня, а я посмотрю на тебя. Вот мы здесь, я тебе говорю, но и ты не молчи, ведь я здесь, посмотри на меня, не оставь ты другого в беде, обо мне позабудь, если хочешь иль нужно, но я тебя не забуду, и молю тебя, Господи, дать мне право и силы всегда возвращаться за каждым, кто по мраке топит себя, кому больно, кто веры не чувствует.

Что тебе нужно? Жизнь? Бери мою жизнь. Любовь? Бери мою любовь. Еда, вода? Вся моя еда — твоя, вся моя вода — твоя. Воздух? Бери все мое дыхание. Бери все, что угодно, все, что нужно тебе, и ничего мне не нужно взамен. Но попрошу тебя лишь всмотреться в то, что и сам ты можешь отдать. Нарожденные звезды учат нас ничего не бояться, кроме Бога, нарожденные звезды учат нас отдавать, и я, Вивекананда, учусь этому. Прости меня за неумение говорить, ибо не говорить следует, а молчать мне, чтобы потом, если позволит Господь, и я заслужу пред ним, мне не молчать, а петь.

Какое прекрасное небо. Облака переливаются одно в другое. Вот облака похожи на снег — ровный, чистый, густой. А здесь небо как голубое море с волнующими островами, свежим ветром, бескрайней свободой. А там облака красные как огонь, в котором сгорает день, дань, ночь на-

ступает, просачиваясь сквозь день, и облака — дань ночи, и ночь тепла, ветер несет облака в стороны, и приходят тучи — тяжелые, пропитанные влагой, и небо снова меняется, но это потому, что мы смотрим на него.

Неба нет. Все — небо. Потому что все — небо, неба нет. Наши чувства здесь ни при чем. Ум ни при чем. Какое небо! Какие звезды! Закрой глаза. Какое небо! Какие звезды! Открой глаза. Какое небо! Какие звезды!

То затихаю, то солнцем вскрываюсь, то замру в ожидании чуда, замру, выпцветая, вбирая и отдавая, внимая всем твоим мольбам, внимая всему твоему, каждому твоему отклику откликаясь, я тебя люблю.

А ветры веют, все сносит, а может смывает, и молиться всегда впору, даже сейчас. Слови себя, определи, я смотрю в твои глаза, в центр твоих глаз, я сейчас смотрю в центр твоих глаз, отдай свой взгляд, вбери в себя мой взгляд, возьми, отдай, ничего не бери, потому что нет в тебе места, ничего не отдавай, потому что нет ничего у тебя, все бери, сколько сможешь, все отдай, не оставь ничего.

Господь Вседержитель! Тобою Есть Все, ибо Все — Ты. Укрытый крыльями я, Вивекананда, смотрю в твои глаза сейчас, и сейчас ты явишь, а хоть и представишь, что во вдохе замирает у тебя под лопатками, а на выдохе что-то тянется, и не спеши, никуда тебе не опоздать, и внутри у тебя сохраняется в бережливости, в сохранности, твое сосредоточение пронзительно, и внутри у тебя, там, где солнечное сплетение, Солнце найдет утешение, и окружишь ты Солнышко своим теплом и любовью, как в ладонях держи солнышко, и не ради цели, а ради света лучистого, и не проникнуть тьме в свет, ибо свет во тьме, и мы сейчас повторили это с тобой, а теперь глаза свои отпусти, уши

отпусти, ноздри и язык отпусти, тело свое отпусти, ум отпусти, и в тишине.

Касается нас мир со всех сторон. Касается нас земля и небо, воздух нас касается, а ты снизойди к касаемому, внутри у тебя солнышко, под лопатками ты ощущаешь зарождающееся трепыхание, но все дальнейшее — Твое, а я, Вивекананда, или твое воспоминание о Вивекананде, уцепился птичьими когтями в край скалистой вершины, укрытое крыльями тело птичье рвется вперед, а грудь разрывает песня, музыка, которая заполняет все мое существо, дрожу я весь, распадаюсь.

Ветер со звездами перемешались. Солнце лучисто сверкает. Тьма убегает. Посмотри на нее. Не бранись на нее, не гони, посмотри на нее. Это — тьма. А это — свет. По небу бегут облака, отражается все вокруг, скачет бликами в зрачках Вивекананды.

Глава 77

Следом за тобой, посмотри на себя, останавливается, в твоём сопричастии, в твоей отдаче, в твоей живой душе и открытом сердце. Небо открытое и пронзительное, соккрытое в себе самом, но близкое такое, вот оно есть, и ты рядом. Я здесь. Я тебя люблю.

Небо глубокое и большое. До глубины небесное, до всей своей широты есть. И наружу пронзительно и внутрь, ничего не укроется от глаз моих, ибо так я смотрю, и тобою тоже. Небо глубокое и широкое, посмотри на него, посмотри на меня, я тебя люблю и никогда не покину.

Открывается настужь, тебя приглашает, небо тебя приглашает, и решения здесь не достаточно, никто и не ждет твоего принятия, никто ничего тебе не предлагает, я перед небом большим и красивым, ничего в моем сердце не скрыть, небо рядом, со мною, совсем небо рядом, а ты рядом с ним.

Солнце соотносится со мной, и это солнце соотносится с тобой, и небо в глазах отсвечивает, подсказывая, что так настраивается твой птичий голос. Распевайся, не бойся, уж точно сейчас тебя никто не услышит, да положишься на то, что из груди твоей и горла твоего исходит, вот здесь появляется, и летит песня, как птица по прекрасному небу, и все замирает в этом полете прекрасном, и ты здесь, и в твоей груди трепещет прекрасное, и я никогда тебя не покину, я никогда тебя не оставляю, я всегда вернусь за тобой, мерцающие звезды тебе откликаются, солнце тебе откликается, луна тебе откликается, небо тебя принимает, и внутри, чуть выше груди, собирается, а ты удержи, как

дыхание. Господи, помилуй всех живых и неживых, помилуй все живое и неживое, помилуй всех, кому сегодня плохо, кому больно и тяжело, Господи, помилуй всех близких, кого я знаю, помилуй всех, кого не знаю, прости, Господи, за все, и меня прости, Господи, за все, и всех, если на то будет воля Твоя, прости за все, прости, что отворачиваемся от Тебя, что делаем вид, будто не видим Тебя, Господи, Ты во всех и во всем, Господи, Ты там есть и здесь есть, на все воля Твоя, я очень Тебя люблю! Аминь. Раскрытое небо тебе навстречу, за солнца лучи ты руками схватись, замирает во свете все, расходится у тебя внутри, рождаясь новой звездочкой, не держи, отпускай.

Небо за нами, в нас, в уже пережитом и в том, что будет дальше, небо здесь, впереди и позади тебя, слева и справа, небо во вне тебя и внутри. Мы с тобою здесь, ты там, я тут, но сейчас, в данное мгновение, мы здесь, рядом, я с тобою, здесь, и ты со мною. Помилуй, Господи, души наши и души всех, кому сегодня тяжело и больно, кто не может найти решения, отрады, кто плачет сейчас. Не оставь, Господи, никого, ибо все души — твои. Спасибо, Господи, что в каждом Ты есть, что все есть Ты, что с Тобою мы есть, что и здесь мы с тобою рядом, в этом нет никакого смысла, слава Богу, потому что в пении птиц нет никакого смысла, и пение переливается от тебя ко мне, и обратно, и это я, Вивекананда, имею в виду, когда говорю, что все вокруг — Небо. В твоих глазах Небо, глубокое и пронзительное. Небо отражается от всего. Большое и глубокое небо отражается от всего, все в тебе есть, отражается от всего явленного, небо большое и красивое, широкое и высокое, потоком застывшее, Господи, это Небо здесь! Господи, дай сил перед Тобою открытым быть. Небо настезь. Глубокое и прекрасное небо. Замирает небо. С замиранием открываемся настезь.

Глава 78

Сходит солнце и небо горит. Я размытый как солнца блик. Все из тела и души, милый риши, поспеши. Я пронзаю неба склон, птичьим голосом направлен, соприкасаются все лучи на небе в солнце, на которое Вивекананда летит сердцем.

Слава Богу, в этом нет никакого смысла! Слава Богу, я делаю это по любви! Мне от Тебя радостно, Господи, мне от Тебя светло, все мои слова, песни, музыка, движения — все Тебе, Господи, до тла по горящим лучам как по струнам, как по радостным звездам, по угрюмым спрятанным шагам, в солнце иду за солнце, лечу, вымаливая Твою доброту, Твое радение, Твою открытость, Тебе все отдавая, видя во всем Тебя, отдавая себя всему, ибо все — Ты, без корысти мне, за ни за что, я птицею, Господи, по Твоим следам, по небу широкому, синему, под солнцем, разворачивающимся во все стороны.

Так Вивекананда крестился. В купели неба, обжигаемый неповторимым солнечным светом, белыми простынями облаков и глубинной синевой. Нараспашку шел мир, и Вивекананда, не оставляя в себе себя, отдавался ему навстречу, распахивая крылья, подставляя трепетную птичью грудь, восклицая горлом, принимая на себя всю ношу, расходясь собой, рушась для мира, и небо отзывается навстречу Вивекананде, принимает его, поглощает его собою, проникает внутрь птичьей груди, и небо теплое, согретое лучами горячего солнца, и наплывом небо впускается в Вивекананду, воздушной теплотой расходясь по телу, пропускающему небо в душу. Полыми волнами,

собою наполненными, небо разворачивалось, разливаясь, в Вивекананде, и Вивекананда, закрыв очи свои, кликал птичьим горлом, в котором уже наполнялось широкое просторное небо, согревая, расходясь во все стороны. Господи, всего себя Тебе! Сотвори меня песней, Господи, о Тебе!

Пушистое облако возникло рядом, и птицею я был здесь, небом наполненной вмиг, и крылья замерли, касаясь мягкой облачной глади, и песнь птицы не из нее словно шла, а из солнца расходилась, и в этом замирании птица Вивекананда дышала, вдыхала в себя солнечные лучи, и небо внутри птичьего тела ширилось, и снаружи ширилось тоже, и где бы оно не ширилось, оно ширится в тебе, и почти слышится шум волн неба, и закрываются глаза птицы Вивекананды, и отталкивается птица от облака, и раскрываются крылья ее, и в клике слышно небо большое, большое широкое небо, которое сейчас в груди у тебя да наружу ширится. Не держи небо в себе, да и не даст тебе держать себя, но вот и ты небо вдыхаешь и небо внутри отзывается навстречу большой широтой своей.

Глава 79

Выносит птицу на просторы над землею. Уносится птица на потоке плавном, и ветер потоком поддерживает птицу, и звезды с неба посматривают за нею, уворачиваются за нею, за потоком плавным, и птица, вся сделанная из неба, увернутая солнцем, Вивеканандой ранее названная, забывавшая имя свое, на потоке над землею, неведомая, возникающая.

Воздух вокруг прозрачный и стойкий. Холодный, позволяющий выпростаться, и птица стынет в холодном воздухе, раскрывается, застывая в воздухе большими крыльями, и сердце у птицы стучит-стучит-стучит, и земля поводит тяжестью своею да глубиною большою, да отзывается земля, не веря себе самой, но движется навстречу небу земля, и воздух замирает, и птица, выпростав крылья, замирает в нем.

Земля приближается, и птица, выпростав крылья, словно ложится на нее грудью, и все собирается здесь, около тебя, и тебе не нужно следить за птицей, чтобы быть здесь, и небо, такое большое и широкое, и земля здесь, и ты здесь, и я вынырываю исподволь, и красивым полукругом разворачивается земля, и тебе не нужно больше прятаться и бояться, не нужно держать в себе все плохое, но и не таи все плохое, а вот это плохое, посмотри на него, вот это плохое, а ты здесь, и вот хорошее ответом, и плохого чуть-чуть меньше, и ничего плохого не стесняйся, так это все происходит, так это все является, и не дается никакого выбора, ты здесь, и от этого трепещет твоя душа, и ты боишься своей отзывчивости, но нет в тебе, Вивекананда, ничего,

что тебе следует оставить себе, и никто не хочет у тебя ничего забрать, и вот ты умеешь вдыхать, и вот ты медленно выдыхаешь, и между вдохом и выдохом побудь немножко здесь, я так рад тебя видеть, чувствуешь, как крылышки твои замирают, как в этом есть что-то сказочное, и я скажу тебе тихо-тихо, что это самая настоящая сказка, и ты здесь, и я всегда буду любить тебя, и ты самое прекрасное, что только может быть, как и все здесь, большое широкое небо отражает глубину, и в птичьих глазах Вивекананды отражается несоизмеримость, и звезды могут усыпать небо, и небо действительно похоже на большую глубокую воду, и птица Вивекананда усаживается на широкой ветке, встряхивается, поводя сложенными крыльями, и шепот происходящего плавно ниспадает вокруг, забирается по стволу дерева к птичьему тельцу, и птичка большими глазами смотрит в небо, и небо так охотно отвечает, отзывается, и солнце так охотно светит, и птичка еще смутно припоминает свое имя, словно пытается запомнить происходящее, и птица переступает лапками, клипает очами, поводит горлом, и, вспорхнув телом, падает вниз, но на миг — расправляет крылья, широко расправляется, и деревья вокруг двигаются, склоняясь друг к другу или в стороны, и действительность вкраивается, и от этого может быть холодно, но за твоей спиной, слава Богу, ты слышишь далекий клик птички, которая, растворяясь в пении, спешит напомнить о том, что она здесь, как и ты здесь, и небо слишком огромное, чтобы уместиться в оке, а за твоей спиной есть то, чего ты сейчас не видишь. Пространство может казаться искусственным, иллюзорным, но что тебе до этого? Птичьим кликом пронзает, ты оборачиваешься, чтобы увидеть птицу, но она позади тебя.

Глава 80

За высокими высокими горами, за обрывами, за сказочным порогом — лепестками все усеяно, цветами — раскрывается навстречу свет. И сгорает все внутренне, сгорает все внутреннее, в ответ. О рассыпаться бы мне лучами светлыми у подножия небесных берегов, о сгореть бы в водах ясельных, омывающих следы твоих шагов. Шепчет ветер меж ветвями о тебе, шепчет ветер меж ветвями о тебе.

И тебя, в глазах у ближнего увидев, в тишине я нараппашку посижу. Каждый шорох возвестил мне о тебе, каждый шорох возвестил мне о тебе.

И может все сгорать во мне, и сгорать постепенно, медленно, но ничего я не утаю, и держать в себе не могу, и огонь разгрызается из недр моих, и сгореть мне в огне изнутри себя и во вне сгореть всем собою, да все обиды сложите во мне, да пусть сгорит все так, да отгородитесь от меня, отойдите от меня, сгореть мне, Господи, от любви к тебе, да пусть все плохое — все излечивается пусть, к тебе, Боже, молитва моя, к тебе, Господи, к тебе склоняться мне, да не утаить мне ничего, и на все воля Твоя.

Скаплюсь, сыплюсь, рассыпается ветер на части грез, мне, Господи, ничего не нужно, и ведется мною, словами опутанный, словами испрятанный, да доведу я его, себя доведу, безсолнечного, разрушительного, да вот звезды стекаются, вот звезды стекают по моему выдуманному горлу, и я могу изъяснить безумие, отрадой прикрываясь, да сникну к ангелу приходящему, да не убоюсь, да нахожусь здесь, а не где-либо, и замкнулось во мне разрушение, и сгореть этому разрушению, в огне этом сгореть, а

мне не искать выхода из огня, да ничего не бояться, ибо, Господи, в Тебя верую, и солнцем был покрытый, и солнца лишился, да есть солнце, да или нет его, да ничего не убоюсь, Господи, и жар проникает из раскрытой глубины моей, и повернусь я к жару лицом, и пусть жар опалает меня всего, которого во мне нет, и нечего мне себя терять, ибо нет во мне меня, ибо все — Ты.

Я люблю тебя. Уходящие дни могут казаться какими угодно, но вот огонь, и словно все уже прошли, словно все уже там, а я вот один остался, и словно я тоже должен сгореть, как и все сгорели, и все вокруг словно подсказывает мне это, все поддерживает, но дай оглянуться, Господи, чтобы я никого не забыл, ничего не утаил, и чтобы никто не остался. И возгорающим взглядом оборачивается Вивекананда, восполненный крыльями, и под взглядом его словно теряется все, замыкается, словно и нечему здесь остаться, и зрачки его поворачиваются из стороны в сторону, почти разрушительно, просторно, падко, и призвал Вивекананда песней своей не бояться огня, и разлилась песня миром исподненным, и окликнулись на песню Вивекананды кликами, и крылья его почти огненные распахнулись, и поводил Вивекананда птичею головою своею, да сходило все к огню — и клики, и Вивекананда восполнял песнею, да огонь обжигает настолько больно, что уже и удержишь этот огонь в себе, да переливается все звездное небо, и страх внутренний так близок, и рывкнул Вивекананда умирающим голосом, что смерти нет, хотя вот она — смерть, и затрепетало все от неуверенности, и спросили клики изъяснить чудо, да затрепетало тело Вивекананды сильнее, как и душа его научалась трепетать, и смотрел Вивекананда на все раскрыто, и хотелось ему сгореть в миг, сейчас, чтобы себя выявить, но не оставить

мне никого, за каждым вернуться, и затрепетали крылья огненные Вивекананды — тянул огонь, скликая.

На высоких белых берегах. За восходами и светлым бликом солнца. В трепете оставшихся событий. Перелетной птицей. За движением и рябью ручейка, окунуться в море океана. Вивекананда, сгорая изнутри, поводя огненными крыльями, посматривал оком вокруг, совмещая в себе все проистекающее к нему и вытекающее, не беря во внимание свои утверждения, помыслы, чувства, отродясь поводя крыльями, отдавался навстречу выгорающему огню, и огонь его брал.

Огонь, возьми наружу меня. Раствориться вогненным пылом, не быть, не смотреть и не видеть, огонь затворяет собою, и пламя сжигает собою, и крылья опали, изнутри не жжет, мне наружу не нужно, мне нужно сгореть, пусть буду гореть, пусть буду гореть, но мне не бояться огня. Огонь, выгни меня, теряется силуэт, имя мое сожги, тело мое и душу мою сожги, и стекаются всеми путями к огню миролюбные, в глазах отражая огонь, прячутся за холмами, деревьями, представляя как сон проходящее происходящее — скалятся, разжимаются, обезумевшими зрачками вращая, руками иссохшими цепляясь за выковыривания своего уходящего, думающие, чувствующие, прячущиеся по отрывистым кускам вокруг, ой живые, до смерти живые, и вопрошающие, подталкивающие — да что же там за огнем? А ничего там не видится, огонь не принимает, огонь сжигает, сожги меня, огонь, сожги меня, Господи, если на это есть воля Твоя, если Ты в огонь — я за тобою, если Тебя не будет — меня не станет, изнутри ведь огонь сжигает, все пожитки свои ты к огню поближе придвинь, и не бойся отрады крошечной тьмы, восполняется все по излучинам солнечным, по лунным лучам, по тому, что

внутри у тебя не сгорает или стгорит вот сейчас, во страхе твоём, во всем твоём, что ты есть. И вытолкнулся Вивекананда огненными крыльями в огонь поглощающий, и замерли все от дива, ибо не кричал Вивекананда, а летела птица, покуда видно было ее, и замерли все, совершая еще несколько шагов навстречу, и коровы иступленно мялись, уже не боясь, и желая сгореть, и очи щеплялись в огне уходящей вглубь птице, которая крыльями окружала собою огонь, разгораясь, и делая круг, оборачиваясь, умирая, сгорая, сгорая, горя.

И может хоть гореть, хоть раскалываться льдом, хоть вырываться пустыней, соскальзывать в безумное, проходящее, разрываться на части, можно как угодно метаться и жить, умирая — но в расхожести путей улавливается непреходящее, вечное, ведь только ты, Господи, вечен, и можно как угодно делать или не делать что угодно, и не буду я здесь отвечать, а тихонько вдохну и выдохну, и оставлю эту мысль, ибо она ни к чему не приведет, и последующая мысль ни к чему не приведет, и ничто ни к чему не приводит, ибо Ты здесь, Господи, рядом, только Ты ведешь.

Совершающимися шагами, проходящими историями, шагами, остановками, падениями, взлетами, рассказанным о тебе у тебя за спиной, во всем этом огне, холоде, во всей иллюзии всего, что ни есть, глазами растасканный, звуками размытый, запахами окруженный, вкусами разбитый, прикосновениями овитый, по шагам и ступеням, по разрушающемуся и создающемуся, разрастается словно, а словно и нет, по спасительным крокам не боюсь оказаться здесь, и касается цвет деревьев всего проходящего, и небо глубокое, умытое ветром, тобою, Господи, во всяк этот холодный огонь стусевывается, проходит, соскаль-

зывается до крохотности, и небо вокруг, и по следам совершающихся шагов не отвернись от крохотности этой, ледяным огнем обжигающей, а нараспашку всем собою на огонь этот и в огонь этот, чтобы не оставить. Спаси же, Господи!

Глава 81

Через этот огонь не пройти, он горит, в глубине лишь огонь, но в глубине меня несгораемое. Так могу я подумать, разгораясь, и можно разгораться в разные стороны, но сгореть мне здесь и сейчас, без боязни огня, без усталого взгляда, без робости, здесь оставляя себя. Мне не страшно сгореть, мне пусть страшно тебя не увидеть, и огонь выпекает меня изнутри, мне не больно, а если и больно, то выхода я не ищу. Разгорается все навкруги, я могу хоть идти, хоть сидеть, хоть лежать, но гореть, бросаться собою усюду, внимая огню как тебе, и не обижаясь на этот огонь, принимая, и закрываю я глаза свои, уши, нос, рот, не прикасаюсь и не думаю, и открываю я глаза свои, уши, нос, рот, прикасаюсь и думаю, и горят глаза мои, уши горят, нос горит, рот горит, тело и ум сгорают, и душу, Господи, тебе отдаю, несгораемое — твое, огонь выполаскивает меня изнутри, являясь снаружи.

Огонь проникал под душу, огонь проник под душу, мне не вытерпеть, но сгореть. В этом больше нет никакого внимания, чтобы не осталось никаких следов, потому что сжигается все из глубины своей, ведь только Ты, Господи, остаешься, если сгорает все, разгорается все, и ничего мне не нужно, ничего я не стою, собирается все на огонь во мне, и идти я буду в огонь, который жжет меня, но не обжигает Тебя, Господи.

Прости меня. Прости меня за то, что совершаю, пытаюсь смотреть на тебя, что выкрываю себя, что хочу этой выгоды для себя, меня, Господи, возьми, здесь огонь берет меня, Ты, Господи, у меня в сердце, я здесь, Боже, я здесь,

позволь, Господи, по твоим следам, и большим огнем изжогся Вивекананда, и ничего от него не осталось, и огонь сжегся в нем, весь огонь сжегся в нем, себя изымая, и погрузилось все в тишину, в которой ничего не было, и замерло все, потому что ничего не было, и ничего не может остаться, ничего не происходит, ты пытаешься уловить Вивекананду за самим собой, но и там его нет. Его больше нет. Вивекананды больше нет. Упокой, Господи, его душу.

Глава 82

Птицы поют. Раскрывается тишина, воздух пропитывается теплом, и в этой теплой тишине, только что пронизанной острым огненным холодом, замирает миг. Большая земля разворачивается перед собой, деревья дышат свободнее, сильнее, раскрытей. Небо встречает землю после жаркого полум'я открыто — растекается утро, проникающее своей чистой и тихой прозрачностью.

В этой мягкой раскрытости по разным сторонам слышатся голоса, отражающиеся от холмов. Вытекает за душу ручеек, обитающий поодаль, размыкающийся далее в крепкий поток, стремящийся к большой воде. Шуршит в траве жизнь, солнце свивается за утренними облаками, распадаясь и проникая согревающими лучами в прохладный свет, улавливается отдельный клик птички, встречающей утро собою.

По извилистой проселочной дороге, огибающей мягко ближайший холм, бежит, поднимая свежую пыль, Трита, сжимающий крепко перед грудью охапку одежд. В стороне, проистекая от дерева к дереву, улавливается Васиштха, глубокою охотой занят в глубине леса Вишвамित्रа, держащий внутри появляющиеся чаяния, птицы разные голосами разными утро светлое пронизывают.

Трита бежит навстречу просыпающемуся селению. Кто-то уже давно проснулся — слышится стук ведер о стенки деревянных колодцев, плеск, утихающее хлопанье дверей, шаги около домов, и коровы мягко, поводя волоокими глазами, выходят из под навесов к купам еще влажной свежескошенной травы и корытам с водой. Птицы еще задержи-

вают утро, солнце выскальзывает сильно, разметая облака, разливается из себя всем. Трита держит внутри себя большую радость, люди просыпаются навстречу, кое-где промелькнул перелив детского смеха, и птицы отвечают тихой нарастающей дзвонкостью мелькающего рядом ручейка. Шумение просыпающихся пчел и других насекомых поднимается из ничего, и от этого становится еще теплее.

Улыбается всем лицом Трита, и, крепко сжимая одеяния в руках, останавливается около первого дома, оглядываясь, навстречу отвечая собою всем первым возникающим лицам, обликом поворачивающихся к нему — вот лицо женское мелькнуло в окне, вот девочка застыла, ловя лучи солнечных глазами и держа кастрюлю горячей каши, вот чоловик раскрыл дверь настежь, выпуская нарастающий теплый жар в прохладную темень передней. Со сторон подали мыч несколько коров, глаза большие устремились к Трите, принесшему благу ю вестъ.

Он побежал дальше, дома раздвигались по сторонам, раскрывая людей, солнце поднималось выше, расплескивая осторожные птичьи голоса. Мелкие камешки сдвигались под ногами, оставляя в пыли следы наступающего.

Трита направлялся к своему дому. Никто его не окликал, ни о чем не спрашивал — видевшие его передавали остальным, что пришел Трита, и все вычищались, умывались, надевали на себя и детей чистую одежду, и выходили на дорогу, тихо переговариваясь между собой и радостно улыбаясь глазами. Все были вместе, но каждый оставался сам по себе. Каждый сам переживал это внутреннее мгновение, этим миром явленный, и даже дети, хватая друг друга, играя, внутри тихо внимали окружающим звукам.

В доме было темно. Трита раскрыл все окна, пустив внутрь солнечный свет и свежий воздух, огляделся, все

еще прижимая одеяния к груди. Кто-то вошел и поставил на стол широкую миску с водой.

Одеяния Трита положил на подоконник. Солнечный свет обнял ткань. Трита вымыл лицо, шею и руки, не слишком прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. А снаружи, около дома, люди собирались вместе — садились прямо на землю, что-то иногда вполголоса, а то и шепотом, говорили, но все больше умолкали, поглядывая на открытое окно дома Триты. Утро близилось к полудню, даже младенцы на руках родителей притихли, внимательно ощущая вокруг.

Прошло несколько часов. Люди разговаривали все громче, некоторые смеялись, дети прыгали друг за другом — где-то плакали, и родители успокаивали их, где-то радовались, и родители улыбались в ответ. Солнце и небо находились тут рядом, и никто никуда не спешил, ведь некуда было спешить и не хотелось никуда спешить, и коровы по сторонам медленно жевали траву, и птицы находились здесь и пели.

Трита вышел из дома, все так же прижимая одеяния к груди, которые только что взял с подоконника. Страх тьмы снова заполнял его сердце, и какая-то женщина тихо подошла, разняла его руки и взяла одеяние. Все замолчали, глядя на риши, но никто не мог уловить его взгляда. Трита потупился, опустив руки, но тут же, как учили его древние, поднял голову и посмотрел на небо.

Большим небо было, глубоким, и отражало небо то, что было у Триты внутри. Солнце выкланивалось, и все вдруг начали перешептываться, улыбаться, глядя на риши, и Трита, заметив это, тоже начал улыбаться, и скорбь отпустила его.

Началось празднование. Принесли столы, стулья, несли разноцветную посуду, наполненную едой, кто-то шутил,

смеялись, но Трита, на которого уже никто не обращал особого внимания, свернул за угол дома и, спустившись к оврагу, внимая шелестящему ласкающему звуку ручейка, подошел к воде.

Деревья шумели, уже склоняясь к вечернему часу, людские разговоры были почти не слышны, ручеек бежал между камней и застылых корней, скользя между препятствиями и сквозь них, отражая посыпанным белым облачком небо. Трита наклонился и, зачерпывая рукою воду, сделал несколько глотков. Вода была холодная и светлая, вкусная. Шелест крыльев возвал Триту обернуться.

Белая птичка сверкнула по душе Триты. На ветви белая птичка, и солнечные лучи, уже опадающие, осыпают дерево мерцанием белым, и птица поводит головой, и замирает Трита, и вода капает с его ладоней. Замерцало в овраге, засветлело, не мог отвести взгляда Трита от белой горлицы, забилося сердце Триты, но замерцала птица в ответ ему, врачуя, и остановился весь свет здесь, и хоть и пылало сердце Триты, но не больно жгло, поддерживала белая горлица, давая не распасться на свет. И выскользнула птица вверх, в один миг, и от белого ее света расширилось все в груди у Триты, и затрепетал звук крыльев, и небо стало чище, светлее, и солнце большое и красивое отвечало белой птичке лучами, и деревья зашумели громче, лиственней, и нашлось в душе Триты это несгораемое, сильное и светлое, не обижающее, прощающее, и услышал Трита, что завыл Брихаспати за лесом, но завыл от облегчения, прийдешней радости, и затрепетало в овраге в миг, и белая птичка растворилась в небе, лишь может там, в стороне, куда ты сейчас смотришь, заскользила она светлым отблеском, следом, обывая в своем воскресении и себя самое и все. Трита выбрался из оврага, во всем видя

оставшееся мерцание, и шум людской снова приник к нему со стороны, но он уже не боялся его, принимал, не пытаясь оставить мерцание в руке своей, но доверяя ему, отдавая всего себя без остатка Ему, и белая горлица подавала светлый отблеск, который есть здесь, и внутри и снаружи. Небо такое широкое и красивое.

Уже убрали со столов. Несколько детей сидели у входа в дом Триты, ждали его. Подошел кто-то из близких и дал в руки деревянную тарелку с кашей и ложку, также с улыбкой кивнул в сторону кувшина, который стоял у порога. Трита поблагодарил и подошел к дому, дети встали и смотрели открыто, не боясь. Один из мальчиков взял кувшин в руки, чтобы он не мешал проходу. Риши поднялся на крыльцо, мягко толкнул деревянную дверь и улыбнулся, приглашая их войти.

В течение следующих часов, почти до самого заката, дети слушали сказание о Вивекананде.

Глава 83

Если лечь на землю и посмотреть на небо, то оно, через некоторое время, окажется у вас внутри. Еще через некоторое время можно выявить, что небо и было у вас внутри. Большие белые облака разворачивают себя на части, после снова собираются, но чаще всего они распадаются и соединяются одновременно. Повсюду Господь.

Небо внутри. Бесконечное небо внутри. Господь рядом. Господь здесь.

И это тьма во мне. Эта тьма находится во мне сейчас, и прикасаюсь я к этому, цепенею, и небо большое и красивое размыкается надо мной. Я словно сам себя отравляю, сам на себя оборачиваюсь, и я не хочу молчать, но выкрывается тьма из меня, и я могу учиться от нее отворачиваться, но я не хочу ее бояться, Господи, я постоянно говорю о том, что мне ничего от тебя не нужно, но я снова и снова складываю руки в молитве к Тебе, расходящимся словом покрывает меня тьма, лежащего под огромным Твоим небом, и от этого становится так пыльно и страшно, что невыносимо словно жить, но вот и живешь ты в этой невыносимости. Вивекананда касался своего рождения.

Разрушение изъедало изнутри, выхватывалось темными липкими плямами, но здесь Господь, защищающий, оберегающий, здесь находящийся со мной, и я хочу только плакать, Господи, я хочу плакать, и я плачу по тебе, Господи, и мне больно жжет изнутри, и от слез моих тьма отступает, немного отдаляясь, чтобы снова вникнуть в меня, когда во мне меня нет. Меня нет? Господи, меня правда нет? Я говорю о большом-большом небе, которое поглощает меня, но

это я о нем говорю, а я вот остаюсь, покрываясь и рождаясь собственным безумием. Во соприкосновении меня нет. Я сам себя собой отравляю, и таким образом отравляется все вокруг. Я сам себя разрушаю, и от этого разрушается все вокруг. Я Твоим, Господи, светом являю, потому что все вокруг — Ты, Господи, и проходят и весна, и лето, и осень, и зима, и проходит все, Господи, Ты проходишь. Меня тьма ранит в грудь, мне тьма измывает сердце, принимая в себя тьму, захотел ее вылечить, отмыть до света, а тьма отмывается, да сгущается вновь, погружая сердце мое во тьму. И за этим я гнался? А Господь подталкивает Вивекананду, птичку, молодого риши поближе к краю, да дрожит птичка от непереносимости тьмы, да не хочет принимать в себя тьму, да боится, пораженная тьмой, хоть и сияет, но скорее сейчас думает, что тьма — лишь учитель, а тяжело все же урок этот вобрать в себя, да хочется Вивекананде все разметать вместе с собою, разодрать, разрушить, да что же, Господи, происходит, почему грехи не уходят, почему они снова наваливаются со всех сторон, со всех сторон обнаруживаются, и мне ли их вынести, мне ли их вынести, и большое раскрывается небо перед Вивеканандой, и ничего Вивекананда не видит в нем, лишь безбрежность большая, красивая, но до вечности безбрежность, до самой вечности она, а я — прах. И берет Господь прах этот и рассыпает его над вечностью, и так сотворяется новый мир после его разрушения. И от этого у меня сильно болит живот, и от этого мне холодно, и от этого и жар изжигает, и больно, и непереносимо, и вот и выносишь все, и сам это выбираешь, и я, Вивекананда, забываю имя свое, хотя оно снова ко мне возвращается, расхристанным именем риши, который не может отпустить свою тьму, потому что и боится ее и стыдится. И в этом нет никакой правды, и лжи нет никакой, и открывается неви-

данный мир, невиданной красоты мир, в который я верю, который я вижу собою сейчас.

В этом, Господи, есть основа. В этом возвращении и рождении есть какая-то основа. В этих звездах, в этом небе, в этом солнце есть ответ, и мое сердце сгорает, рождаясь, тяжело себя ведет, и за каждым вернуться, никого не оставить, белой голубкой лететь, белой голубкой лететь, белой голубкой до самого неба, до самых глаз твоих лететь, уповая, молясь, отдавая всего себя, хотя так трудно себя отдавать, ибо жалеешь всего себя, так слез своих боишься, так уж всего боишься, так то все боишься, что жизнь не получается, ибо умираешь, но это родная смерть учит, наставляет, роднится с тобою, чтобы ты ее не боялся, но все это мимо тебя, мимо тебя, и это происходит с тобою на самом деле, и твоя истошность тебе тошна, тебе не хочется себя видеть, потому что как себя не выкручивай, не уйти от себя, но не тебе от себя уходить, тебе здесь находится, и смотри на небо большое, и глубокое небо смотрит в тебя и ищет в тебе твое намерение, твою свободу, а ты ощущаешь, что свободы так мало, и мой путь с Тобою, Господи, и не убоюсь я ни одного препятствия, и боли боюсь, но не убоюсь я ее, и словно некуда мне деться из клетки, словно свободен, а словно и нет, вот так рождался Вивекананда.

Посмотри мне в глаза, свою обиду отдай мне. Все свое плохое отдай мне, я это все возьму и буду бежать куда глаза глядят, буду бежать от тебя, хотя так захочется оглянуться, а может и неправильно мне убегать со своей обидой, и, может быть, меня нужно заживо закопать, как то, что не должно выходить на свет, ибо он есть тьма, я есть тьма, но в этом искривляющем состоянии я, Вивекананда, в себе хороню. А может и действительно мне спрятаться в этих глубоких пещерах, пахнущих одиночеством и впа-

лой сыростью, и спрятать всю эту обиду глубоко, чтобы никому она не мешала, чтобы ничего в мире не портила, а может это я несу в себе большую круглую луну, во мраке рожденную, мраком выплаканную, свою такую круглую луну, да лягу я, луной истощенный, да теперь пусть истощаюсь я, да только Тебя мне, Господи, слушать, но хочу лететь белой птицей, голубкою, да сам коршуном да за голубкою, да что мне от имени своего не отвертеться, не отвернуться, да последними словно силами я нахожусь здесь, разрушитель, а может я рождаюсь и тем самым разрушаю, почему звезды такие колкие, почему небо такое широкое, во мне должно не остаться слов, мне, Вивекананде, рвется изнутри, да что остается небу большому и красивому, как не разразить разрушителя до его глубины.

Господи, я сам себя не спас. Господи, я вроде бы и могу себя спасти, но не спасаю, и некуда мне деться, Господи, только в Тебе мое прибежище. Вивекананда, распластанный на мокрых рифах, взглядывающий в темноту, ищущий перепуганным взглядом свет, впуская в себя несовершенное, начинал по-настоящему бояться, стыдиться, мрак заполнял Вивекананду, орудуя страхом как лезвием, вспарывая суть Вивекананды, оставляя его собою одним, во мраке, и казалось где-то Вивекананде, что его птичье тело — это драконья плоть, что вяжет холод его, устрашая болезнями, старостью, смертью, убаюкивая дряхлостью, и так кривился рот Вивекананды от новоявленной боли, и волны холодные хлестали со всех сторон, наказывая маленького мальчика, что он не был тем, кем хотел быть, проникая в сердце ему страхом, отчаянием, беспредельным мраком, постоянной необходимостью защищаться, плакать, бояться всего и всех, потому что совершается только зло, и Вивекананда при этом хранил в сердце своем любовь ко всему,

я все люблю, я всех люблю, я повторяю себе это, это мое изгнание, ибо мне так больно, Господи, мне так больно, Господи, внутри, и чем больше я существую в этой боли, тем больше я отвратителен самому себе, и в этом мой плач.

И протянул руку Господь и взял Вивекананду во прахе его. И осветилось все светом, и ушел из груди Вивекананды страх, и словно без страха и не осталось вот Вивекананды, но оставался он здесь, и заканчивалось все, и начиналось все сызнова, и заканчивал все Вивекананда и сначала все начинал, и рассыпались перед ним звезды и ссыпались обратно, а мне, Господи, только тебе говорить правду, и всем говорить правду, и всмотрела птица белая, раскинувшая тельце свое на мокрых камнях, в мрак, и нет мрака, хоть и есть он, и от этого зарождения зарождалось, а от отчаяния умирало. Скользнуло по водной глади, раскололся мрак, не создавая, небо утонуло в себе, покрываясь кусками звезд и облаков, сдвигалось все, и слова здесь заурядны и безответны, и утихает все, не умирая, и возникающее здесь снова тебя встречает, и небо большое, словно сама бесконечность, так вот находится здесь, словно здесь и сам Господь.

Мне нет прощенья. Ты дал такую свободу, Господи, что я сам себя изгнал. Я не могу ничего с собою сделать, и мрак входит в мою душу, вытравливая свет, и свет рассеивает мрак, и я себя не могу найти, но ищу я Тебя, Господи. Моя жизнь — воля Твоя. Моя смерть — воля Твоя. Позволь принять волю Твою, какой бы она ни была. Покориться воле Твоей — моя доля. Ничего не оставить себе — моя судьба. Мои руки пусты, мои очи не смотрят, а уши не слышат, не внимаю запахам, и рот закрыт, во мне не возникает ничего, и Ты, Господи, рядом. Сердце мне терзает змий, и я перед Тобою, Господи, перед Тобою, Господи, все, и живое, и мертвое, не мое, не для меня, для Тебя, Господи.

Глава 84

Разрушивая, отталкиваясь от речного дна, выстраивая форму тела под собой, шел разрушитель, но не разрушать шел. Облака летели небом, почти не отражаясь в мутной густой воде, повитой зелеными водорослями, берега находились по бокам, но словно раздвигались перед поступью разрушителя, который солнце гораздо съест и луну.

Вкраиваясь в смерть, снова рождаясь, проникая под явственное и иллюзорное, разрушивая все на пути, оставляя место под творение, определяя себя как природу, живую явь, обрамленную мертвым прахом, смотрел разрушитель вперед, на вязкие круги на речке от самого себя, и приглашали его всюду и прогоняли вновь.

Облака белые возникали у его головы, потому что он большой, весь сделанный из длинных костей, угловатых суставов, кожи, шириной обтягивающей тело, и передвигал ноги, разрушивая, по илистому дну, поднимая ил комьями, раздвигая перед собою сцесь водорослей. Отмахивал облака от лица, луну держа в себе и солнце держа в себе, отражая явь в иллюзии, и к нему, разрушителю, все приникало, отражаясь в зрачках — и движущиеся берега, и проходящая рядом природа, раздвинутая вглубь, и живые и мертвые, собравшиеся около. И в нараспеве слышал птичий отклик белой птицы, и повернулись его голова и шея в сторону птичьего белого блика, мелькающего между деревьями.

Открытым простором повеяло от белой птицы, которая летела сюда и летела, и разрушитель усмотрел в этом благоприятный знак. Белая горлица ускользнула между вет-

вей, и разрушитель сильнее отталкивался от речного дна, придавая себе силы, и глаза его горячо встречали птичку приветствием, и увидел впереди разрушитель выступающий из воды плоский камень, и, помогая себе длинными руками и раскрытыми ладонями, зачерпывающими илистую воду, двинулся разрушитель к этому сухому на поверхности камню, не отворачивая головы от шумящего леса и блика белой птицы, порхающей между ветвей.

Двигалось все — облака небом, ветер, окутывая лиственные деревья, речка, внутренними течениями движимая, и выбрался, распластываясь по поверхности, разрушитель на камень — медленно, с силой, без подкальзываний. И зашумело лесом по берегам, устремилось все внимание, и сел разрушитель душой и телом, никаких чувств в себе не имея, скрестил ноги, держа спину прямо. Ускользнула белая чистая птица с ветви, да распахнула крылышки над речкой, ниспадая к разрушителю, закрывшему глаза и сидящему прямо на плоскости камня. Лес шумел движениями и отрадой, все разворачивалось красиво изнутри да наружу.

И скользнула птица к разрушителю, и проводил он ее глазами в направлении к себе, и облака замерли быстрее, словно и мешал им кто-то бежать быстрее, но хотелось всему быть как облака, чтобы быть и со взглядами на себе, и помимо взглядов быть, раздвигая за собой большое пре-большое небо. Скользнула белая птичка белым крылом, лес был в том же движении, разрушитель, разрушивая, сидел прямо, оглядываясь зрачками на легкие взмахи белой птицы, обретающей крылья над илистой речкой. Облака разбегались во все стороны, солнце отблескивало мягко со стороны, придавая окружающему поистине волшебный вид. Чудо!

Это ли не чудо происходит вместе с нами здесь, почти рядом, за страницами поражаясь отблеску в твоих глазах, это же настоящее чудо, которому и удивиться удивительно — белая птичка, больше всего похожая на очертания белой красивой голубки, раскрыв сияющие крылышки, отпускает себя в полете, и плавным переливом, словно и не птица, а перышко белое, спускается к сидящему прямо разрушителю, почти видя его глазами, отпуская себя к нему, не переставая белым сиять.

— И что мне с тобою делать? — из нутра проговаривает, разрушивая, и томность его грудного голоса вязко разворачивается вокруг, оставляя по себе густую тяжесть.

Белая птичка, а словно и белая сияющая бабочка, спустилась на протянутые длинные пальцы разрушителя, и крылышки захлопали, и голова набок, и глазки птички заклипали светло в ответ, все прощая, все отдавая, воздавая светом из себя да освещая эту тяжесть вокруг дивным порханием. И смотрел разрушитель глубокими глазами в глаза птички, и птичка взмахивала белыми крылышками, удерживаясь лапками на кончиках пальцев, и все двигалось вокруг быстро, ответно, порождая пространство для еще одного шага вперед, и солнце выпростало из-за деревьев лучи, укрываясь ветренным шумом леса, и заскользило по глади водной, отзываясь на ответное дыхание.

Диво! Красивое, глубокое, изнутри тобою владеющее. Все произойдет так, как угодно Тебе, Господи, и сверкнули глаза разрушителя, разрушивая, и приникла птичка белая взглядом к этим глазам, к этому взгляду, и ничего птичка не хотела, все отдавала, ни за чем не стремилась, а была, сияющая, здесь, и разрушитель приставляет белую птичку пониже лба, между бровей — как украшение, драгоценность, и спохватывается разрушитель телом и ны-

ряет в илистую воду, отдаваясь внутреннему течению и сиянию, находящемся здесь, где ты его касаешься. Разрушение придает форму, форма рассыпается во прах, облака бегут небом, лес шумит вокруг, погружая в лиственный шелест и дыхание больших деревьев, тоже находящихся здесь. Мы с тобою выходим к берегу, и я с такою радостью киваю в сторону расходящегося светлого силуэта, плывущего в реке, и по нашим зрачкам тоже пройдет солнца луч, предвещающий блик луны, и ты смотришь, слышишь, нюхаешь, вкушаешь, осязаешь, думаешь — и не отталкиваешь, но отпускаешь. И формы как облака бесформенные, сиянием происходящие, здесь, внутри и снаружи, проходящие, любящие, прощающие, всегда отвечающие тебе взаимностью и теплом, и в этом настоящее чудо, диво, Господь находится здесь, рядом, и все рассыпается вокруг, чтобы приобретать форму, и в этом, Господи, Твоя красота, и безбрежные звезды пронизывают безбрежное небо, поддерживаемое и солнцем, и луною, и Тобою, Господи.

И в этом есть что-то остаточное, что уже трудно уловить, и не следует ничего ловить, отпускай, небо больше тебя, Господь рядом, звезды тоже с тобою всегда, лоскутами все может отслаиваться, а за каждой иллюзией находится неделимое, а если и делит разрушение, то ничего не делит, а лишь неделимое делится, без угрызений и жажды, и все иллюзии могут тебе просвечивать, распадаться, делиться, спадать, исчезать, и Господь расходится через все, и отвечает тебе, и ты к нему обращаешься, и за этим происходит что-то уж действительно невероятное — случайности соприкасаются, и иллюзии близки, неделимое может делиться на множество частей, но остается что-то здесь, это может представляться хрусталь-

ностью, зеркальностью, обратностью, и из этой тягости Господь учит творить, находясь рядом с тобою, и ты сам рождаешься как солнышко или луна, и в этом ненахождении находится то, что я всегда искал, Господи Боже, я Тебя всегда искал, и мне небо большое — безответное, но такое отражающее, и лучами может расходиться прекрасное большое солнце, и луна может раскатываться по краю небосклона, но ничего Тебе, Господи, сделать нельзя, ибо даже все разрушив, Тебя не разрушить. А даже если разрушить все, то Ты, Господи, явившись из пустоты, и проносится рядом, скользит, и исчез в глубине течения распластанный разрушитель со светлой птицею во лбу, и мрак проступает светом, и в этом не находится твоей вины, хотя ты чувствуешь ее за собой, но принес ты ее сюда, и обиду принес, и злобу, и зависть, и жажду, и я позову тебя с берега напротив, и ты взглянешь вглубь леса, почти растворяясь с течением реки, и дальше неуловимо, хотя ты почти коснулся большого и красивого неба, совершающего над тобою кружение, и здесь тебе принимать радостное покаяние, и прости меня, Боже, ибо все — Ты. Истомый свет совершает свечение, находясь рядом и здесь, и в этом сказывается определенная недосказанность. Я грешен, Господи. Я люблю тебя, Господи. Все происходит, Господи, и дорога открывается, даже если все замкнулось, свет расходится, и небо впитывает ясный свет, и незачем оставаться ждать, и шепот реки отдается берегами, и в этом происходит что-то настолько невообразимое, что от этого становится очень радостно, тишина внутри настолько тихая, что внутри тихая ночь, и настолько светло, что внутри светлый день.

Двигается живое, обретается мертвое, солнце катится по небосклону, луна находится, совершается все рядом с

тобою, и небо такое большое и красивое, и все происходит с тобою здесь, почти улавливается, но отпускает, и в ненахождении ты здесь находишься, и сейчас тебя возьмут за руку. Неба склон.

Конец

АНАТОЛИЙ БУРАВИН

ВИВЕКАНАНДА

Проза

Издательство “Книга Сефер”, Израиль, 2025
<https://www.knigasefer.com>
<https://www.facebook.com/KnigaSefer>
knigasefer2002@gmail.com
(972) 502423452

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/с 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

ISBN 978-965-7848-80-7

© Анатолій Буравин, текст, 2025
© Книга Сефер, издание, 2025
© Юлія Дозорец, дизайн, оформлення, 2025